Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»

Рэха мінуўшчыны

Зборнік навуковых артыкулаў
Студэнцкага навуковага таварыства
факультэта гісторыі і сацыялогіі
ГрДУ імя Янкі Купалы

Гродна
ЮрСаПрынт
2012

УДК 93/94
ББК 63.3(0)
Р96

Рэкамендавана Саветам факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Янкі Купалы.

Р96 **Рэха мінуўшчыны** : зб. навук. арт. / рэдкал.: А.С. Горны [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2012. – 220 с.

ISBN 978-985-90264-28-42

У зборніку прадстаўлены навуковыя артыкулы студэнтаў факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Янкі Купалы, а таксама студэнтаў БДУ, БрДУ імя А.С. Пушкіна, ПалесДУ і Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве (Польшча). Асвятляюцца актуальныя праблемы айчыннай і ўсеагульнай гісторыі, у тым ліку пытанні археалогіі, гістарыяграфіі, гендэрнай гісторыі і гістарычнага краязнаўства. Будзе карысны навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў, аспірантам, магістрантам, студэнтам, усім, хто цікавіцца гісторыяй.

ISBN 978-985-90264-28-42

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ПРАДМОВА

Паважаныя калегі! У ходзе нашай плённай працы і сумесных намаганняў выйшаў трэці зборнік навуковых студэнцкіх прац «Рэха мінуўшчыны». У адрозненне ад папярэдніх выпускаў, сапраўдны зборнік перайшоў на новы ўзровень – міжнародны, у чым вы ўжо маглі пераканацца.

Структуру зборніка мы паспрабавалі захаваць ранейшай, тым самым паказваючы пераемнасць і сувязь з мінулымі выпускамі.

Вашай увазе прадстаўлены артыкулы па ўсеагульнай гісторыі, гісторыі Беларусі, археалогіі і культурнай антрапалогіі, гістарычнаму краязнаўству. Работы даслалі нам студэнты з розных універсітэтаў краіны і Польшчы: Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Пушкіна, Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта і Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве.

Знайшлі сваё адлюстраванне раздзелы, звязаныя з гістарыяграфіяй і крыніцазнаўствам, гендэрнай гісторыяй і іншымі праблемамі гістарычнай навукі. Сярод даследчыкаў гэтай сферы нельга абмінуць студэнтку *Ракоўскую І.В.*, якая займаецца вывучэннем крыніцазнаўчай базы па гісторыі кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я.Купалы, і *Панкевіч В.В.*, чыя праца ў нашым выданні прысвечана праблеме гендэрнай гісторыі сярэднявечча.

У чарговы раз атрымлівае пацвярджэнне тэзіс аб шырокім тэматычным размаху гістарычных даследаванняў студэнцкай навуковай эліты і яе зацікаўленасці ў такога роду працы. Дзякуючы нашаму зборніку, Вам стануць даступныя апошнія адкрыцці моладзі ў галіне гістарычнай навукі.

Аўтарамі артыкулаў разглядаюцца праблемы, звязаныя з габрэйскім насельніцтвам (*Янучэня Д.С.*, *Махнач Я.А.*, *Кажэнеўская М.Г.*, *Карпенкіна Я.В.*), асноўнымі тэндэнцыямі развіцця нашых зямель у міжваенны перыяд (*Горны А.С.*,

Сахарчук М.Н.), а таксама пытаннямі паўстання 1863 года (*Кайрыс А.А.*).

Асаблівай увагі заслугоўваюць працы пінскіх калег, чые даследаванні датычацца гісторыі пчалярства, паганства і фальклору на Палессі (*Сечка В.І., Кісаметава А.В., Пашкевіч А.А.*).

Актуальнай па-ранейшаму застаецца новая і найноўшая гісторыя Польскай дзяржавы, аб чым можна даведацца з даследаванняў *Залогі А.Г.* і *Лютомскага А.А.*, і гісторыя усходніх і заходніх славян (*Хаванскі А.В., Лебядзевіч В.Д.*).

А вопыт стварэння падземнага музея ў Кракаве, якім падзялілася ў сваім артыкуле студэнтка Ягелонскага ўніверсітэта выклікае захапленне (*Lisiecka A.*).

Кожны з Вас прыклаў нямала працы, каб артыкулы былі сапраўды навуковымі, а тэмы актуальнымі і адначасова цікавымі нашым чытачам. Мы больш чым ўпэўнены, што Ваша даследчая праца не скончыцца на дадзеным этапе і выданне зборніка будзе працягвацца!

Хочацца, каб нават самыя нязначныя Вашыя адкрыцці сёння, перараслі ў навуковыя працы заўтра! А «Рэха мінуўшчыны» прыкладзе ўсе намаганні для падтрымкі Вас з нашага боку!

Асобныя словы падзякі за дапамогу ў выданні зборніка хацелася б выказаць кіраўніцтву факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Я. Купалы, а таксама нашым фундатарам і мецэнатам – У.А. Горнаму (ПУП “Арэгон”) і Д.А. Каралёву (ПУП “Аграрыум”). Без Вашай шчырай дапамогі наш зборнік не пабачыў бы свет!

В.І. Кузьміч,
старшыня СНТ
факультэта гісторыі і сацыялогіі
ГрДУ імя Янкі Купалы

УДК 327.1(438)(47)

А.Г. Залога
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В статье рассматривается польская политическая ссылка во второй половине XVIII века. Автор освещает вопрос ссылки и пребывания в Сибири барских конфедератов, участников подпольных патриотических организаций, повстанцев Т. Костюшко.

Со времен упадка Речи Посполитой одним из ключевых вопросов внутриполитического развития Российской империи становится польский вопрос, а одним из средств борьбы с растущим национально-освободительным движением на присоединенных землях – массовая ссылка в Сибирь.

Во второй половине XVIII в. в Российскую империю пошли две волны польских ссыльных. Первая была связана с событиями Барской конфедерации, вторая – с восстанием Т. Костюшко.

С появления в Сибири участников Барской конфедерации российский историк С.В. Максимов ведет отсчет польской политической ссылки за Урал [1, с. 325]. С этим нельзя не согласиться, так как конфедерация часто расценивается как первое восстание в защиту независимости Речи Посполитой [2, с. 151], т.е. главной задачей восстания была защита политических интересов страны. Война вооруженного союза польской шляхты, созданного в феврале 1768 г. против Станислава Августа Понятовского и царской России, закончилась для конфедератов поражением.

В это время российским послом в Варшаве был Николай Репнин, который огласил указ Екатерины II от 29 мая 1768 г. о ссылке в Сибирь пойманных конфедератов [3, с. 50].

Согласно новому указу, оглашенному 22 ноября 1768 г.,

взятые в плен конфедераты, простые солдаты, включались в состав армии генерала Петра Румянцева и размещались в гарнизонах Казанской и Тобольской губерний, шляхта же попадала во временные лагеря (наиболее известные из них находились в Познани, Торуни, Праге под Варшавой), затем направлялись в Киев, Тулу и Казань – этапные тюрьмы перед ссылкой в Сибирь. Большинство ссыльных было зачислено в сибирские военные гарнизоны [4, с. 27]. Преимущественно конфедераты оказались в ссылке на территории Западной Сибири, но некоторые волею судеб были высланы еще дальше на восток и оказались в пределах административных границ Иркутской губернии [5].

События были беспрецедентными и скандальными: Екатерина II вмешалась в дела Польши от имени польского короля, поэтому мятежники должны были нести ответственность перед королем и возможное наказание отбывать на территории своей страны. Это было явным вмешательством в дела независимого государства, нарушающим давние гражданские права. Послы на Сейме представляли королю протесты и желали, чтобы он заинтересовался судьбой вывезенных поляков, однако король хранил молчание [6, с. 58]. Конфедераты следовали в изгнание в качестве военнопленных [7, с. 15].

До сих пор остается не выясненным точное количество ссыльных конфедератов. В работах современных польских исследователей встречаются разные цифры. А. Брус пишет о «5 либо 5,5 тыс. ссыльных» [6, с. 58], А. Кубаяк приводит цифру 15 тыс. [8, с. 70].

Автор «Истории поляков в Сибири» (1928 г.) М. Яник утверждал, что «количество сосланных в Сибирь конфедератов было очень большим, так как точно превышало 10 тыс. чел.» [3, с. 53]. Польский этнограф XIX–начала XX вв. Б. Пилсудский писал о потоке ссыльных конфедератов: «Одни определяют его численность около 6 тыс. чел., другие – до 10 тыс. чел.; точных данных нет. Из официальных документов неопровержимо вытекает, что было их немало

и что сибирская власть делала все, что могла, чтобы задержать в Сибири бравых воинов и защитников Отечества» [9, с. 14–15].

Сохранился рукописный Реестр конфедератов в двух вариантах: один приводит цифру 4989, второй, более обширный, – 5445. Происходит он с 1773 г., даты издания Екатериной II указа об освобождении сибирских пленных [3, с. 53].

Т. де Белькур, французский офицер на службе Барской конфедерации, взятый в плен и высланный в Сибирь, также приводит список ссыльных в количестве 5445 человек. Несмотря на то, что Белькур называет их «изгнанниками в Сибирь» [10, с. 46], вероятнее всего, что значительная часть их осталась на территории европейской части Российской империи.

Большинство пленных польских конфедератов были приписаны к казачьему сословию. Они были обязаны, приняв присягу на верность императрице, нести наравне с казаками воинскую службу. Направляли, кстати, тогда поляков и на частные работы, что являлось рудиментом традиций той эпохи, когда пленные могли принадлежать не только государству, но и частным лицам. Более того, часть пленных отдавалась в вечное услужение помещикам, т.е. фактически они становились крепостными. Единственным средством избежать отправки в Сибирь или в Оренбург, остаться вольными людьми и самим избрать себе род занятий являлось принятие православия [11].

Конфедераты чаще всего зачислялись «солдатами» в корпуса Тюмени, Тобольска, Омска, Оренбурга. Некоторых выслали в Восточную Сибирь, в окрестности Иркутска, Нерчинска, даже Якутска. В позднейших воспоминаниях не раз говорится о том, что много построек Тобольска и Оренбурга было возведено конфедератами [7, с. 16].

Исследователь польской эмиграции З. Либрович пишет: «Тобольск построен главным образом поляками, в том числе и здание, в котором во времена Екатерины II жил правитель Сибири Чичерин; в Оренбурге каменная стена, окружающая крепость, также возведена их руками» [10, с. 48].

Из числа барских конфедератов широкую известность снискал Кароль Любич-Хоецкий. Изгнанный в Сибирь вместе с четырьмястами товарищами по оружию, он был включен в ряды российской армии. Через 8 лет он бежал. В своей книге, впервые изданной в Варшаве в 1789 г. [9, с. 15], он утверждает, что только для воинской службы забрано было конфедератов «до нескольких тысяч» [10, с. 44]. В числе взятых в плен было несколько маршалов, например, Зелинский, Сенявский, Кадлубовский, Малевский и другие. Некоторых сослали в Оренбург, кого-то – в Тобольск и другие города [10, с. 45]. К. Хоецкий описал судьбу группы ссыльных: оказались они в Тобольске, были включены в состав полка, который сражался в 1773 г. с отрядами Емельяна Пугачева, потом вернулись в Тобольск. Поляки потребовали возвращения их на родину; вызвали губернатора, с которым разговаривали несколько представителей протестующей группы. Результатом было телесное наказание, клеймение и нанесение увечий, а потом ссылка в разные стороны [6, с. 59].

В 1773 г. Екатерина II издала указ об освобождении барских конфедератов, но генерал Денис Чичерин не подчинился требованиям документа и освободил только офицеров, стариков и инвалидов, остальные солдаты были зачислены в казацкие отряды, постоянно находящиеся в Сибири. В 1774 г. была освобождена следующая группа лиц. Около 90 бывших конфедератов добровольно остались на месте ссылки; заключили брачные союзы с сибирячками, перешли в православие и постепенно поддавались русификации [6, с. 58]. Наибольшее количество вернулось на родину на основании распоряжения императора Павла I 1796 г. Распространялось оно как на ссыльных участников восстания Костюшко, так и на поляков, которые раньше оказались в ссылке, в том числе и на барских конфедератов [7, с. 16].

Наряду с военнопленными, по меньшей мере с 1792 г., на Восток высылались также члены подпольных патриотических организаций и после 1795 г. В их числе были среди прочих подпольщики с Подолья, Волыни, Полесья и Литвы [12, с. 37].

Большая группа поляков оказалась в Сибири в 1794–1797 гг. Это были участники восстания Т. Костюшко 1794 г., а также члены созданной в 1796 г. в Варшаве Центральной Организации и члены раскрытого в 1797 г. в Литве Патриотического Союза [6, с. 59].

Так, Юзеф Охоцкий, базилианин из Овруча на Волыни, был арестован за участие в подпольной организации в 1794 г. и после продолжительного пребывания в тюрьме в Смоленске сослан в Туринск в Западной Сибири, откуда вернулся в 1797 г. [12, с. 38].

Считается, что около 10–12 тысяч костюшковских солдат были зачислены в российскую армию. Неизвестно, сколько народа было отправлено в ссылку [8, с. 71].

Б. Пилсудский пишет, что в ссылку были отправлены «тысячи солдат армии Костюшко, рассеянные по всей Сибири. Кроме того, значительное количество поляков, проживавших в России, выслали в Сибирь по указу от 20 июня 1795 г.» [9, с. 15].

Павел I после вступления на престол издал указ, позволявший всем сосланным полякам вернуться на родину, однако многие остались в Сибири, приспособившись к местным условиям. С.В. Максимов, изучающий вопросы ссылки и каторги, пишет, что «большую часть потомков барских конфедератов и костюшковцев мы находим в хорошо обеспеченном бытовом состоянии. Не меньшая часть успела проникнуть и укрепиться в слое туземного служилого, чиновничьего сословия. Значительному числу из трудолюбивых, находчивых и умелых удалось настолько воспользоваться своими знаниями к обеспечению собственного быта, что по объявлении им права к возврату на родину весьма многие остались в Сибири жить навсегда. Указ Павла I на значительное число ссыльных поляков первого периода ссылки не произвел никаких впечатлений» [1, с. 339].

До иных же указ вообще не дошел. Так, например, бригадир Юзеф Копаць, лишенный всех прав и сосланный на Камчатку, был освобожден случайно, благодаря доброму

сердцу одного из купцов, который отвез его прошение в Петербург, и вернулся на родину лишь в 1810 г. В «Дневнике путешествия», впервые изданном в 1812 г. [9, с. 15], Юзеф Копеч записал свои воспоминания о родине за 1792–1794 гг., о пребывании в тюремном заключении в Киеве и Смоленске, а также о пребывании на Камчатке [12, с. 38].

С 60-х годов XVIII века, несмотря на отсутствие открытой войны между Российской империей и Речью Посполитой, начинается борьба поляков за государственную независимость. Первым ее проявлением принято считать Барскую конфедерацию, пытающуюся противостоять растущему влиянию соседнего государства на политическую ситуацию в Польше. Демонстративно внешне сохраняя легитимность в политических действиях, Екатерина II, тем не менее, позволяет себе вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой от имени польского короля, считать жителей соседнего независимого государства своими врагами и наказывать их посредством ссылки в отдаленные губернии империи. Та же участь в дальнейшем постигла участников восстания Костюшко. После разделов Речи Посполитой последовали ссылки за участие в деятельности патриотическов кружков и нелегальных организаций, стремившихся к независимости. Ссылка в Сибирь становится одним из главных методов подавления польского национального освободительного движения.

The article deals with the Polish political exile in the second half of XVIII century. The author considers the problem of link and stay in Siberia manor Confederate clande stine members of patriotic organizations, as well as the rebels T. Kosciuszko.

Список источников и литературы

1. Максимов, С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. / С.В. Максимов. – Санкт-Петербург: Изд-во В.И. Губинского, 1900. – Ч. 1. – 496 с.
2. Дыбковска, А. История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковска, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава: ПВН, 1995. – 382 с.

3. Janik, M. Dzieje Polaków na Syberii / M. Janik. – Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991. – 472 s.
4. Wieliczko, M. Jeniectwo wojenne Polaków w Rosji w latach 1503–1918: określanie problemu / M. Wieliczko. – Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998. – 312 s.
5. Болеславский, С. Поляки в Сибири / С. Болеславский // Восточно-Сибирская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsp.ru/okray/2002/06/29/457288. – Дата доступа: 15.03.2012.
6. Brus, A. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914 / A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. – 438 s.
7. Sybir romantyków / [oprac. i wybór] Zofia Trojanowiczowa; oprac. materiałów wspomnieniowych uczestniczył Jerzy Fiećko. – Poznań: W drodze, 1993. – 602 s
8. Kubajak, A. Sybir i Syberia: w dziejach narodu polskiego / A. Kubajak. – Krzeszowice: Wydawnictwo Kubajak, 2008. – 120 s.
9. Пилсудский, Б. Поляки в Сибири / Б. Пилсудский // Сибирь в истории и культуре польского народа: сборник. – М.: Ладомир, 2002. – С. 13–30.
10. Librowicz, Z. Polacy w Syberii / Z. Librowicz. – Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1993. – 380 s.
11. Бессонов, В.А. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Адъютант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adjudant.ru/captive/bes06.htm. – Дата доступа: 10.02.2012.
12. Wójcik, Z. Rosja i Rosjanie w relacjachzesłańców kościuszkowskich / Z. Wójcik // Polacy a Rosjanie. Поляки и русские: materjały z konf. «Polska – Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wojennych wyobrażeń»; 14–17 maja 1998 r. – Warszawa – Płock, 1998. – S. 37–47.

Научный руководитель – **Т.Т. Кручковский***, кандидат исторических наук, доцент.*

УДК 347.782(44)

Т.В. Артющик
(Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина)

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ ФРАНЦИИ 20–30-х гг. XX в.

В статье рассматривается история зарождения и развития сюрреализма, модернистского направления, зародившегося во Франции в 1920-х гг. Для сюрреализма характерно пристрастие ко всему причудливому, иррациональному, не соответствующему общепринятым стандартам. Само движение было разнородным, но ставило своей основной целью раскрепощение творческих сил подсознания и их главенство над разумом. Представлены краткая биография и творческий путь художников, принадлежавших к этому направлению.

Сюрреализм (от фр. surrealisme – сверхреализм) – эстетическое течение, возникшее во Франции в 20-е годы XX века. В формировании сюрреализма важное место занял предшествующий ему дадаизм. Это литературно-художественное течение возникло в годы Первой мировой войны в 1916 г. и отражало настроение разочарования у художников. Дадаизм просуществовал не долго, до 1922 г., однако стал базой для искусства сюрреализма.

Изначально сюрреализм возник как литературное течение, но вскоре приобрел статус художественного явления в современном ему мировом искусстве. Термины «сюрреализм», «сюрреалистический» впервые появляются в 1917 г. в манифесте Г. Аполлинера «Новый дух», написанном к балету «Парад». Художественная школа сюрреализма сложилась в Париже к 1924 г. В сотрудничестве с художниками Л. Арпом и М. Эрнстом, а также поэтами П. Элюаром и Б. Пере А. Бретон в 1924 г. издает «Первый манифест сюрреализма», в котором дает определение сюрреализма: «Чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить, или устно, или письменно, или любым другим способом, реальное функци-

онирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений... Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность определенных ассоциативных форм, которыми до него пренебрегали, на вере во всемогущество грез, в бескорыстную игру мысли. Он стремится бесповоротно разрушить все иные психические механизмы и занять их место при решении главных проблем жизни» [1, с. 54]. А. Бретон назвал основные приемы нового искусства: автоматизм, использование обманок и сновиденческие образы.

Искусство сюрреализма развивалось по двум направлениям. Художники первого направления импровизировали и свои «экспедиции в бессознательное» выражали с помощью абстрактных знаков и символов, как Хоан Миро, Ив Танги, Андре Массон. Ко второму направлению принадлежат художники Сальвадор Дали, Макс Эрнст, Рене Магритт, Пол Дельво. Они использовали реальные формы и предметы, но в деформированном виде и невероятных сочетаниях.

Живописцы-сюрреалисты применяли всевозможные приемы, разработанные до них как классическим, так и авангардистским искусством: от подробного копирования реальности, доходящего до фотографической точности, до изображения фантастических реалий и абстракций, изобретали множество игровых «автоматических» техник в живописи: коллаж, фроттаж, фюмаж, дриппинг, спонтанная декалькомания, граттаж, алхимаж, фруассаж.

Сюрреализм предполагал с помощью внешне точно, даже фотографично выписанных предметов и явлений действительности одновременно представить в изобразительном искусстве внутреннюю сущность этих предметов и явлений. Совмещение несовместимого, экспрессивное увеличение отдельных частей человека, деформация его естественных форм составляет основу изображения реальности в сюрреализме, который выявляет внутреннее, часто неподдающееся рациональному осмыслению скрытое содержание

предметов, явлений и самого человека. В основе искусства сюрреализма лежит гротеск чаще всего в форме соединения прекрасного и уродливого и доведение изображаемого до полного абсурда. Сюрреализм отбросил «вековые оковы» рационализма и заменил господство разума иррационализмом, то есть отрицанием в практике искусства логики, основывающейся на признании действующих в реальном мире закономерностей развития [2, с. 84].

Сюрреализм традиционно представлен как течение, основанное на теории психоанализа З. Фрейда. Следуя его взглядам, сюрреалисты провозглашали, что иррациональное и бессознательное начало – та высшая истина, которая должна быть утверждена на земле. Некоторые из них писали в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, гипноза. Такой метод творчества они называли автоматизмом [3, с. 93].

В конце 20-х–начале 30-х гг. XX в. направление претерпело кризис. А. Бретон пришел к амбициозной идее, что сюрреализм – это тотальное революционное движение, связанное с идеями коммунизма и исторического материализма. В 1929 г. он выпустил второй манифест сюрреализма. В 1930–1939 гг. направление получило широкое распространение. В Париже художники сгруппировались вокруг журнала «Minotaure» («Минотавр», 1933–1938 гг.). В парижских художественных салонах и галереях проходили многочисленные выставки сюрреалистов. Вскоре течение вышло на международную арену. Апофеозом утверждения принципов и идей сюрреализма, его признанием как ведущего направления в изобразительном искусстве стала огромная выставка под названием «Фантастическое искусство, дада, сюрреализм» [4, с. 15]. Она была открыта в 1936 г. в Нью-Йоркском музее современного искусства.

Сюрреализм, зародившись во Франции, не стал направлением национальным, поскольку не воспринял национальных французских традиций в искусстве. Искусство сюрреализма было выстроено на разрыве с исторически сло-

жившимися традициями и носило с самого начала космополитический характер. Знакомясь с произведениями сюрреалистов, трудно определить, художникам каких стран они принадлежат.

Крупнейшим представителем сюрреализма является Сальвадор Дали. В 1929 г. Дали переселился в Париж, вступил в группу сюрреалистов, в которой стал играть значительную роль. Однако его сверхэкстравагантные манеры и политические взгляды привели его к конфликту с Андре Бретоном и другими сюрреалистами, склонявшимися в тот период к коммунистической идеологии. В 1934 г. Бретон исключил Дали из группы сюрреалистов.

Заметной фигурой во французском сюрреализме был Ив Танги. Он родился в Париже в семье отставного офицера военного флота. Детство провел на побережье Северного моря в Бретани: впечатления, связанные с морем, оказали огромное влияние на его творчество – в своих работах он часто использовал формы амеб, морских и земноводных животных, плавные линии и очертания дыма и облаков, пульсаций в воде и дрожащий свет. Танги не получил профессионального художественного образования, что, однако, не помешало ему стать одним из представителей сюрреализма.

К сюрреалистическому направлению примыкали совершенно разные как по социальному положению, так и по взглядам люди. Французский график и живописец Андре Массон соединил в своем творчестве черты сюрреализма и абстрактного экспрессионизма, хотя известность получил за изображения чудовищных фантастических миров. Многие из рисунков Массона появлялись в ходе неосознанно-спонтанного творческого процесса [5, с. 76].

Сюрреализм пережил несколько кризисов, Вторую мировую войну и постепенно, слившись с массовой культурой, вошел в качестве составной части в постмодернизм. С начала 40-х гг. XX в. центр сюрреализма переместился в США, куда эмигрировали Бретон, Дюшан, Дали, Танги и др.; «новая волна» сюрреализма на американской почве в

основном была представлена в изобразительном искусстве – в произведениях, отмеченных извращенной фантастикой, навязчивой патологией образов, претенциозным мистицизмом. Попытки возродить сюрреализм во Франции после 1945 г. оказались безуспешными, хотя приемы, выработанные им в пору расцвета, оставили известный след в словесности и вошли, помимо живописи, театра и кино, в обиход прикладного искусства.

This article deals with the history of the origin and development of surrealism, modernist lines, was born in France in 1920. Characterized by passion For surrealism to the strange, irrational, not the generally accepted standards. The movement was a mixed bag, but has its main goal of emancipation of creative power of the subconscious and their rule over reason. The article also provides a brief biography and career of artists belonging to this line.

Список источников и литературы

1. Вирмо, А. Мэтры мирового сюрреализма / А. Вирмо, О. Вирмо. – СПб.: Гуманит. агентство «Академ. проект», 1996. – 279 с.
2. Андреев, Л.Г. Сюрреализм / Л.Г. Андреев. – М.: Высшая школа, 1972. – 232 с.
3. Антология французского сюрреализма: 20-е годы. – М.: ГИТИС, 1994. – 391 с.
4. Всеобщая история искусств. – М.: Искусство, 1994. – Т. 4, ч. 2. – 780 с.
5. Пикон, Г. Сюрреализм 1919–1939 гг. / Г. Пикон. – М.: Bookking, 1995. – 216 с.
6. Сюрреализм: иллюстрированная энциклопедия / [текст, составление, общая редакция И.Г. Мосин]. – СПб.: Кристалл, 2005. – 690 с.
7. Шенье-Жандрон, Ж. Сюрреализм; пер. с фр. С. Дубина / Ж. Шенье-Жардон. – М.: НЛО, 2002. – 280 с.

Научный руководитель – **Т.М. Тохиян***, кандидат исторических наук, доцент.*

УДК 327 (437):(47+57)

В.Д. Лебедевич
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ЭМИГРАНТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЧЕХОСЛОВАКИИ И СССР В 1939–1943 ГГ.

В статье проведен краткий анализ основных вех межгосударственного сотрудничества Советского Союза и эмиграционного правительства Чехословакии в Лондоне. Приводятся выдержки из документов, которые подтверждают сложность и неоднозначность рассматриваемого периода. В статье содержится оценка важнейших международных событий, происшедших в отмеченный период, реакции СССР, Чехословакии и других государств на факты, сопровождающие сотрудничество лондонского центра эмиграции Чехословакии и СССР. Кроме того, представлены сведения о сотрудничестве разведок СССР и Чехословакии, которое оказало значительное влияние на развитие советско-чехословацких отношений. Также обозначены актуальные на тот период проблемы дискуссионного характера.

Вторая мировая война – это не только период кровопролитных боевых действий, успешных операций, экономического ослабления государств, сломанных судеб, но и время небывалой политической активности, которое характеризуется как установлением дипломатических отношений, так и плетением интриг на мировом уровне. Именно так можно охарактеризовать отношения, которые сложились в 1939–1945 гг. между эмигрантским правительством Чехословакии, возглавляемым Э. Бенешем, и Советским Союзом. Вызывает массу вопросов скачкообразная политика чехословацкого экс-президента в отношении страны Советов, в которой можно наблюдать то периоды затишья, то периоды широких дипломатических переговоров. С чем это было связано: с тесным сотрудничеством лондонского центра эмиграции с Великобританией, недоверием к стране победившего социализма или с грамотной политикой Э. Бенеша «50 % – на Восток, 50 % – на Запад»?

Сегодня большинство научных работ посвящено рассмотрению сотрудничества СССР и Коммунистической пар-

тии Чехословакии в годы Второй мировой войны. При этом эмигрантское правительство Чехословакии в Лондоне сыграло далеко не последнюю роль в деле налаживания международной дипломатии в 1939–1945 гг.

1939–1943 гг. (до подписания в Москве договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией от 12 декабря 1943 г.) – период, пожалуй, наиболее непонятный и непоследовательный в сотрудничестве чехословацкого правительства в эмиграции и Советского Союза.

При детальном рассмотрении развития сотрудничества лондонского эмиграционного правительства Чехословакии и Советского Союза напрашивается вывод о неравномерности данных отношений. Это было связано с прозападной ориентацией политики Э. Бенеша, которая прослеживается на протяжении всего периода Второй мировой войны. В сентябре 1938–мае 1941 гг. коммунистический Советский Союз вызывал у Чехословакии намного больше опасений, даже несмотря на то, что он, по сути, стал единственным государством, готовым оказать Чехословакии реальную поддержку. А вот западные державы, которые предали Чехословакию, попрежнему представлялись более надежными союзниками. Так, например, 14 февраля 1938 г. З. Фирлингер, посол Чехословакии в СССР, сообщал в Прагу о возможных совместных действиях СССР и Франции в защиту Чехословакии. Однако Чехословакия, которая вела политические, экономические, военные переговоры с Москвой, все еще надеялась на возможность соглашения с Германией при поддержке Англии и Франции. Даже тогда, когда из Москвы прозвучали слова о взаимной помощи Праге «не дожидаясь Франции», такая помощь была отвергнута. В конце апреля 1938 г. Э. Бенеш говорил советскому посланнику в Праге: «В существующих отношениях между Парижем-Прагой-Москвой всегда соблюдался принцип, что Прага не проявляет инициативы и сама не будет вести переговоры, особенно о военных делах... мы можем присоединиться только к тому, о чем перед этим

и раньше договорились Париж с Москвой» [1, с. 21].

Здесь, однако, необходимо сделать оговорку. В критический момент, после подписания 23–30 сентября в Мюнхене Чемберленом, Деладье, Гитлером и Муссолини соглашения о передаче Германии важнейших пограничных зон Чехословакии, Э. Бенеш все же позвонил советскому послу в Праге С.А. Александровскому и высказал просьбу срочно сделать в Москву запрос о том, сможет ли Советский Союз оказать помощь Чехословакии в одиночку в случае ее отказа принять ультиматум и, следовательно, оказания военного сопротивления третьему рейху. Александровский такую телеграмму отправил, но, согласно официальной советской версии, по техническим причинам она была получена в Москве, когда ответ Праге был уже не нужен. 5 октября Э. Бенеш ушел в отставку с поста президента [2, с. 61].

Отношения на данном этапе были осложнены по причине подписания советско-германского договора о ненападении, что вызвало широкий общественный резонанс. Э. Бенеш выражал понимание внешнеполитических акций СССР (советско-германского пакта о ненападении от 23 августа, советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября, присоединения Западной Украины и Западной Беларуси к Советскому Союзу), говорил о желательности определения общей советско-чехословацкой границы, о помощи СССР в освобождении Чехословакии от гитлеровского ярма, о возможной передаче после войны Подкарпатской Руси Советскому Союзу и т.д. Насколько все это было искренним, судить сложно. Посол СССР в Лондоне Майский описал поведение Бенеша следующим образом: «Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на Восток. Его душа срослась с Западом, но как патриот он не видел для своей страны иного выхода, кроме сотрудничества с Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения». Не лишним, однако, будет напомнить, что в конце 1939 г. советское правительство в контексте

налаживания «дружбы с Германией» прервало все официальные связи с чехословацкими зарубежными органами Сопротивления [3, с. 27].

В 1938–1941 гг. между эмигрантским правительством Чехословакии и СССР не происходило значительных политических столкновений, поэтому данный период можно назвать только началом зарождения сотрудничества между политическими центрами обоих государств.

При этом не стоит забывать тот факт, что пусть действительно реального сотрудничества, особенно до официального создания лондонского центра эмигрантского правительства Чехословакии, не было, но Бенеш все это время поддерживал негласную связь с СССР через посла Уманского. Об этом он сообщал в своих посланиях на родину [2, с. 60]. Данный этап в международной политике Бенеша стал своеобразным налаживанием мостов, в том числе и с Советским Союзом. Чехословацкому экс-президенту было важно заручиться поддержкой и СССР, и западных держав, и США. По-прежнему ориентируясь на Запад, после событий 1938 г. он уже опасался слепо доверять этим государствам, искал дополнительную альтернативу.

В этот период более четко прослеживается сотрудничество между чехословацкой и советской разведками, что в конечном результате найдет отражение в советско-чехословацких отношениях. Как свидетельствуют архивные документы, советская разведка еще с мая 1939 г. поддерживала контакты с резидентурой чехословацкого сопротивления «Обрана Лиду», находившейся под контролем Э. Бенеша. Начальник чехословацкой разведки в Лондоне Я. Моравец сообщал русской разведке о военных приготовлениях немцев, их настойчивом желании запугать Россию, убедить в необходимости примкнуть к странам гитлеровской коалиции. Чехословацкая сторона пыталась использовать контакты по линии разведки и для решения политических вопросов, что сыграло важную роль в скором после нападения Германии на СССР восстановлении дипломатических отношений [4, с. 166].

Характеризуя 1941–1942 годы, необходимо отметить, что нападение Германии на СССР открыло новую страницу в советско-чехословацких отношениях. 18 июля 1941 г. было подписано первое важное соглашение между государствами, которое, по сути, отражало основные требования Чехословакии к Советскому Союзу. Одним из пунктов документа стала организация чехословацких воинских частей на территории СССР, что способствовало не только созданию чехословацкой воинской бригады, но и активным ее действиям совместно с советскими войсками [2, с. 67; 5, с. 11–13].

27 сентября 1941 г. в Москве было подписано военное соглашение между верховными командованиями СССР и Чехословакии о порядке формирования на территории СССР чехословацких частей. Со стороны СССР соглашение подписал генерал-майор Василевский, со стороны Чехословакии – Пика. По существу, оно фактически закрепило те договоренности, которые были достигнуты еще 8 июля 1941 г. Новым явилось освещение вопроса о финансировании данного проекта. Все экономические затраты по организации и содержанию чехословацких частей в России брал на себя Советский союз, при условии, что по окончании войны все расходы будут кредитованы правительством СССР и возвращены чехословацким правительством [4, с. 166].

На протяжении всего рассматриваемого периода Чехословакия пыталась решить еще один приоритетный вопрос – Мюнхенское соглашение. И несмотря на то, что ответ на этот вопрос лежал на поверхности, и здесь западные державы, в отличие от СССР, долго не могли определиться с точной формулировкой своей позиции. На англичан не мог не влиять взгляд Москвы на конфигурацию послевоенной ЧСР. А он был неофициально обозначен: Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхенских границах. В итоге был принят компромиссный вариант: англичане настояли на сохранении их правовой оценки изначальной действительности Мюнхенского соглашения. Такая интерпретация только частично выражала интересы Чехословакии, но на тот пе-

риод вполне устроила Бенеша. Следует, однако, обратить внимание на следующее обстоятельство: несмотря на то, что в 1942 г. была достигнута определенная ясность в вопросе отношений к «Мюнхену» Англии и Франции, он продолжал обсуждаться, когда речь заходила о границах, выселении из ЧСР немецкого меньшинства, времени начала ее войны с Германией и Венгрией, возмещении Чехословакии военного ущерба и т.д. Изменение общей международной ситуации в пользу союзников по антигитлеровской коалиции предполагало возможное изменение их позиций в оценке «Мюнхена». Неизменным являлось то, что по-прежнему Чехословакия в первую очередь пыталась найти поддержку Советского Союза по данному вопросу, а затем уже действовать [2, с. 70; 5, с. 31–33].

Советско-чехословацкое сотрудничество в 1943 г. явилось подготовкой к заключению между Чехословакией и СССР в декабре 1943 г. договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Чехословацкое правительство в Лондоне было заинтересовано в договоре о сотрудничестве с Советским Союзом, не только потому, что он укреплял его международные позиции, но и обеспечивал внутреннюю независимость. В некоторой степени продолжительность подготовки данного договора была связана с зависимостью эмигрантского правительства Чехословакии в Лондоне от Великобритании. Последняя, в свою очередь, настаивала на заключении трехстороннего соглашения с участием польского эмигрантского правительства. Советский Союз не стремился к заключению подобного рода документа, потому переговоры затягивались [6, с. 83–85].

Весной 1943 г. единственно важным пусть не в политической, но в экономической сфере стало подписание соглашения о предоставлении правительством СССР Чехословацкой республике денежных средств, материалов обслуживания, необходимых для содержания чехословацкой бригады на территории Советского Союза в период войны. Подобное соглашение уже заключалось зимой (22 января) 1942 г., однако в связи с тем, что средства в размере пяти миллионов рублей были полностью израсходованы, появилась необхо-

димость в заключении нового договора. Условия соглашения оставались прежними, в соответствии с ними «...взаимные расчеты между обоими правительствами будут произведены по окончании нынешней войны по соглашению сторон» [5, с. 82–83].

Политика Э. Бенеша «50 % – на Восток, 50 % – на Запад» на практике явно не имела подобного процентного соотношения.

1939–1943 years – little-covered stage in the development of cooperation between the USSR and the Czechoslovak center of emigration in London. Though this period is not marked by significant, key events in international politics of states it is the political diplomacy of this time that has made possible all those accomplishments, of which is filled with the final phase of World War II. The article is a brief analysis of the key milestones of international cooperation of the Soviet Union and the Czechoslovak government in exile in London. There are extracts from the documents that confirm the complexity and ambiguity of the period under review.

Список источников и литературы

1. Марьина, В.В. Еще раз о «Мюнхенском сговоре» (новые документы из чешских архивов) / В.В. Марьина // Славяноведение. – 2006. – № 3. – С. 16–37.
2. Марьина, В.В. Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения 1939–1945 гг. / В.В. Марьина // Новая и новейшая история. – 2009. – № 4. – С. 59–84.
3. Марьина, В.В. Чешское общество о советско-германском пакте 1939 года и начале Второй мировой войны / В.В. Марьина //Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 18–31.
4. Молок, Ф.А. Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. Документы. Том 1 (март 1939–июнь 1943 гг.), том 2 (июль 1943–март 1945 гг.) / Ф.А. Молок // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 165–168.
5. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – 290 с.
6. Аморт Честмир. СССР и освобождение Чехословакии / Честмир Аморт. – М.: Прогресс, 1976. – 272 с.

Научный руководитель – **И.О. Змитрович***, кандидат философских наук, доцент.*

УДК 94(438)(1941-1945)

Д.С. Янученя
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮДЕНРАТА ПО УЧЕТУ, РЕГИСТРАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ УЗНИКОВ БЕЛОСТОКСКОГО ГЕТТО В 1941 ГОДУ

В годы Второй мировой войны нацисты осуществляли приступную политику геноцида еврейского населения. Первым шагом на пути реализации планов уничтожения евреев и состовной частью оккупационного режима стало создание юденратов – еврейских советов, которые занимались учетом, регистрацией еврейского населения, переселением его в гетто – в специально отведенные районы города для изоляции евреев, организацией жизни узников внутри гетто и за его пределами. Эти аспекты деятельности юденрата рассматриваются в статье на примере Белостокского гетто.

Массовое убийство евреев нацистами и их пособниками в годы Второй мировой войны обозначается разными терминами. Наиболее распространенный из них сегодня – это Холокост «Holocaust» (принят в англ., фр., нем., исп., голланд. языках), в переводе с греческого языка обозначает «жертвоприношение». На иврите укоренилось слово «Шоа» (первоначальное значение – страшное разрушение, катастрофа). Имеется также термин Катастрофа.

Оккупационная политика нацистов в годы Второй мировой войны была ориентирована на создание представительных посреднических органов между оккупационными властями и основной массой населения. Это коснулось и еврейского населения, подлежащего по планам нацистов полному уничтожению [1, с. 5]. Оккупанты повсеместно создавали еврейские органы управления, которые носили разные названия: «еврейские советы (комитеты)», «советы старейшин», «кагалы», «Правление общины». Именно первое название чаще всего фигурировало в документах военных лет. На оккупированной советской территории оно употреб-

лялось прежде всего в округе «Белосток» [2, с. 105]. Округ «Белосток» включал в себя северо-западные районы Брестской и Белостокской области с городами Гродно, Волковыск, Бельск-Подлясский, Соколка, Граево, Ломжа. Эти территории были оккупированы вермахтом летом 1941 года. Округ «Белосток» стал частью провинции Восточная Пруссия. Центром Белостокского округа стал город Белосток [3, с. 69].

Создание юденратов определялось директивой Гейдриха 1939 г., согласно которой в каждой еврейской общине из наиболее авторитетных представителей интеллигенции и коммерческих кругов, а также раввинов создавался совет старейшин, который должен был нести ответственность за выполнение всех указаний оккупационных властей, касающихся общины. Из состава юденрата назначался председатель, руководящий деятельностью еврейского совета [4, с. 63].

Юденраты создавались до образования гетто. Количество членов совета старейшин зависело от численности еврейского населения города. Согласно административному распоряжению командующего тылом группы армий «Центр», юденраты должны были состоять из 12 человек при численности еврейского населения до 10 тысяч, и 24 – при численности свыше 10 тысяч [5, с. 20].

Формирование юденратов имело принудительный характер. Методы создания еврейских советов были различными. В большинстве случаев формирование юденрата поручалось оккупантами председателю еврейской общины. Иногда ответственность за подбор членов еврейского совета возлагалась на местных раввинов, а иногда и на случайного человека. Юденрат был объявлен органом самоуправления еврейской общины, но фактически он являлся административным органом.

Очерчивая сферу компетенции юденрата, можно выделить несколько основных направлений его деятельности:

1. Учет и регистрация евреев.
2. Сбор и передача оккупационным властям контрибу-

ции, ценностей, предметов домашнего обихода, контроль за соблюдением штрафных санкций и налогообложением.

3. Организация трудовой деятельности еврейского населения.

4. Обеспечение евреев продовольствием и топливом.

5. Организация и содержание медицинских учреждений, а также осуществление социальной опеки.

6. Поддержка общественного порядка и внутриобщинного судопроизводства [5, с. 21].

Формирование юденрата в городе Белостоке было поручено местному раввину Г. Розенману, который обязывался в течение суток составить список членов еврейского совета. Изначально число членов совета старейшин было 12, а затем список был расширен до 24 человек [5, с. 20]. Узники Белостокского гетто предпочитали название этого органа на идише – Yidnrat (иднрат) [2, с. 105].

Руководителем белостокского юденрата был Эфраим Бараш, финансовый отдел возглавлял Бер Суботник, во главе продовольственного отдела был Яков Гольдберг, хозяйственный отдел возглавлял Абе Фурман, ремонтно-стороительный – Нахман Гольдфарб, жилищный отдел – Мойзешем Швив, отдел здравоохронения и санитарии – Холендерский, социальный отдел работал во главе с Пицинером, отдел культуры – с Песахом Капланом, отдел службы и порядка – с И. Маркусом [5, с. 24].

Юденратом города Белосток 8 июля 1941 г. был издан указ, согласно которому евреи обязывались насить отличительный знак на левой руке в виде белой повязки с голубой Звездой Давида [6, с. 86].

После создания юденрата – связующего звена между оккупационными властями и еврейским населением, гитлеровцы приступили к организации гетто. На момент оккупации города Белостока количество еврейского населения составляло приблизительно 60 000 человек [7, с. 32]. Организация гетто проводилась на четко отведенной территории улиц. В городе Белостоке гетто было организованно в районе

улиц: Kupiecka, Cieldoa, Zydowska, Piotrkowska, Rozana, Nowy Swiat, Ksiazeca, Szlachecka, Poina, Kosyniersk, Czysta, Zytnia, Bialostoczanska, Biala, Surowircka, Waska, Ciepla, Nowogrodska, Smolna, Gorna, Chmelna, Czesc ulic Fabrycznej, Czestochowskiej, Crajewskiej [8, c. 7]. По субъективным причинам с момента образования в гетто возникла проблема скученности: большая концентрация людей на небольшой территории города, насильственное переселение людей в гетто, появление в городе беженцев и погорельцев. Юденрат занялся фиксацией размеров жилплощади и количества людей, проживающих на ней, с целью перераспределения жилья [6, с. 87]. Юденрат требовал добровольно покинуть самовольно занятые комнаты, причем оставить их в чистоте и порядке [6, с. 88].

Юденрат занимался организацией работ в городе, так как все евреи в возрасте от 14 до 60 лет были включены в систему принудительных работ в пользу германских властей. Работа организовывалась в гетто и за его пределами – на «арийской стороне». Одним из первых был объявлен набор желающих для работы в полиции, охране, пожарном отделе. В заявлении необходимо было указать имя, фамилию, адрес, возраст, знание языков [6, с. 90]. Большинство жителей гетто работало внутри него. За пределами гетто узники занимались такими сезонными работами, как посадка огородов, уборка улиц от снега.

Юденратом уделялось большое внимание здравоохронению и санитарии. Он постоянно обязывал соблюдать чистоту во дворах и на улицах гетто, фиксировал все случаи инфекционных заболеваний, открыл госпиталь [6, с.94]. Однако, несмотря на принятые меры, в гетто отмечались случаи тифа, дизентерии. В гетто было организовано две больницы, поликлиника, два детских дома, дом для престарелых.

Продовольственная ситуация в гетто была сложная. Основными продуктами питания были хлеб и картофель. Мука поставлялась в гетто немецкими властями, хлеб выпекался на территории гетто. Именно поэтому все пекари гетто были зарегистрированы [6, с. 96]. Помещения пекарни

должны были быть отделены от других помещений. Во время работы в пекарнях, в помещении разрешалось находиться только пекарям. Работники пекарнь должны были носить чистые, белые фартуки и работать с покрытой головой. Все сотрудники пекарни должны были проходить ежемесячно медосмотр. Запрещалась продажа хлеба в пекарне [6, с. 103]. Норма хлеба установливолась продовольственным отделом и варьировалось от 200 г до 500 г. Отделом был установлен порядок выдачи хлеба, для чего в каждом районе города создавалась комиссия из трех человек: председателя, секретаря, кассира. Комиссия занималась распределением хлеба среди жителей района. Она несла ответственность перед юденратом [6, с. 98].

В гетто действовали 4 еврейские общественные столовые: для рабочих и малоимущих, для представителей интеллигенции, для служащих полиции, пожарной охраны гетто и членов их семей, диетическая столовая.

5 октября 1941 года юденрат опубликовал постановление, согласно которому устанавливался постоянный налог в размере 6 марок или 60 рублей. Кроме денежного налога существовал натуральный налог с лиц, имеющих коров либо огород за пределами гетто. Данный налог взымался в пользу медицинских учреждений [9, с. 64].

В августе 1941 года юденрат приступил к созданию школ для еврейских детей. Регистрация детей проводилась по ул. Фабричной 39, в воскресенье, понедельник, вторник с 9 часов до 13 и с 15 по 18 часов [6, с.104]. С 15 октября 1941 г. проводилась регистрация детей в 3-4 классы [9, с.67].

Одной из главных задач деятельности еврейских советов в 1941 г. была регистрация еврейского населения, которая преследовала две цели:

1. Идеологическую – обособление еврейского населения, отделение его от остальных жителей оккупированных областей;

2. Прогматическую – выявление и учет квалифицированной рабочей силы, специалистов и трудоспособного насе-

ления с целью использования его для хозяйственных нужд Рейха.

Регистрация еврейского населения явилась первым шагом на пути к его тотальному уничтожению [1, с.10].

There were components of occupation regime during The second World War which created representative intermediary bodies between the occupational power and local population. The Jewish governing bodies – Judenrat – carried out mediatorial functions between the Jewish population and the occupational authorities according to the accounting of population, registration of the Jewish population, organization of the ghetto and activity in it.

Список источников и литературы

1. Розенблат, Е. Организация юденратов, учет и регистрация еврейскогонаселения западных областей Беларуси / Е. Розенблат // Холокост. Библиотека преподавателя и студента: сб. ст. Вып.3. – М., 2001. – С. 3-10.
2. Альтман, И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941—1945 гг. / И. Альтман. – М.: Фонд «Ковчег», 2002. – 543 с.
3. Альтман, И. Холокост на территории СССР. Энциклопедия НПЦ «Холокост» / И. Альтман. – М: РОССПЭН, 2009. – С. 68-70.
4. Савоняко, М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М.Я. Савоняко. – Мн., 1993. – 225 с.
5. Мощук, А. Некоторые аспекты деятельности юденрата гетто в г. Белостоке / А. Мощук // Холокост. Библиотека преподавателя и студента. Вып. 3. – М., 2001. – С. 19-25.
6. Белостокские евреи / Под ред. А. Добронски / В 4Ч, Ч1. – Белосток, 1993. – 143 с.
7. Беркнер, С. Жизнь и борьба Белостокского гетто. – М: Фонд «Холокост», 2001. – 184 с.
8. Белосток // Виртуальный штетл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sztetl.org.pl/ru/city/bialystok. – Дата доступа: 10.11.2012.
9. Белостокские евреи / Под ред. А. Добронски / В 4 Ч, Ч 2. – Белосток, 1997. – 248 с.

Научный руководитель – **М.Я. Колоцей***, кандидат исторических наук, доцент.*

УДК 94(438)

Barbara Cisek
(Kraków, Uniwersytet Jagielloński)

PRZYCZYNEK DO ROZWAŻAŃ NAD ZAGADNIENIEM POGRANICZA W KONTEKŚCIE ŻYWIECCZYZNY

В статье рассматриваются проблемы, касающиеся вопросов пограничья, на примере располагающихся по соседству Живецчизны и районов северной Словакии и Чехии. Проблема обозначена с учетом пограничных особенностей Живецкого района. Внимание автора статьи к Живецчизне связано с ее географическим положением, т.к. это пограничная зона между соседними государствами и уникальный культурный регион Польши.

Niniejszy artykuł ma na celu próbę problemowego rozpatrzenia zagadnienia pogranicza na przykładnie sąsiadujących ze sobą Żywiecczyzny oraz regionów północnej Słowacji i Czech, czyli tzw. Moraw. Problem zostanie omówiony ze specjalnym uwzględnieniem aspektów pogranicza dotyczących regionu żywieckiego. Tę szczególną uwagę poświęconą Żywiecczyźnie należy łączyć z jej położeniem geograficznym, które warunkuje ją jako teren graniczny pomiędzy sąsiadującymi państwami, a dodatkowo stanowi ją odmiennym kulturowo regionem Polski.

Powiat Żywiecki położny jest w południowej Polsce, w południowej części obecnie obowiązującego województwa śląskiego. Teren ten bezpośrednio graniczy z Republiką Słowacji na południu, na wschodzie z Małopolską, na północy z powiatem Bielskim, a na wschodzie ze Śląskiem Cieszyńskim. Przynależność Żywiecczyzny do województwa śląskiego jest nową sytuacją dla mieszkańców regionu, jednak zmiany włodarzy i jednostek administracyjnych od zawsze towarzyszyły tutejszej ludności i zmieniały się jak w kalejdoskopie. Po lokacji początkiem wieku XII Żywiecczyzna należała do Księstwa Oświęcimskiego zarządzanego przez Piastów Śląskich. W 1327 roku Żywiec i okoliczne wsie, wraz z Księstwem Oświęcimskim, znalazły się pod panowaniem

króla Czech[1]. Ten stan utrzymywał się do końca wieku XV, kiedy to wojska Kazimierza Jagiellończyka pod dowództwem Piotra Komorowskiego odłączyły Żywiecczyznę od Śląska i przyłączyły ją do Polski. Po panowaniu ostatnich Komorowskich, nastał dla Żywiecczyzny czas drugiej świetności- panowanie Wielopolskich[2]. Pod koniec wieku XVIII Wielopolscy jednak zaniedbali dobra żywieckie, które powoli zaczęły przechodzić w ręce wierzycieli[3], zaś na początku wieku XIX Żywiecczyzna znalazła się pod władzą Habsburgów[4]. Po wojnie region znów czekały zmiany – na mocy reformy administracyjnej omawiane tereny zostały przyłączone do województwa krakowskiego. Kiedy w latach 70. XX wieku stworzony został nowy podział administracyjny Polski, wprowadzający 49 województw, Żywiecczyzna przynależała do województwa bielskiego. Takie rozdrobnienie, prowadzące do utworzenia małych województw, miało znaczący wpływ na rozbudzenie świadomości lokalnej oraz na wzrost zainteresowania swoją odrębnością kulturową względem sąsiednich regionów. Dlatego, gdy w 1999 roku, na mocy nowej reformy administracyjnej, Żywiecczyzna została przyłączona do województwa śląskiego, społeczeństwo było mocno niezadowolone[5]. Powszechnie uważano, że poczucie regionalizmu jest ważniejsze od udogodnień w infrastrukturze, jakie zapewniono mieszkańcom Śląska, co miało swój oddźwięk w ankietach i badaniach przeprowadzonych w 2003 roku na terenie byłego województwa bielskiego[6]. Niezadowolenie mieszkańców powiatu żywieckiego spowodowane nowym podziałem administracyjnym ma swoje korzenie w społecznym

[1] E. T. Filip, B. Rosiek, *Strój górali żywieckich,* Kraków, 2009, s. 14.

[2] Z. Rączka, *Przewodnik po zamku i parku żywieckim,* Żywiec,1993, s. 8.

[3] Jw., s. 10.

[4] Jw., s. 10.

[5] W. Zyzak, *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie* [w:] *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie. Materiały z konferencji (...)*, red. W. Zyzak, Żywiec 2004, s.9.

[6] Por. R. Geisler, M S. Szczepański, *Razem i osobno. Województwo śląskie cztery lata po reformie administracyjnej* [w:] *Demokracja lokalna i partycypacja obywatelska. Zachodnioeuropejskie i amerykańskie doświadczenia; Polskie obawy i perspektywy,* red. E. Jurczyńska-McCluskey, M. S. Szczepański, Tychy – Bielsko-Biała 2003, s. 212.

przeświadczeniu, że Żywiecczyźnie znaczenie bliżej do Małopolski niż do Śląska[7]. Rzeczywiście, pod wieloma względami tak właśnie jest. Już fakt ponad czterystuletnich kontaktów Żywca z Krakowem jako centrum kulturowym, może być potwierdzeniem poczucia bliższości kulturowej z Małopolską[8]. Za dodatkowy element łączący omawiane regiony uznawana jest, zaproponowana przez Urbańczyka i podtrzymywana przez współczesnych badaczy, przynależność gwary górali żywieckich do grupy dialektów małopolskich, a dokładniej do gwar południowej Małopolski[9]. Obok związków Żywiecczyzny z Małopolską, pojawiają się również ważne, szczególnie pod względami gospodarczymi i ekonomicznymi, kontakty tej pierwszej ze Śląskiem. Jednym z najważniejszych aspektów, które mogły przeważyć przy podejmowaniu decyzji administracyjnych, wydaje się dobrze rozbudowana sieć infrastruktury, połączenia kolejowe i drogowe pomiędzy regionem żywieckim a Śląskiem oraz uznanie bogato zalesionej Żywiecczyzny za ważny dla Śląska region zielony[10].

Wprowadzenie nowego podziału administracyjnego, które spowodowało przynależność powiatu żywieckiego do województwa śląskiego, pociąga za sobą pewne konsekwencje. Połączenie ze sobą tak różnych kulturowo regionów, jakimi są przemysłowy Śląsk i pastersko - rolnicza Żywiecczyzna, silnie podkreśla odrębność kultury Ślązaków od kultury mieszczan, a przede wszystkim, górali żywieckich. Żywiecczyzna, która w głównej mierze czerpie z pasterskich tradycji ludów wołoskich oraz rolniczych pochodzenia małopolskiego[11], jest bardzo wyrazista i odpowiada kulturom karpackich regionów górskich (w tym m.in.

[7] Głosy takie pojawiają się zarówno w rozmowach prywatnych, jak i w dyskusjach publicznych, por. wypowiedź byłego wiceburmistrza miasta: http://www.tmzz.org.pl/nowe-stowarzyszenie,1,45,akt.html

[8] W. Zyzak, *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie* [w:] *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie. Materiały z konferencji (...)*, red. W. Zyzak, Żywiec 2004, s.11.

[9] S. Urbańczyk, *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa 1981, s. 83.

[10] Por. S. Białożyt, *Milówka, jej historia i dzień dzisiejszy* [w:] „Nad Sołą i Koszarawą”, nr 24 (79), R. IV, 2001 http://www.nsik.com.pl/archiwum/79/a21.html

[11] Por. J. Bobrowska, *Pieśni ludowe regionu żywieckiego,* Kraków 1981, s. 18.

słowackim, węgierskim), nie zaś nizinnym czym miejskim. Ta diametralna różnica kulturowo-etniczna dodatkowo pogłębiona zostaje poprzez różne gwary, jakimi posługują się mieszkańcy Żywiecczyzny i Śląska, bowiem gwara śląska stanowi oddzielną grupę dialektów regionów dzisiejszego Górnego Śląska[12].

Wspomniane różnice kulturowe (pochodzenie etniczne, gwara) niewątpliwie mają wpływ na wzrost samoświadomości kulturowej mieszkańców omawianych regionów. Dodatkowo, samoświadomość kulturowa mieszkańców Żywiecczyzny wsparta jest na tzw. perspektywie długiego trwania[13], która, jak zostało już wcześniej powiedziane, wiąże Żywiecczyznę z kulturą wołoską, a dalej Małopolską, a jednocześnie podkreśla indywidualne cechy ziemi żywieckiej. Tę silną świadomość odrębności i wyjątkowości swojej kultury, mieszkańcy Żywiecczyzny bardzo mocno zaznaczają m.in. na spotkaniach folklorystycznych, gdzie nie brakuje twórców ludowych, poetów regionalnych, śpiewaków, kapel czy zespołów folklorystycznych. Fakt istnienia zespołów regionalnych niemalże w każdej miejscowości[14], a dalej, zakładania różnego rodzaju stowarzyszeń twórców ludowych czy powoływania do istnienia takich organizacji jak Towarzystwo Miłośników Ziemi Żywieckiej czy w końcu działalność wydawnictw popularno-naukowych tj. „Karta Groni", „Gronie", gazet podejmujących tematykę regionalną „Nad Sołą i Koszarawą", „Gazeta Żywiecka", a także istnienie telewizji internetowej i radiofonii regionalnych, ma nieocenione znaczenie dla kultywowania tradycji oraz wzrostu świadomości odrębności kulturowej regionu wśród jego mieszkańców.

Poprzez swoją burzliwą historię, zazwyczaj związaną ze zmianami administracyjnymi, i trudne dzieje oraz przez zróżnicowanie geograficzne, Żywiecczyzna, prócz wyraźnych

---

[12] http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=opis-dialektow&l2=dialekt-slaski&l3=dialekt-slaski-zasieg-mwr

[13] Por. A. Barabasz, K. Bierwiaczonek, I. Jeziorski, *Projekt badawczy: Tożsamość kulturowa i identyfikacja mieszkańców Ziemi Żywieckiej* [w:] „Gronie", nr 1 (XXV), R. 2006, s. 158.

[14] O zespołach folklorystycznych Żywiecczyzny pisze m. in. M. Barutowicz, *Regionalne zespoły pieśni i tańca działające na Żywiecczyźnie w latach 1945-1983* [w:] „Karta Groni" nr XXIV, R. 2005, s. 156-180 .

cech indywidualnych na tle regionów sąsiednich, jest podzielona wewnętrznie. Jedni badacze bardzo ostro i jednoznacznie wyróżniają poszczególne subregiony Żywiecczyzny w aspekcie przestrzennego zróżnicowania[15], jednakże przez większość badaczy takie podziały, nie biorące pod uwagę dyfuzji kulturowych na przestrzeni czasu, uznawane są za błędne. Co więcej, wyznaczenie dokładnych granic określających zasięg występowania kultury górali żywieckich jest niemożliwe, gdyż, jak zauważył już Seweryn Udziela, zatarł się zanim badacze zaczęli się interesować tym tematem[16]. Nie do podważenia jest jednak fakt istnienia pewnych różnic pomiędzy miejscowościami północnej Żywiecczyzny a tymi, które usytuowane są w południowej części regionu. Te pierwsze, które miały kontakt z kulturami regionów sąsiednich, zawierają pewne elementy wspólne dla tych kultur, zarówno w ubiorze, jak i w śpiewach czy tańcach. Bardzo ważnym jest bowiem, aby pamiętać, że wpływy sąsiednich regionów na kulturę omawianego terenu są nieuniknione. Nieco inaczej sprawa wygląda w miejscowościach południowej Żywiecczyzny, gdzie, z powodu względnej izolacji spowodowanej położeniem w górzystym terenie, zachowały się cechy najbardziej prototypowe dla grupy etnicznej nazywanej góralami żywieckimi. Jedną z prób dokładnego wyznaczenia poszczególnych części omawianego regionu może okazać się zaproponowany przez Krystynę Holly podział gwarowy. Na podstawie różnic dialektologicznych występujących przede wszystkim w fonetycznej warstwie gwar mieszkańców wsi żywieckich, badaczka wyróżnia trzy części Żywiecczyzny: północno-wschodnią, północno-zachodnią i południową[17]. Halina Karaś dzieli gwary żywieckie na południowożywieckie, należące do gwar pasma górskiego, oraz na gwarę północnożywiecką łączoną z gwarami Pogórza[18]. Inna badaczka, Maria Romowicz,

[15] Por. J. Gąsiorek*Subregiony na Żywiecczyźnie* [w:] *Tańce i pieśni dolańskie i laskie na Żywiecczyźnie*, J. Gąsiorek, M. Pokusa, Żywiec 2010, s. 11-12.
[16] Por. E.T. Filip, B. Rosiek, *Strój górali żywieckich,* jw., s 31.
[17] K. Holly, *Fonetyka w gwarze Żywiecczyzny*, Kraków 1993, s.65-66.
[18] Por.http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=opis-dialektow&l2=dialekt-malopolski&l3=zywiecczyzna&l4=zywiecczyzna-gwara-mwr

zaproponowała podział regionu ze względu na bardzo silny folklor taneczny, wyróżniając tańce mieszczan żywieckich, tańce północnej i południowej Żywiecczyzny[19].

Inny, współczesny zabieg administracyjny, jaki dokonał się na Żywiecczyźnie, który ma wpływ na zachowanie samoświadomości kulturowej oraz pozwala na konfrontację rodzimych tradycji z tradycjami podobnymi, to stworzenie Euroregionu Beskidy, międzynarodowego projektu zakładającego współpracę objętych nim regionów. Współpraca w ramach Euroregionu dotyczy przygranicznych części województwa śląskiego i małopolskiego po polskiej stronie oraz miejscowości województwa Żylińskiego na Słowacji i regionu wokół miasta Frydek-Mistek w Czechach[20]. Euroregion Beskidy powstał na omawianych terenach ze względu na wiele podobieństw je łączących. Przede wszystkim należy przypomnieć wspólną historię tych ziem, która wiąże się z panowaniem Monarchii Austro-Węgierskiej. Tereny te, połączone historycznie, były jednością geograficzną. Dopiero polityka polska okresu międzywojennego wytyczyła nowe granice, których linia przebiegała przez środek regionu, dzieląc Morawy i Śląsk pomiędzy dwa państwa. Niemniej, wspólna historia oraz bliskość geograficzna odegrały ogromną rolę w przestrzeni kulturowej pogranicza czesko-słowacko-polskiego. Podobieństwa kulturowe tych regionów są zauważalne na wielu płaszczyznach, żeby wspomnieć o słownictwie związanym z pasterstwem, czy innymi wyrazami wspólnymi dla tych trzech odmian gwarowych trzech różnych języków. Kolejną, charakterystyczną cechą wspólną dla omawianych regionów jest architektura. Przejeżdżając przez kolejne miejscowości można jeszcze zauważyć, jak bardzo podobny jest układ drewnianych domów względem drogi czy jak zbliżony jest sposób krycia i zdobienia domów. Również w sferze folkloru rysują się wyraźne podobieństwa – stroje, instrumenty ludowe, muzyka, tańce i przyśpiewki, to pierwiastki, które niewątpliwie łączą omawiane regiony. Oczywistym jest, że wymienione tu komponenty nie są identyczne, jednakże obserwując występy

[19] M. Romowicz, *Folklor górali żywieckich*, Warszawa 1978, s.51.

[20] Por. http://www.euroregion-beskidy.pl

instrumentalistów czy solistów reprezentujących Morawy, Orawę, Śląsk Cieszyński czy Żywiecczyznę można zauważyć podobieństwo pojedynczych linii melodycznych, słów przyśpiewek czy fragmentów stroju (choć to ostatnie występuje w najmniejszym stopniu).

Wymienione tu elementy składają się na cechy wspólne omawianych regionów, co stało się podstawą zawiązania współpracy w ramach Euroregionu Beskidy. Współpraca ta jest mocno rozwinięta i opiera się przede wszystkim na działaniach mających na celu podtrzymywanie relacji partnerskich ale również zachowanie odrębności kulturowej regionów, to znów prowadzi do umocnienia świadomości tożsamościowej społeczeństwa. Współpraca zasadza się na kooperacji jednostek administracyjnych, na rozwoju infrastruktury, ale również na wymianach międzyszkolnych, na wspólnych działaniach stowarzyszeń czy na współpracy partnerskiej poszczególnych miast. Warto zauważyć, że taka współpraca opiera się również na organizowaniu festiwali folklorystycznych, konkursów kapel i śpiewaków czy przeglądów kolędniczych oraz imprez folklorystycznych, takich jak bal góralski w Mostach koło Jabłonkowa w Czechach czy w Istebnej albo Koniakowie w Polsce. Na takich zabawach najłatwiej zauważyć eklektyzm kulturowy, nieunikniony na terenach pogranicza, będący jednocześnie potwierdzeniem tezy o cechach wspólnych terenów sąsiadujących ze sobą, jak również ich różnorodności. Mówiąc innymi językami, będąc ubranym w różne stroje, mieszkańcy Polski, Słowacji i Czech razem bawią się do znanych wszystkim czardaszów, polek i walczyków.

Podsumowując, należy zauważyć, że Żywiecczyzna jest pograniczem geograficznym. Jak wykazano w niniejszym artykule, ziemia żywiecka leży na styku różnych województw oraz różnych państw. Mimo to, region żywiecki zachowuje oddzielność pod względem kulturowym i jest odporny na wpływy regionów sąsiednich. Jest to o tyle ważne, że Żywiecczyznę można nazwać obszarem peryferyjnym kulturowo, nie zaś pogranicznym. Niektórzy zauważają, że na Żywiecczyźnie rodzi się ruch separatystyczny. Nie należy jednak być tak radykalnym w swoich

sądach, choć prawdą jest, że kultura Żywiecczyzny, będąc kulturą regionu peryferyjnego, nie toleruje obecności innych kultur na swoim terenie, a każda, która się pojawi, jest określana jako obca i dlatego szybko zostaje odsunięta na plan dalszy. Należy jednak pamiętać, że zachowania pro żywieckie mają przede wszystkim charakter podkreślający mocno zakorzenioną tożsamość kulturową i etniczną oraz poczucie odrębności względem mieszkańców regionów sąsiednich.

The problems relating to frontier issues, the samples are located in the neighborhood of the Żywiec region and Slovakia and the Czech Republic. The problem with the designated border features Żywiec region.

Bibliografia

1. Barabasz A., Bierwiaczonek K., Jeziorski I., *Projekt badawczy: Tożsamość kulturowa i identyfikacja mieszkańców Ziemi Żywieckiej* [w:] „Gronie", nr 1 (XXV), R. 2006.
2. Bobrowska J., *Pieśni ludowe regionu żywieckiego,* Kraków 1981.
3. Filip E. T., Rosiek B., *Strój górali żywieckich,* Kraków, 2009.
4. Gąsiorek J., Pokusa M.,*Tańce i pieśni dolańskie i laskie na Żywiecczyźnie*, Żywiec 2010.
5. Geisler R. , Szczepański M. S., *Razem i osobno. Województwo śląskie cztery lata po reformie administracyjnej* [w:] *Demokracja lokalna i partycypacja obywatelska. Zachodnioeuropejskie i amerykańskie doświadczenia; Polskie obawy i perspektywy,* red. E. Jurczyńska-McCluskey, M. S. Szczepański, Tychy – Bielsko-Biała 2003.
6. Holly K., *Fonetyka w gwarze Żywiecczyzny*, Kraków 1993.
7. Rączka Z., *Przewodnik po zamku i parku żywieckim,* Żywiec,1993.
8. Romowicz M., *Folklor górali żywieckich*, Warszawa 1978.
9. Urbańczyk S., *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa 1981.
10. Zyzak W., *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie* [w:] *Żywiecczyzna – pogranicze śląsko-małopolskie. Materiały z konferencji (…)*, red. W. Zyzak, Żywiec 2004.

Strony internetowe:
http://www.nsik.com.pl/archiwum/79/a21.html
http://www.tmzz.org.pl/nowe-stowarzyszenie,1,45,akt.html
http://www.euroregion-beskidy.pl
http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php

УДК 327.1(47)

А.А. Лютомский
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1980 г.

Автор статьи рассматривает предпосылки и особенности введения военного положения в Польской народной республике в 1980 г. Делается вывод о том, что введение военного положения вызвало острый политический кризис в Польше и способствовало падению авторитета Польской объединенной рабочей партии – правящей партии польских коммунистов.

Введению военного положения в Польше предшествовали события, связанные с созданием в 1980 г. и ростом влияния профсоюза «Солидарность». Социалистическую Польшу поразил экономический кризис, и требования профсоюза поначалу были тоже экономическими. Однако по мере роста его влияния появились требования об отмене цензуры, признании права на забастовку. Часть требований власть приняла, но по мере ухудшения экономического положения ситуация постепенно начала выходить из-под контроля.

Трудностями, связанными с неэффективностью социалистической экономики, воспользовались на Западе. Польские службы западных радиостанций призывали поляков к неповиновению властям. Польская католическая церковь во все времена принимала активное участие в жизни страны. Этот сугубо национальный феномен в 1978 г. был значительно усилен избранием краковского кардинала К. Войтылы Папой Римским Иоанном Павлом II и его визитом в Польшу в июне 1979 г. Впервые в истории Ватикана Папа посетил Польшу.

С лета 1980 г. внутри ПОРП обнаружились серьезные идеологические разногласия, касавшиеся, прежде всего, путей выхода из кризиса. Часть членов ПОРП выступила за радикальные реформы в духе требований оппозиции, го-

това была согласиться на политический и экономический плюрализм в стране, считала необходимым пересмотреть положение о руководящей роли ПОРП в обществе. ПОРП, согласно ее концепции, должна была трансформироваться в социал-демократическую партию по западно-европейскому образцу [1, с. 67].

Следует отметить, что сторонники реформ не смогли предложить партии и обществу свою самостоятельную и целостную концепцию преобразований. Их идеи и предложения заимствовались, как правило, у политического противника и поэтому вызывали неприятие у части членов ПОРП. Волны реформаторских начинаний в ПОРП неизбежно наталкивалирь на преграды в виде догматов партийной идеологии. Но главные препятствия находились в Москве, в ЦК КПСС, где бдительно следили за идейной непорочностью братских компартий.

Ситуация в Польше широко освещалась в советских СМИ. Поочередно выступавшие советские лидеры подтверждали суверенитет Польской республики и ее право на самостоятельное решение внутренних проблем. Газеты и радио сообщали об очередных неприемлемых требованиях оппозиции, а на следующий день – об их выполнении. Следует отметить, что проводившаяся широкая кампания против «Солидарности» все больше подогревала интерес к профсоюзу.

Тактической установкой центра было сохранить устои общественного строя, единство партии, ее руководящее положение в государстве путем небольших уступок оппозиции и изматывания ее в идейно-политической борьбе.

14 июля 1981 г. в Варшаве открылся IX Чрезвычайный съезд ПОРП, в работе которого участвовали 1964 делегата, а также ветераны польского рабочего движения, представители массовых и общественных организаций. Его решения отражали идеологические и организационные возможности партии на этом этапе. Съезд определил, что генеральной линией партии является курс на социалистическое обновление страны. Подчеркивалось, что «ПОРП не стремится к конф-

ронтации, готова строить новую социалистическую Польшу вместе со всеми, кто не выступает против социализма». С тем же результатом завершилось и политическое соперничество при формировании руководящих органов партии: не были избраны представители правого крыла, но и левые понесли заметные потери, их лидер Т. Грабский не набрал необходимого количества голосов, чтобы войти в новый состав ЦК. Первым секретарем ЦК на альтернативных выборах был избран С. Каня [1, с. 82].

Наряду с борьбой за сохранение общественного строя, за власть в стране ПОРП отчаянно сопротивлялась попыткам оппозиции изменить характер польско-советских отношений. Отступление от союза с СССР грозило партии или остаться один на один с оппозицией и проиграть противоборство, или вводом советских войск и заменой правящей команды более верными друзьями Советского Союза.

Безусловно, огромное влияние на решение польского руководства о введении военного положения сыграла международная обстановка, резко осложнившаяся после начала брежневской авантюры в Афганистане. «Дыхание Москвы» времен застоя постоянно чувствовалось в открытых письмах ЦК КПСС к ЦК ПОРП, итоговых коммюнике после регулярных политических консультаций и встреч на высшем уровне, в которых высказывалось убеждение, что «польские коммунисты имеют возможности и силы, чтобы предотвратить неблагоприятное течение событий, ликвидировать угрозу, которая нависла над социалистическими завоеваниями польского народа» [2, с. 170].

Вместе с тем уже первые недели общественно-политического конфликта выявили, что ПОРП и ее союзники к открытой идейной борьбе по вопросам внешней политики не были готовы ни теоретически, ни организационно. Возникали настроения растерянности, замешательства, попытки недостаточно продуманного лавирования.

События в Польше были восприняты советским руководством как угроза существованию социализма, прочности ОВД и стабильности в Европе. Польская армия была второй

по численности после советской в рамках ОВД и занимала в «социалистическом содружестве» ключевое геостратегическое место, имея особое политическое и военно-стратегическое значение. Через нее проходили важные коммуникации, связывающие Москву с Группой советских войск в Германии. В Польше находилось советское ядерное оружие. Когда встал вопрос о выработке советской линии в отношении польской ситуации, в основу была положена «Доктрина Брежнева». Брежнев предупреждал Герека: «У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем» [3, с. 121].

Правительство и «Солидарность» взаимно обвиняли друг друга в развале экономики, в стремлении сыграть на тяготах и недовольстве народных масс. После I съезда «Солидарности», подтвердившего курс на политическую конфронтацию с властями, в рядах ПОРП, в том числе ее центристского крыла, также наметилось определенное ужесточение позиций.

Аппарат и актив партии подвергали все более острой критике первого секретаря ЦК ПОРП С. Каню за бездействие, отсутствие концепции выхода из кризиса.

На пленуме ЦК 16–18 октября тайным голосованием подавляющим большинством на пост руководителя партии был избран В. Ярузельский. Он сохранил за собой посты главы правительства и министра обороны.

Неумение и нежелание вести борьбу политическими средствами подталкивало многих в партийно-административном аппарате к мысли о неизбежности силового столкновения с оппозицией. Осенью 1981 г. номенклатурные работники партийных и общественных организаций, служащие госаппарата, руководители хозяйственных предприятий получили личное оружие – револьверы и баллончики с газом парализующего действия. Налаживали тесное взаимодействие с органами милиции, готовили эвакуацию своих семей [1, с. 103].

В генеральном штабе Войска Польского разрабатывались планы взятия власти в стране военными. 24 октября 1981 г. решением правительства были созданы так называе-

мые территориальные оперативные группы из числа офицеров и солдат последнего года службы. Оперативные группы взяли под свой контроль все сельские населенные пункты, а также микрорайоны в городах. Их официальной задачей было способствовать подготовке коммунального хозяйства к зиме, оказание помощи малообеспеченным семьям, пресечение расхитительства и бюрократизма со стороны местных органов власти. Фактически ими решались две главные задачи: во-первых, у населения создавался соответствующий имидж военных, и, во-вторых, офицеры изучали обстановку на местах, знакомились с людьми и условиями тех территорий, где им предстояло осуществлять власть после часа «X» [2, с. 36].

IV пленум ЦК ПОРП в конце ноября 1981 г. обязал депутатский клуб партии провести в сейме закон «О чрезвычайных средствах действий в интересах защиты граждан и государства», т.е. о наделении правительства чрезвычайными полномочиями в связи «с угрозой антиконституционного переворота» [4, с. 171]. Это решение ЦК одновременно задумывалось как последнее предупреждение политическому противнику.

3 декабря 1981 г. в Радоме состоялось заседание президиума всепольской комиссии «Солидарности». Ее лидеры на сей раз приняли самые строгие меры, чтобы сведения не просочились далее узкого круга посвященных. Подготовленный и одобренный участниками заседания проект решения был, по сути, не чем иным, как ультиматумом, предъявленным ПОРП и государству: либо они сдадутся на милость победителя и согласятся на установление контроля «Солидарности» над правительством, либо контрреволюция начнет прямой штурм народной власти. На заседании была принята резолюция, в которой отмечалось: «Разговоры о национальном согласии используются правительством как ширма, прикрывающая приготовления для атаки на профобъединения. В этой ситуации дальнейшие переговоры относительно национального согласия становятся беспредметными» [4, с. 170].

Руководство «Солидарности» приняло решение начать подготовку общего референдума «О формах и принципах осуществления власти» и «О выборах в представительные органы различных ступеней» [5, с. 46].

В ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. Декретом Государственного совета ПНР в стране было введено военное положение и учрежден Военный совет национального спасения. Наряду с созданием Военного совета национального спасения осуществлено назначение военных комиссаров-уполномоченных, которым предоставлено право контролировать деятельность органов государственной администрации, от министров до гмин.

Были интернированы лидеры «Солидарности», а также члены нелегальных антисоциалистических организаций, в частности, КОС – КОР и «конфедерации независимой Польши». Изолирована также группа лиц, несущих ответственность за общественно-политический кризис в Польше [6, с. 23].

Военный совет национального спасения фактически взял в свои руки всю полноту власти. Он назначил 2149 военных комиссаров на 225 городов и 1105 предприятий, а по стране продолжались полицейские операции. До июля 1983 г., когда военное положение было официально отменено, в Польше погибли более 100 человек. Социалистические страны приветствовали действия Ярузельского, а на Западе их подвергли резкой критике. Реакцией на события в Польше стало присуждение Валенсе Нобелевской премии мира за 1983 г.

В. Ярузельский утверждает, что введение военного положения в Польше было необходимым, в первую очередь, для охлаждения пыла противоборствующих сторон. И та и другая сторона очистились от экстремистских элементов [1, с. 173].

В интервью газете «Трибуна» в феврале 1990 г. В. Ярузельский говорил: «Я не раз задаю себе вопрос о правомерности введения военного положения. Правильно ли я поступил, соглашаясь на введение военного положения?

И я думаю, что военное положение было в тех условиях драматически неизбежно. Я никогда не подвергал сомнению трагический масштаб этого решения. Военное положение было поражением, ибо свидетельствовало, что власть не в состоянии погасить общественный конфликт политическими средствами. Я утверждаю, что в 1981 г. обе стороны оказались не на высоте положения, хотя и высота у каждой была своя» [1].

По мнению украинского исследователя этого вопроса В. Струтинского, можно выделить три блока оценок причин введения военного положения. Одна группа ученых и политиков считает, что 13 декабря 1981 г. было вынужденным ответом на радикальные и ультимативные требования «Солидарности», на ее попытки укрепить свои позиции в политической структуре польского общества и на возможность ввода на территорию Польши войск стран Варшавского договора. Вторая группа считает введение военного положения следствием сознательного провоцирования «Солидарности» со стороны властных структур Польши, третья группа – следствием сознательных действий крайне радикальных группировок как в руководстве ПОРП и государства, так и в руководстве профобъединения [3].

Введение военного положения было тяжелейшим ударом для польского народа. Тогда В. Ярузельского критиковал весь мир, называя его диктатором, а его действия – военным переворотом. Сегодня причины введения военного положения рассматриваются неоднозначно. Объективно введение военного положения было альтернативой интервенции стран Варшавского договора, гражданской войне и экономическому хаосу. Однако психологически общество не было готово к таким крайним мерам. Фактически это был государственный переворот, потому что об этом шаге не были заранее уведомлены ни парламентарии, ни чиновники, ни члены политбюро ЦК ПОРП. Введение военного положения предотвратило полную дестабилизацию страны, но одновременно нанесло сокрушительный удар по престижу ПОРП, из правящей партии вышли более 1 миллиона чле-

нов, она потеряла поддержку практически всей молодежи и творческой интеллигенции страны.

Today the reasons for the introduction of martial law are considered ambiguous. Objectively introduction of martial law was an alternative to the intervention of the Warsaw Pact countries, the civil war and economic chaos. Psychologically, however, the society is not ready to such extreme measures. In fact it was a coup d'etat, because of this step were not previously notified neither Parliament, nor officials, nor the members of the Politburo of the Central Committee of the puwp. The introduction of martial law prevented the complete destabilization of the country, but at the same time has struck a crushing blow to the prestige of the puwp, from the ruling party issued more than 1 million members, she had lost the support of almost all of the youth and creative intelligentsia of the country.

Список источников и литературы

1. Sebestyem, V. Rewolucja 1989. Jak doszlo do upadku komunizmu / V. Sebestyem. – Wroclaw: Wydawnictwo Dolnoslaskie, 2009. – 453 s.
2. Брониславский, Е. Польский диалог: события в Польше глазами журналистов / Е. Брониславский, Г.Н. Вачнадзе. – Тбилиси: Ганатлеба, 1990. – 639 с.
3. Яжборовская, И.С. Введение военного положения в Польше. Позиция советского руководства (1980–1981 годы) / И.С. Яжборовская // Новая и новейшая история. – 2010. – № 3. – С. 120–142.
4. Денчик, В. Польская «Солидарность»: этапы развития / В. Денчик // Полис. – 1991. – № 4. – С. 168–174.
5. Антонюк, С.М. Общественно-политический кризис в Польше и католическая церковь (1980–1981 гг.) / С.М. Антонюк, А.А. Чистяков // Вопросы новой и новейшей истории. – 1989. – № 5. – С. 40–47.
6. Борецкий, Р.Г. Дома и танки помогают? Военное положение в Польше в документах, воспоминаниях и оценках очевидцев / Р.Г. Борецкий // Новое время. – 1991. – № 16. – С. 22–24.
7. Струтинский, В. 13 декабря 1981 г. в политической истории Польши: мифы и действительность / В. Струтинский // Научный вестник Черновицкого университета. – 2000. – № 73–74. – С. 199–218.

Научный руководитель – **Т.Т. Кручковский***, кандидат исторических наук, доцент.*

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

УДК 94(438)(476)(477)(092 А. Курбскі, К. Астрожскі)«15»

П.Д. Бабіна
(Мінск, БДУ)

СТАСУНКІ ІНТЭЛЕКТУАЛАЎ XVI СТ.: АНДРЭЙ КУРБСКІ І ВАСІЛЬ-КАНСТАНЦІН АСТРОЖСКІ

В статье рассматриваются основные причины и направления сотрудничества двух известных православных деятелей Речи Посполитой XVI в. – князей А.М. Курбского и В.К.-К. Острожского. Князей сближала их интеллектуальная и организаторская работа на религиозном и культурно-просветительском поприще. На основе их переписки автором выделены сходства и различия в мировосприятии князей. Главным наследием князей-интеллектуалов стали работы Миляновичского кружка по переводу и переписке книг и Острожская академия. Товарищеская деятельность князей Курбского и Острожского содействовала созданию значительного пласта культуры в Восточной Европе.

У другой палове XVI ст. у Рэчы Паспалітай востра адчуваўся крызіс праваслаўнай культуры. Недахоп адукацыі ў святароў, а таксама дзяржаўнай падтрымкі ў царквы, патрэба ў падручніках і кнігах для навучання і замацавання веры рабіла немагчымай канкурэнцыю з каталіцкай царквой, найперш з ордэнам езуітаў. У той час праваслаўе ўспрымалася яго носьбітамі не проста як рэлігія, а як, у пэўным сэнсе, этнічная прыналежнасць (да «народу рускага», г.зн. усходнеславянскага) і традыцыя свайго роду.

І князь А.М. Курбскі (1528–1583), і князь В.-К.К. Астрожскі (1526/7–1608) былі праваслаўнымі. Яны адчувалі ў сабе сілы дапамагчы рускай (то бок усходнеславянскай) культуры выйсці з крызісу. Нягледзячы на тое, што кожны з іх меў розныя погляды на шляхі выйсця з гэтага крызісу, іх зблізіла грамадска-рэлігійная дзейнасць ды агульныя інтарэсы. Для збліжэння князёў існавалі і іншыя перадумовы.

Яны сышліся пры драматычных абставінах. Курбскі быў уцекачом ад цара Івана IV. Прамы нашчадак яраслаўскіх

князёў, адслужыўшы воінам, адміністратарам, стаў царскім намеснікам у памежным Юр'еве і вясной 1564 г., каб пазбегнуць царскага тэрору, без асаблівай пашаны прыбыў у ВКЛ. З 1567 г. ён атрымаў на ленным праве за службу горад Ковель з ваколіцамі (сучасны раённы цэнтр у Валынскай вобл., Украіна). Каб хоць неяк уратаваць свой статус і захаваць гонар, Курбскі стаў падпісвацца «князем на Ковлю» (хоць афіцыйна быў толькі дзяржаўцам, то бок часова трымаў пажалаваныя яму вялікім князем землі) [1, с. VII]. Праблемы суправаджалі ўсё жыццё Курбскага на новай радзіме. Большасць суседзяў варожа паставілася да князя, з імі ён да канца жыцця варагаваў: чыніліся наезды на землі адно аднаго з падпаламі і забойствамі [2, с. 91–120]. Ён пісаў, што апынуўся «между человеки тяжкими и зело негостелюбными»; «ненавысные и лукавые суседи… хотяще ми выдрати данное ми имене… ради зависти, но и крови моей насытитися желающе» [3, с. 556].

У такой сітуацыі ён шукаў сабе таварышаў і знайшоў іх у кампаніі праваслаўнай валынскай шляхты, лідарам якой і быў Канстанцін Астрожскі. Той прыязна паставіўся да Курбскага і ўспрыняў яго не як канкурэнта ці пагрозу сваёй маёмасці, а як паплечніка ў справе асветы.

Тым часам Астрожскі быў ужо маршалкам валынскім ды ваяводам кіеўскім і, галоўнае, – адным з найбагацейшых людзей у дзяржаве (ды пры гэтым праваслаўным). Каталіцкая царква шукала яго прыхільнасці, усяляк імкнулася забіць яго перахрысціцца. Вакол яго пастаянна знаходзіліся паслы ад Папы, каталіцкія дзеячы. Граючы на вайсковых амбіцыях Астрожскага, яму нават прапаноўвалі ўзначаліць новы рыцарскі ордэн для змагання з туркамі (ордэн пад Папам, таму трэба было мяняць веравызнанне). Але ў справе веры яго пазіцыя была прынцыповая. Астрожскі адчуваў крызіс праваслаўя, бачыў, відаць, адсутнасць перспектыў яго існавання ў Рэчы Паспалітай. Як ні ўкладаў ён свае сродкі, як ні карыстаўся сувязямі – не мог паўплываць на заняпад веры сваіх дзядоў у сваёй дзяржаве [4].

На гэтай глебе – падтрымкі праваслаўя – і зблізіліся князі Курбскі і Астрожскі. Вядома, што Васіль-Канстанцін арганізаваў у сваёй рэзідэнцыі ў Астрозе друкарню, дзе спачатку працаваў Іван Фёдараў, а таксама школу, якую называюць славяна-грэка-лацінскай акадэміяй. Не губляў часу і Андрэй Міхайлавіч: ён, які ўсё папярэдняе жыццё займаўся вайной ды палітыкай, цяпер, пазычаючы ў ковельскіх месцічаў сродкі (і па смерці пакінуўшы жонцы расплачвацца з даўгамі, у тым ліку за паперу) [5, с. 311–313], стаў займацца кніжнай справай. У Міляновічах, сваім двары, што пад Ковелем, ён заснаваў гурток па перакладзе кніг з грэчаскай і лацінскай на мову славянскую. Як інтэлектуал, ён дбаў пра грамадства, ставіў асветніцкія мэты перад сабой ды чытачамі: «Без цаны, задарма, навучайце душы свае». У сталым веку (ва ўзросце каля 40 гадоў) Курбскі адмыслова пачаў вывучаць латынь (будучы праваслаўным, ён не прымаў мову каталіцкай царквы), каб перакладаць «на свой язык» яшчэ не перакладзенае. Са скрухай зазначаў, што ад слоў «нашых настаўнікаў (айцоў царквы. – *П.Б.*) чужыя маюць асалоду, а мы ў гэты час у голадзе духоўным растаем» [3, с. 564].

Сацыялогія вызначае сяброўства як бескарыслівыя ўзаемаадносіны, заснаваныя на даверы, шчырасці, цярплівасці, агульных інтарэсах і захапленнях. Падаецца, усё гэта можна пабачыць у стасунках князёў. Курбскі і Астрожскі па-сяброўску дзяліліся адзін з адным вынікамі сваёй працы. Гэта можна прасачыць у лістах Курбскага Астрожскаму, якія захаваліся. Праз гэтую кароткую аднабаковую перапіску паўстае досыць цэльная, эмацыйна разнастайная карціна ўзаемаадносін.

Так, з першага ліста (пачатак 1570-х гг.) даведваемся, што Курбскі яшчэ раней даслаў Астрожскаму частку свайго перакладу «Новага Маргарыта» Іаана Златавуста: параіцца, пахваліцца («И послахъ ево к вашей светлости на прохлаждение духовное, яко ко благородной душе и светлой княжацкой»). Цяпер жа Андрэй Міхайлавіч злаваўся, бо князь Астрожскі паказаў пераклад нейкаму чалавеку, на думку

Курбскага, «не токмо в науках неискусному, но ... ктому же и скверных словес исполненному, и востыду не имеющему, глаголы Свещенных Писаний нечисте и скверно отрыгающему». Відаць, крытыка гэтага чалавека, перададзеная Астрожскім, моцна закранула перакладчыка. Тым больш, ён меў патрэбу ў падбадзёрванні, паколькі дзейнасць Міляновіцкага гуртка толькі пачынала разгортвацца [2, с. 68–69]. Астрожскі, як больш блізкі да рэалій часу, прапанаваў перакласці тэкст на польскую «лепшаго ради выразумения». Курбскі крыўдзіцца на прапанову і заўважае, што нібыта на «польскай барбарии» цяжка перадаць царкоўнаславянскі тэкст. У давяршэнні пакрыўджаны перакладчык прапануе Астрожскаму «тот папер спалити... або попу якому в церковь рускую аддаць» [6, с. 542].

Другі вядомы ліст Курбскага быў напісаны праз некалькі гадоў пасля першага. К таму часу князь ужо ўдасканаліў свае перакладчыцкія ўменні і займеў моцны аўтарытэт сярод праваслаўных Валыні. Цяпер ужо Астрожскі звяртаецца з парадай да Курбскага. Рэч у тым, што ў 1577 г. езуіт П. Скарга выдаў кніжку «Пра еднасць царквы Божай» з прысвячэннем Астрожскаму, дзе выказаў спадзяванне, што праваслаўны князь зразумее і ўспрыме каталіцкія ідэі. Князь Канстанцін вырашыў уступіць у палеміку са Скаргам, для чаго наняў арыяніна Матавілу, каб той даў езуітам вычарпальны адказ. Калі справа была гатовая, Астрожскі вырашыў падзяліцца творамі з князем Курбскім, даслаўшы яму і кнігу Скаргі, і адказ Матавілы, і ліст ад сябе. Курбскага відавочна абразіла далучэнне да справы Матавілы: «Хто слышалъ от века, или где писано в крониках, ижбы волко разтерзателя ко стаду овецъ на пожить взывати?». Пратэстант тут фігуруе як «воўк-расцярзацель», а праваслаўныя – як «статак авечак», да якіх гэты воўк быў закінуты. Саму кнігу Скаргі Андрэй Міхайлавіч характарызуе як «езуитцкии фабулы, софизматы повапленные» [7, с. 544].

Па-таварыску дастаецца ў лісце і В.-К. Астрожскаму за тое, што просіць у ерэтыка дапамогі ў палеміцы з каталіка-

мі, а мог бы сам палемізаваць, калі б, падаўляючы ляноту, часцей, хоць і патрохі, чытаў Свяшчэннае Пісанне. «И не престану ти воистинну докучати и до моей смерти – понежа зело люблю тя», – заключае Андрэй Міхайлавіч [7, с. 544]. Сам жа Курбскі сваю «ляноту падаўляў» і дзейнічаў часта «напралом», не дасягаючы патрэбнага выніку, а толькі распальваючы спрэчкі. Так, прыездджы князь адзначыўся палемікай з віленскімі езуітамі, а таксама з пратэстантамі на прыёме ў князёў Карэцкіх [8, с. 534–536].

У сваім трэцім лісце да В.-К.К. Астрожскага «князь на Ковлю» А. М. Курбскі дае волю пачуццям. Для Курбскага езуіты – толькі «паўверныя лаціны», а пратэстанты – нават «дзеці д'ябла». У гэтай «цыдуле» Андрэй Міхайлавіч як умее – і ласкай, і страхам Божай кары – напрамілы бог просіць Васіля-Канстанціна выгнаць Матавілу ды іншых «ерэтыкоў» [9, с. 547–549].

Хоць перапіска дайшла да нас толькі ў выглядзе лістоў аднаго боку, тым не менш, можна выразна ўбачыць розніцу ў светапоглядах князёў: ураджэнца адносна «адкрытага» ВКЛ і выхадца з аўтарытарнай Масковіі. Астрожскі цаніў рознасць поглядаў і ўспрымаў розныя ідэі. Курбскі быў значна больш косным і кансерватыўным.

Адрознівалася і іх стаўленне да іншых рэлігій. Астрожскі меў стасункі з прадстаўнікамі ўсіх веравызнанняў, але сам зацята трымаўся свайго. Так, ён быў жанаты з каталічкай, акружаны каталікамі, пратэстантамі. Ён імкнуўся замірыць хрысціянскія цэрквы, у 1584 г. арганізаваў у сваім маёнтку спатканне праваслаўных іерархаў Рэчы Паспалітай, каб падзяліцца меркаваннямі адносна новаўведзенага грыгарыянскага календара. Таксама Астрожскі пабудаваў мячэць для палонных татар, якіх рассяліў у сваім Астрозе. Асобную слабаду ў Астрозе займалі і яўрэі, там была багатая сінагога.

Курбскі не вызначаўся такой адкрытасцю да новага. Ён не прымаў іўдаізму і мусульманства, «д'бламі» называў пратэстантаў, а кнігі іх аўтарства – «гноем». Злосць і

асцервяненне, з якімі Курбскі ставіўся да пратэстантаў, праслізгвае ці не ў кожным з вядомых нам яго лістоў і прадмовах: «еретическия бредни», «бабские басни», «хренские и свинские замышления». Прычым відавочна, што пытанне пратэстантызму з'яўляецца для князя больш балючым, чым пытанне каталіцтва. Курбскі нібы ўспрымаў сябе духоўным нашчадкам айцоў царквы, творы якіх перакладаў: як яны змагаліся з ерасямі – так і ён. І пры чытанні ягоных нападак узнікае ўражанне, што ён паставіў сабе змаганне з «ерэтыкамі» як адну з мэтаў жыцця, як місію. Акрамя варожага стаўлення да пратэстантаў і католікаў, Курбскі выявіў сябе як антысеміт. Так, вядомыя выпадкі, калі Курбскі за даўгі аднаму яўрэю месяц трымаў дваіх іншых у сажалцы з п'яўкамі [1, с. VIII]. Астрожскі сабе такога не дазваляў, бо яўрэі спакон веку жылі ў гарадах, прыналежных да яго роду. Таксама спакойна ён ставіўся да мусульман і нават фінансава дапамог ім пабудаваць мячэць у Астрозе.

Пастунова, праўда, князь Курбскі ўспрымаў ліберальныя, гуманістычныя ідэі, якія цыркулявалі ў грамадстве Рэчы Паспалітай. Відаць, гэтыя змены ў свядомасці князя адбываліся не без уплыву з боку Канстанціна Канстанцінавіча Астрожскага. Зменена светаўспрыманне Курбскага можна ўбачыць у лісце да княгіні Чартарыйскай. У ім Курбскі абгаворвае сваю пазіцыю адносна адукацыі ў езуіцкіх калегіумах, бо праваслаўная княгіня папрасіла парады наконт адукацыі сына ў віленскім езуіцкім калегіуме. Цікава і важна, што Курбскі не адмаўляе магчымасць навучання вольным навукам у езуітаў. І хоць перасцерагае пра небяспеку акаталічвання дзетак, але прыводзіць прыклад айцоў царквы, якія ездзілі вучыцца «з домов ат родителей своихъ до Афин, ко паганским философом» і вярнуліся дамоў, прычым як «караблі з вялікімі каштоўнасцямі» [10, с. 538–540]. У дадзенай сітуацыі Андрэй Міхайлавіч дэманструе падыход лібералa і рэаліста: калі ратаваць сваю веру толькі сваімі рукамі не ўдаецца, то трэба выкарыстаць чужыя, але

асцярожна, бо мэты не супадаюць.

Таварыскія адносіны князёў не абмяжоўваліся сумеснай дзейнасцю на ніве асветы. Разам яны займаліся палітыкай і ваеннай справай. Так, вядома, што князі бралі ўдзел у паходах на татар. Цікава прасачыць і палітычную пазіцыю князёў у дачыненні да Маскоўскай дзяржавы. Ён акуратна ставіўся да вайны з Масквой, бо галоўным яго ворагам усё ж былі татары. У той жа час успрымаў яе як вайсковага і палітычнага праціўніка, небяспечнага для Рэчы Паспалітай і для Кіеўшчыны ў прыватнасці. Ён баяўся, што калі маскоўцы нападуць, то не зможа абараніць межы. Са сваім пастаянным жаданнем да замірэнняў і кампрамісаў Астрожскі, сумесна з чарнігаўскім ваяводам, арганізаваў сустрэчу «памежных камісій» Рэчы Паспалітай і Расіі. Паказвае стаўленне князя да Масквы такі выпадак. У часе паходу Ілжэдзмітрыя І на Маскву (гэты паход Астрожскі рашуча асуджаў) да Васіля-Канстанціна прыбыло пасольства ад маскоўскага патрыярха Іова. У сваім пасланні патрыярх прасіў Астрожскага паспрыяць затрыманню самазванца і адыходу войска Рэчы Паспалітай ад Масквы. Але князь не захацеў супрацоўнічаць з Маскоўскай дзяржавай, і ў адказ на пасланне ён проста арыштаваў аднаго з патрыяршых паслоў. Працяг гэтая гісторыя атрымала пасля забойства самазванца. Патрыярх адправіў да Астрожскага пасланца, «каб ён (Астрожскі) таму парадаваўся (забойству Лжэдзмітрыя)». Але князь быў зусім не рады. Ён пасадзіў маскоўскага патрыяршага пасла ў вязніцу, не жадаючы кантакту з ворагамі [4, с. 227–229].

У Курбскага былі яўна глыбейшыя і больш супярэчлівыя адчуванні датычна Масквы. З аднаго боку, гэта была яго радзіма. З іншага, радзімай кіраваў ягоны закляты вораг – Іван IV, якога Курбскі лічыў антыхрыстам, увасабленнем д'ябла. «Расійскае пытанне» абвастрылася для яго ў 1572 г., у часы бескаралеўя, калі Іван Грозны меў рэальны шанец стаць вялікім князем і каралём Рэчы Паспалітай. Наўрад ці тады Курбскага чакала б літасць. Вядома, што Курбскі прыязджаў у госці да свайго таварыша К. Астрожскага, у

тым ліку такі візіт меў месца ў жніўні–кастрычніку 1572 г. Магчыма, у час яго абмяркоўваліся невясёлыя перспектывы ўзыходу на трон РП расійскага цара [2, с. 69].

Стасункі А. Курбскага і В.-К. Астрожскага доўжыліся каля пятнаццаці гадоў. Вясной 1583 г. князь Курбскі памёр, прызначыўшы апекуном для жонкі і дзяцей менавіта князя Астрожскага [11, с. 231]. Відаць, у такім прызначэнні быў пэўны меркантыльны разлік: Курбскі пакідаў па сабе шмат даўгоў і нявырашаных матэрыяльных спрэчак. Відавочна, ён спадзяваўся, што Астрожскі дапаможа Аляксандры Сямашкаўне Курбскай іх вырашыць. У той жа час князь наўрад ці б зрабіў апекуном сваіх дзяцей чалавека, якому не давяраў бы. Падаецца, Астрожскі быў самым надзейным чалавекам з мясцовых знаёмых Курбскага.

Погляды двух князёў у многім фарміраваліся пад уздзеяннем сямейнага выхавання, але амаль не перадаліся іх дзецям, якімі збольшага, відаць, займаліся жонкі. Калі Астрожскі здолеў выхаваць хаця б аднаго з сыноў так, каб той прытрымліваўся праваслаўя на працягу ўсяго жыцця, то дзеці Курбскага былі яшчэ малымі, калі князь памёр, і не паспелі пераняць прынцыпаў свайго бацькі ды яго роду. Дзеці князёў не маглі і не бачылі сэнсу супрацьстаяць ціску дзяржаўнай палітыкі і ідэалогіі, бо не мелі такой інтэлектуальнай моцы, якая вылучала іх продкаў.

Паплечніцкая, таварыская грамадская дзейнасць А.М. Курбскага і К.К. Астрожскага паспрыяла стварэнню значнага пласта культуры Рэчы Паспалітай. Курбскі і Астрожскі ўспрымалі інтэлектуальную працу як вялікую каштоўнасць і былі здольныя ацаніць інтэлектуальныя магчымасці адзін аднаго, рабілі спробы іх аб’яднаць. Князі праявілі сябе як добрыя арганізатары: Курбскі здолеў аб’яднаць вакол сябе кола захопленых перакладчыкаў, а Астрожскі дзякуючы сваім сувязям і сродкам змог стварыць школу з высокім узроўнем выкладання. Галоўнай духоўнай спадчынай двух князёў-інтэлектуалаў сталі працы Міляновіцкага гуртка перакладу і перапіскі кніг (пераклады

твораў айцоў царквы (Іаана Златавуста, Іаана Дамаскіна), антычных аўтараў (Цыцэрона, Арыстоцеля), жыціі Сімяона Метафраста і інш.) ды Астрожская акадэмія, якая выхавала новае пакаленне інтэлектуалаў і дзяржаўных дзеячаў.

The articleis devoted to the relationship between two famous orthodox princes of XVI century A. Kurbski and K. Ostrogski. The reasons for a close princes' partnership reveals in the text. Author points out common and specific features in mentality and perception of the world of two princes, whose joint activity significantly affected on the culture and enlightenment on East Slavic lands and all The Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Жизнь Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. – Т. 1. – Киев, 1849. – 337 с.
2. Филюшкин, А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. – СПб.: Издательство СПбУ, 2007. – 624 с.
3. Предисловие к «Новому Маргариту» // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 554–559.
4. Kempa, T. Konstanty Wasyl Ostrogski (ok.1524...1525 – 1608), wojewoda kijowski i marszalek ziemi wołyńskiej. – Toruń: Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. – 288 s.
5. Реестр товаров, взятых князем Курбским из лавки Григория Федоровича // Жизнь Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. – Т. 1. – Киев, 1849. – С. 310–314.
6. Первое послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 540–543.
7. Второе послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 544–545.
8. Послание Кодиану Чапличу // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 530–537.
9. Третье послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 546–551.
10. Послание А. Курбского княгине Чарторыйской // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 11. – С. 538–540.
11. Завещание князя Андрея Михайловича Курбского Ярославского // Жизнь Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. – Т. 1. – Киев, 1849. – С. 228–242.

Навуковы кіраўнік – **А. А. Яноўскі**, *кандыдат гістарычных навук, прафесар.*

УДК 947.6/82

В.В. Кітурка
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

МЕМУАРЫ МІХАЛА КЛЕАФАСА АГІНСКАГА ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

В статье дается краткий обзор позиции Михаила Клеофаса Огинского на политические события в Речи Посполитой во второй половине XVIII в. на основании его мемуаров «Про Польшу и поляков с 1788 до 1794 г.». Главный источник (мемуары) представляет закулисную дипломатическую борьбу Прусской и Российской дипмиссий, а также центральное событие Четырехлетнего сейма – принятие Конституции 3 мая 1791 г. и ее оценка европейским политикам.

«Адзінае пачуццё, якое мною кіравала,
была любоў да Радзімы».
М.К. Агінскі.

2011 год стаў знакавым для беларускай гістарыяграфіі: на беларускай мове ў часопісе «ARCHE» была выдадзена частка «Мемуараў пра Польшчу і палякаў з 1788 да 1794 г.» Міхала Клеафаса Агінскага. Поўны тэкст «Мемуараў», напісаных аўтарам на французскай мове, якія ахопліваюць перыяд з 1788 да 1815 г., упершыню былі выдадзены на мове арыгінала ў Парыжы ў 1826–1827 гг. Інтарэс да неардынарнай асобы Міхала Клеафаса Агінскага спрыяў іх перакладу на розныя мовы ўжо ў XIX ст.: у 1845 г. – на нямецкую, у 1870-х – на польскую. У пачатку XXI ст. даследаванне дзейнасці М.К. Агінскага і ўсведамленне яго ролі ў гісторыі Рэчы Паспалітай (Беларусі, Польшчы і Літвы) прывялі да выдання яго «Мемуараў» па-літоўску (2007–2010 гг.). Нарэшце быў пакладзены пачатак выданню па-беларуску.

Асоба М.К. Агінскага (1765–1833 гг.) не патрабуе адмысловага прадстаўлення: дыпламат і паўстанец, палітычны дзеяч і эмігрант [1, с. 75]. Сам Агінскі ў сваіх мемуарах піша наступнае: *«Прыняўшы рашэнне паведаміць пра апошнія падзеі ў Польшчы, у якіх я браў удзел у той*

ці іншай ступені, я павінен заўважыць, што пачаў у вельмі маладым узросце служыць маёй краіне і быў паслядоўна: прадстаўніком заканадаўчага корпуса, надзвычайным пасланнікам у Галандыю, павераным, накіраваным з місіяй у Англію, міністрам скарбу ВКЛ, жаўнерам падчас Польскай рэвалюцыі, агентам польскіх патрыётаў у Канстанцінопалі і Парыжы, быў адлучаны ў выніку маёй эміграцыі на працягу многіх гадоў і прызначаны ў пецярбургскі Сенат імператарам Аляксандрам» [1, с. 465–466]. Разам з тым, у айчыннай гістарыяграфіі М.К. Агінскі разглядаецца, у першую чаргу, як аўтар двух знакамітых твораў: паланэза «Развітанне з радзімай» і «Плана Агінскага» 1811 г. Выданне беларускамоўнага перакладу яго «Мемуараў» дазволіць даследчыкам больш глыбока вывучаць спадчыну М.К. Агінскага, яго дзейнасць на ніве палітычнага, эканамічнага і грамадскага жыцця Рэчы Паспалітай у апошняй чвэрці XVIII ст.

М.К. Агінскі знаходзіўся ў віхуры палітычных падзей і рэфарматарскіх працэсаў, якія разгарнуліся ў Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. Іх вяршыняй стаў Чатырохгадовы сойм (1788–1792), які аўтар называе Векапомным. Гаворачы пра неабходнасць яго правядзення, М.К. Агінскі так апісвае становішча РП: *«Войны, якія Саксонія павінна была весці супраць Швецыі, а потым супраць Фрыдрыха II, вычарпалі вайсковыя і грашовыя рэсурсы Польшчы; увядзенне ў звычай раскошы і замежных нораваў дэмаралізавала тых, хто быў звязаны з дваром, і ўсё гэта прывяло да заняпаду былую польскую годнасць, якая саступіла месца схільнасці да задавальненняў і марнага баўлення часу.*

...Менавіта так – калі Расія, Аўстрыя і Прусія арганізоўвалі свае ўрады, заахвочвалі развіццё сельскай гаспадаркі, прамысловасці і гандлю, апекаваліся навукамі і мастацтвам і павялічвалі сваю магутнасць, Польшча бяднела, дэзарганізоўвалася ва ўсіх адносінах і паціху рыхтавала сабе сумны лёс, які быў ёй наканаваны. Мінуў той час, калі толькі шаблі было дастаткова, каб прымусіць ворага адступіць» [2, с. 473].

Аўтар падкрэсліваў, што ў канцы 1780-х гг. да найбольш патрыятычнай часткі палітычнай эліты грамадства прыйшло асэнсаванне, што для правядзення рэформаў унутры дзяржавы патрэбна спрыяльная міжнародная сітуацыя, якая якраз і ўзнікла ў канцы 80-х гг. XVIII ст. [3, с. 234].

Каштоўнасць дадзеных мемуараў як крыніцы заключаецца і ў тым, што аўтар прыводзіць ноты і мемарандумы расійскага і прускага паслоў. У сваіх мемуарах Агінскі падрабязна апісаў закулісную дыпламатычную барацьбу Прускай і Расійскай дыпламатычных місій падчас працы Чатырохгадовага сойма. Пры гэтым М.К. Агінскі адзначаў, што *«сойм зусім не быў пазбаўлены недахопаў, нягледзячы на руплівасць, энтузіязм і найлепшыя намеры, якія натхнялі пераважную частку яго ўдзельнікаў»* [2, с. 483].

Аўтар эмацыянальна, практычна пакрокава апісаў этапы правядзення сойма: ад яго адкрыцця ў Варшаве 6 кастрычніка 1788 г. да мая 1792 г. – часу прыпынення яго працы ў сувязі з дзейнасцю Таргавіцкай канфедэрацыі.

Натуральна, цэнтральнай падзеяй гэтага сойма стала прыняцце Канстытуцыі 3 мая 1791 г. Міхал Клеафас Агінскі ведаў гэты працэс знутры, паколькі ўваходзіў у Дэпутацыю, створаную 7 верасня 1789 г. для падрыхтоўкі асноўных палажэнняў будучай канстытуцыі. Агінскі ўспамінаў, што *«напярэдадні гэтай незабыўнай падзеі патрыёты сабраліся бліжэй да вечара ў палацы Радзівіла, каб паслухаць чытанне канстытуцыйнага акта. Пачаліся ўсеагульныя воплескі, і суцэльная згода не была парушаная ніякім супрацівам…»* [2, с. 525].

Уражвае апісанне Агінскім акта прыняцця Канстытуцыі. Ён падкрэсліваў, што *«ўвесь сойм памкнуўся да трону, дзе ўзвышанасць караля, велічная і бацькоўская, выклікала столькі ж энтузіязму, як і даверу, захаплення і ўдзячнасці ва ўсіх тых, хто яго атачаў. Кароль, загадаўшы кракаўскаму біскупу чытаць клятву, якую ён гучна паўтарыў, дадаў:*

«Я пакляўся і не раскаюся ў гэтым ніколі. Я заклікаю ўсіх тых, хто любіць радзіму, пайсці за мною ў касцёл, каб прыняць там тую ж прысягу». Ён пакінуў свой трон, прайшоў праз усе залы і калідоры, што вялі ад замка да кафедральнага сабора, за ім рухаўся ўвесь сойм. Натоўп гледачоў ціснуўся абапал ягонага шляху ў радасным ап'яненні, выказваючы шчырыя зычэнні каралю і аўтарам Канстытуцыі» [2, с. 527].

Для асэнсавання ролі Канстытуцыі ў Еўропе важным аспектам з'яўляецца прыведзеная ў «Мемуарах» яе ацэнка англійскім палітыкам і публіцыстам, ідэолагам брытанскага кансерватызму Эдмундам Бёркам: *«Чалавецтва павінна радавацца і ганарыцца, калі яно ацэньвае змену ў Польшчы: нічога там няма слабога, нічога ганебнага. Гэтая змена такая ўзвышаная паводле сваёй прыроды, што яна будзе самым высакародным і выдатным дабратворным уздзеяннем, аказаным на чалавечы род. Мы ўбачылі разбурэнне анархіі і рабства; мы ўбачылі трон, які не пакрыўдзіў свабоды, будучы ўзмоцнены любоўю нацыі, мы ўбачылі таксама іншаземныя змовы, ліквідаваныя заменаю выбараў на спадчыннасць. Дзесяць мільёнаў чалавек, прывязаных да адпрацоўкі зямлі, стануць паступова вольнымі; і, што ёсць шчасцем як для іх, так і для іхнай краіны, яны будуць пазбаўленыя не грамадзянскіх і палітычных правоў, якія могуць падацца цяжарам толькі сапсаванаму розуму, але тых, якія трымалі іх скутымі сапраўдным рабствам...»* [2, с. 531].

Разам з тым Агінскі паказвае трагізм далейшых падзей, вызначае змены ў адносінах Прускага і Расійскага двароў да Рэчы Паспалітай у сувязі з Французскай рэвалюцыяй 1792 г., стварэнне Таргавіцкай канфедэрацыі і Другі падзел Рэчы Паспалітай.

Неабходна падкрэсліць, што мемуары напісаны добрай літаратурнай мовай, а па жанру наближаны да мастацкай прозы і часам нагадваюць прыгодніцкі раман [4, с. 32].

Такім чынам, апублікаваная частка «Мемуараў» М.К.

Агінскага з'яўляецца каштоўнай крыніцай па палітычнай гісторыі Беларусі апошняй чвэрці XVIII ст. Яна дазваляе вывучаць унутраную сітуацыю ў Рэчы Паспалітай у апошняй чвэрці XVIII ст., прычыны і неабходнасць правядзення рэформ, ролю Расійскай і Прускай дыпламатычных місій, «тэмпературу» палітычнага жыцця ў час прыняцця Канстытуцыі, прычыны ўтварэння Таргавіцкай канфедэрацыі і паражэння Чатырохгадовага сойма.

Безумоўна, апісаныя аўтарам падзеі патрабуюць усебаковага разгляду з выкарыстаннем іншых крыніц. Але са старонак мемуараў паўстаюць жывыя асобы, іх перажыванні, апісанне грамадска-палітычнай сітуацыі, чаго няма ў афіцыйных дакументах. Менавіта па гэтай прычыне мемуары з'яўляюцца адмысловай крыніцай для даследчыкаў.

This article provides a brief overview of the position of Michael Cleophas Oginski to political developments in the Polish–LithuanianCommonwealth during the second half of the XVIII century, based on his memoir "About Poland and the Poles from 1788 to 1794." The main source (memoirs) is behind the scenes diplomatic struggle Prussian and Russian diplomatic missions, as well as the central event of the Sejm - the adoption of the Constitution of May 3, 1791 and the average of European politics.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Агінскі Міхал Клеафас // Беларуская Энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 1996. – Т. 1. – С. 75.
2. Агінскі, М.К. Мемуары пра Польшчу і палякаў з 1788 да 1794 гг. / М.К. Агінскі // ARCHE. – 2011. – № 6. – С. 463–722.
3. Агінскі, М.К. Мая біяграфія: з дзяцінства па 1788 г., эпоху, калі пачынаюцца мае мемуары / М.К. Агінскі // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 81–89; № 6. – С. 226–237.
4. Ліс, Я. Палітык М.К. Агінскі / Я. Ліс // Спадчына. – 1996. – № 2. – С. 30–35.

Навуковы кіраўнік – **І.Ф. Кітурка***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 94(476)

А.А. Кайрыс
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

ДЗЕЯННІ ПАЎСТАНЦАЎ У ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ З САКАВІКА ПА ЛІПЕНЬ 1863 г. ПАВОДЛЕ ДАНЯСЕННЯЎ І РАПАРТАЎ МЯСЦОВЫХ ЧЫНОЎНІКАЎ

В статье на основе архивных материалов рассматриваются действия повстанческих отрядов в Гродненской губернии в период с марта по июль 1863 г. Делается вывод о партизанском характере борьбы.

У часы паўстання 1863–1864 гг. на тэрыторыі Гродзеншчыны быў арганізаваны адзін з самых моцных ачагоў супраціву царскім войскам. Аб гэтым сведчаць матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродне, у прыватнасці, «Справа аб мяцежніках Гродзенскай губерні», якая захоўваецца ў фондзе № 3 «Гродзенская губернская камісія па палітычных справах» [1]. Справа была пачата 21 красавіка 1863 г., скончана 22 лістапада 1863 г. Яе аб'ём – 146 аркушаў. Дадзены дакумент складаецца з рапартаў і данясенняў мясцовых чыноўнікаў гродзенскаму генерал-губернатару фон Галеру. Паўстанне было накіравана супраць расійскага ўрада, таму трэба ўлічваць, што да дзейнасці паўстанцаў, натуральна, чыноўнікі ставяцца адмоўна. Дадзеная крыніца, несумненна, аднабаковая, яна адлюстроўвае ўрадавы погляд на падзеі паўстання. Гэты дакумент з'яўляецца даволі тыповым, таму на прыкладзе яго можна рабіць некаторыя агульныя высновы. З дапамогай матэрыялаў гэтай справы можна паказаць, што адбывалася на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў гэты час, даць характарыстыку дзеянням паўстанцаў.

Першыя звесткі аб актыўных дзеяннях паўстанцаў адносяцца да 29–30 сакавіка 1863 г. Паведамляецца, што інсургенты пасеклі два масты пры вёсках Бершты і Якубовічы [1, арк. 8а]. Зразумела, што гэта быў не акт вандалізму, а звычайная вайсковая справа па парушэнню камунікацыяў ворагаў.

З 30 па 31 сакавіка 1863 г. у лясніцтве прапаршчыка Дэльпанса атрад інсургентаў адабраў у двух стралкоў два казённых ружжа, два цесакі і патранташы [1, арк. 8б]. Далей ідуць звесткі, што 20 красавіка каля 200 інсургентаў прыйшлі ў м. Азёры, дзе ў адстаўнога палкоўніка адабралі два ружжа, а ў мясцовага ляснічага «отобрали и сожгли ценные бумаги, забрали 316 руб. за продажу леса, 134 руб. на постройку дома и 25 руб. 30 коп. остаточных с 1862 г. и собственных 125 руб., а также 55 ружей, 2 тесака, 2 ружья со штыками, 2 двуствольных ружья, одноствольное ружье, револьвер, 2 пистолета, пороху 22 фунта, пуль 25 фунтов, два тома законов и казенную писать» [1, арк. 16]. Відавочна, што ў паўстанцаў адчуваўся недахоп зброі, які яны ліквідавалі з дапамогай рэквізіцый. Леснікі і адстаўныя ваенныя былі ідэальнымі аб'ектамі для гэтага, бо яны мелі службовую зброю і жылі адасоблена.

26 красавіка 1863 г. у 5 гадзін раніцы да стралка Міхаіла Мартынава Грыга ва Узбераж прыбылі 14 узброеных мяцежнікаў. Адабралі казённае ружжо, шаблю, патронніцу і яго асабістае ружжо. Прымусілі яго правесці іх да м. Ягор Гродзенскага лясніцтва, а потым адпусцілі. Каля 8 гадзін раніцы ў гэты ж дзень паўстанцы прыбылі ва ўрочышча Ельнік да стралка Казіміра Осіпава Тамашэвіча. Забралі тое самае, што і ў Міхаіла Грыга, а затым прымусілі правесці да ўрочышча Бабіна да стралка Грыгорыя Хоха, адтуль, скарыстаўшыся момантам, Тамашэвіч уцёк [1, арк. 46]. Як бачна, паўстанцы не толькі ліквідавалі недахоп зброі ў атрадах рэквізіцыямі ў стралкоў, але і прымушалі іх выконваць функцыі праваднікa. Пры гэтым стралкі былі прымушаныя вадзіць паўстанцаў да сваіх жа баявых таварышаў.

Акрамя зброі, паўстанцы забіралі ў мясцовага насельніцтва харчовыя прыпасы і фураж. 9 ліпеня 1863 г. у Рудавы прыбылі 32 інсургенты, якія былі ўзброены двуствольнымі ружжамі, пісталетамі, рэвальверамі. З'явіліся яны на царкоўнай службе. Потым папрасілі для коней аўса, а таксама паставіць самавар, каб выпіць гарбаты [1, арк. 64]. Неабходна звярнуць увагу на той факт, што адкрыта прыходзіць у

пасёлак, наведваць царкоўную службу, заставацца на гарбату паўстанцы маглі сабе дазволіць толькі пры ўмове поўнай упэўненасці ў падтрымцы мясцовага навельніцтва. Аднак рызыка была вялікая. У любы момант маглі з’явіцца салдаты. Можна сцвярджаць, што паўстанцы і жыхары дадзенага населенага пункта былі ў добрых стасунках.

Наведваліся паўстанцы за прадуктамі і да мясцовых памешчыкаў. 11 ліпеня 1863 г. каля 80 узброеных інсургентаў з’явіліся на хутары маёнтка Старжылак, потым пайшлі да ўпраўлення памешчыка Незабытоўскага і там патрабавалі харчаванне [1, арк. 66].

14 ліпеня 1863 г. каля 2 гадзін ночы ў двор маёнтка Аліевіча прыйшлі каля 40 інсургентаў і абудзілі прыказчыка Астрауха. Пачалі пачалі патрабаваць гарэлку, але той адмовіў. Тады паўстанцы зайшлі ў памяшканне для працоўных, узялі 4 хілбы і зніклі. 15 ліпеня 1863 г. каля 30 узброеных інсургентаў прыбылі ў маёнтак Заблоць і патрабавалі вядро вады, а таксама ўзялі палову фунта мыла [1, арк. 68б, 72б].

15 траўня 1863 г. з вёскі Шушы ў маёнтак Пагарэнда, які належаў Івану Міхайлаву Умновічу (прозвішча напісана неразборліва. – *А.К.*) і яго сыну Якаву, які з’яўляўся памочнікам стралка, уначы заявіўся атрад інсургентаў з косамі пад кіраўніцтвам невядомага капітана і прабыў там двое сутак. За гэты час капітан двойчы загадваў павесіць гаспадара, якому было 67 гадоў. Старога дапытвалі, куды ён схаваў нейкага Гарбачэўскага, пра якога гаспадар нічога не ведаў. Затым яго прывязалі да дрэва, але пасля здзекаў і запалохвання адпусцілі. Пасля гэтага стары злёг. Капітан таксама дапытваў астатніх членаў сям’і. Загадваў біць, спачатку нагайкай, потым розгамі. Стралецкі селянін Ульян атрымаў 200 ударaў. Тое самае здарылася і з Якавам, памочнікам стралка і сынам гаспадара маёнтка, які атрымаў каля 400 ударaў. Жонцы Марылі далі 20 ударaў, а старой Разаліі, якая мела 70 год, – 4 удары. Праз некаторы час у гэты маёнтак былі накіраваны расійскія салдаты [1, арк. 86–88]. Паколькі з гэтага рапарта відаць, што атрад інсургентаў быў узброены косамі, то мож-

на дапусціць, што ён складаўся з сялян, бо касінерамі былі, як правіла, сяляне. Магчыма, гэтыя сяляне да адмены прыгону належалі Івану Міхайлавічу, ён жа мог даволі жорстка паводзіць сябе са сваімі прыгоннымі, таму, магчыма, такім спосабам сяляне, якія пайшлі ў паўстанне, вырашылі адпомсціць былому ўладару.

З чыноўніцкіх апісанняў вынікае, што паўстанцы паводзілі сябе, як звычайныя разбойнікі. Але толькі такімі спосабамі яны маглі здабыць зброю, харчаванне, грошы і каштоўную інфармацыю. Пры гэтым паўстанцы так дзейнічалі менавіта ў адносінах да праціўнікаў паўстання. А тых, хто спачуваў ці падтрымліваў паўстанцаў, яны нават баранілі ад мясцовых уладаў. Гэтае сцвярджэнне можна падмацаваць інфармацыяй з разглядаемага архіўнага дакумента. Так, 4 ліпеня 1863 г. атрад колькасцю каля 30 чалавек прыйшоў у валаснае праўленне Луненскай воласці і напаў на старшыню Івана Манішку, бо той загадаў арыштаваць селяніна Івана Алізара, які заклікаў сялян да невыконвання загадаў мясцовых уладаў. Старшыню збілі і павезлі ў невядомым накірунку [1, арк. 62].

Такім чынам, на падставе інфармацыі са «Справы аб мяцежніках Гродзенскай губерні» можна зрабіць выснову аб партызанскім характары барацьбы паўстанцаў на тэрыторыі Гродзенскай губерні. Нельга адназначна ацэньваць дзеянні паўстанцаў, лічыць іх добрымі ці дрэннымі. Гэта была сапраўдная грамадзянская вайна, у якой кожны з бакоў дзейнічаў у залежнасці ад сваіх магчымасцяў. Трэба ўлічваць і той факт, што многія ўдзельнікі паўстання маглі няправільна зразумець, да чаго заклікала «Мужыцкая праўда». Паўстанцкія атрады Гродзеншчыны не былі выключэннем. «Дзяры з нас, цар, дзярэце з нас, чыноўнікі яго, хаця да астатняй шкуры, але памятайце, што і на нас прыйдзе пара, памятайце, што калі мужык разгуляецца, то, як свет шырокі, кроў ваша пальецца!!!» [2]. Наўрад ці неадукаваны цёмны селянін у далёкім 1863 г. мог зразумець, што трэба ваяваць за стварэнне сваёй незалежнай дзяржавы, ён разумеў заклік газеты

па-свойму, што трэба скарыстацца сітуацыяй і адпомсціць памешчыкам ці мясцовым уладам за здзекі.

On the basis of archival materials describes the actions of rebel groups in Grodno province in the period from March to July 1863. The conclusion about the partisan nature of the struggle.

Спіс крыніц і літаратуры

1. НГАБ у Гродне. – Ф. 3. – Воп. 1. – Адз. зах. 15 «Дело о мятежниках Гродненской губернии».
2. Мужыцкая праўда. Лісты з-пад шыбеніцы [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу: http://www.bielarus.net/archives/2005/02/04/166.

Навуковы кіраўнік – **І.В. Соркіна***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 94(476) “1801-1900” : 82-94 (=411:112.28)

Я.В. Карпенкіна
(Мінск, БДУ)

БЕЛАРУСКІЯ ГАРАДЫ І МЯСТЭЧКІ XIX СТ. У АДЛЮСТРАВАННІ ЯЎРЭЙСКАЙ МЕМУАРЫСТЫКІ

В статье автор анализирует еврейскую мемуаристику с точки зрения ее полезности для изучения истории белорусских городов и местечек XIX в. Для рассмотрения были взяты воспоминания, написанные авторами-евреями, жившими на Беларуси в XIX–первой половине XX вв. Пытаясь выяснить, при изучении каких аспектов городской жизни мемуары будут более полезны и информативны, а в каких менее, автор приходит к выводу, что евреи создали на Беларуси целый пласт городской культуры, который должен изучаться исторической урбанистикой не в меньшей степени, чем городская культура других народов, проживавших (и живущих до сих пор) на Беларуси.

Здаецца, агульнавядома, што ў гарадах і мястэчках так званай «рысы аселасці», у якую цалкам уваходзілі цяперашнія беларускія землі, на працягу XIX ст. няспынна ішоў працэс павелічэння колькасці яўрэяў-жыхароў. Гэта было абумоўлена ўрадавай палітыкай у вырашэнні «яўрэйскага пытання». Дзякуючы ўрадавым мерам, да канца вызначанага стагоддзя колькасць яўрэяў у мястэчках і гарадах гэтай часткі Расійскай імперыі ў адсоткавым вымярэнні даходзіла, а часам і пераўзыходзіла 50 %. Так, згодна з першым перапісам насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г., у Гародні яўрэі складалі 48 % ад агульнай колькасці гараджан, у Магілёве – 50 %, у Мінску і Віцебску – 52 %, у Гомелі – 55 %, у Брэсце – 65 %, у Пінску – 74 %, у Слуцку – 77 % [1, с. 60]. Пры гэтым нельга забываць, што яўрэйскае насельніцтва наогул вельмі цяжка паддавалася статыстычнаму падліку па наступных прычынах: а) высокая ступень міграцыі ашкеназаў; б) імкненне пазбегнуць абкладання падаткамі. Таму любыя статыстычныя дадзеныя адносна яўрэйства могуць быць успрыняты выключна як прыблізныя (часцей за ўсё за-

ніжаныя). Але пры гэтым факт наяўнасці значнай колькасці юдэйскага элемента ў беларускіх гарадах і мятэчках у XIX ст. мы адвергнуць не можам.

У XIX ст. яўрэі жылі ў беларускіх гарадах, функцыянавалі ў іх эканоміцы, грамадскіх з'явах, культурным жыцці, разам з беларусамі ствараючы гарадскую гісторыю і робячы гэтыя населеныя пункты такімі, якімі мы іх памятаем па тагачасных фотаздымках, а таксама такімі, якімі мы іх можам бачыць цяпер. Гэта наступства той самай шматэтнічнасці, аб якой сёння можна пачытаць нават у школьных падручніках. Пры гэтым яўрэі, як вядома, у XIX ст. пакуль яшчэ імкнуліся трымацца адасоблена ад прадстаўнікоў іншых народаў (беларусаў, палякаў, рускіх, татар і інш.). Адпаведна, у іх асяродку ўзнікала свая гарадская культура, сваё бачанне роднага горада, свае легенды аб ім. Гэтая гістарычная спадчына таксама з'яўляецца часткай прадмета вывучэння гістарычнай урбаністыкі. Пры гэтым, зробім рэмарку, маладаследаванай часткай!

У якіх гістарычных крыніцах можам мы знайсці сведчанні аб паўсядзённым жыцці ашкеназаў у мястэчках і гарадах Беларусі? Безумоўна, крыніцы могуць быць самымі разнастайнымі: ад судовых справаздач да эпісталярных крыніц. Але, на нашу думку, адной з самых багатых і цікавых у дадзеным выпадку з'яўляецца група крыніц асабістага паходжання, прадстаўленая яўрэйскімі мемуарамі.

Яўрэйская мемуарыстыка як літаратурны жанр (і аднačасова як асобная група гістарычных крыніц) фарміруецца даволі позна – у канцы XIX–пачатку XX стст. Яна мае шэраг асаблівасцяў, на якія неабходна звяртаць увагу даследчыкам, такія як шматмоўнасць, фарміраванне ў пэўным коле яўрэйскага грамадства і г.д. Мемуары аўтараў-яўрэяў, напісаныя пераважна ў пачатку XX ст., даюць нам багатую панараму жыцця беларускага краю ў XIX і пачатку XX стст. У іх мы знаходзім сведчанні аб этнаканфесійным становішчы на Беларусі, эканамічнай развітасці дадзенага рэгіёну ў тыя часы, агульным узроўні жыцця насельніцтва, агульнагістарычных

падзеях (паўстанні 1863–1864 гг., руска-турэцкай вайне, сацыялістычных і сіяніcцкіх рухах...) і г.д. У дадзеным артыкуле мы паспрабуем адказаць на пытанні: 1) якія рысы жыцця тагачаснага беларускага горада/мястэчка адкрывае перад намі яўрэйская мемуарыстыка; 2) у вывучэнні якіх аспектаў жыцця беларускага горада/мястэчка мемуарныя крыніцы яўрэйскага паходжання з'яўляюцца малаінфарматыўнымі?

Калі мы маем справу з вялікага памеру ўспамінамі: не тымі, якія публікаваліся на некалькіх старонках у чарговым нумары «Еврейской старины», а з тымі, якія выходзілі асобнымі кнігамі, то ў такіх буйных мемуарных творах аўтар пачынае свой аповед менавіта са свайго роднага горада (мястэчка), дзе ён нарадзіўся. Часам апісанню роднай старонкі прысвячаецца нават уся першая глава (прыклад – мемуары Е. Коціка [2], А. Паперны [3], С. Дубнова [4]).

Звычайна калі мемуарыст апісвае свой родны горад, які ён добра ведае, то пачынае ён расказ з якога-небудзь вартага ўвагі мясцовага архітэктурнага помніка ці выдатнай прыроднай мясціны. Напрыклад, Е. Коцік пачынае мемуары з апісання Камянецкай вежы і яе гісторыі, а А. Паперна – з Капыльскага высокага халма-гарадзішча. Пры гэтым аўтары не мінуюць прыгадаць легенды, якія бытавалі ў яўрэйскай грамадзе і былі звязаны з гэтым выбітным месцам. Працытуем узгаданага Е. Коціка: «Местечко Каменец, где я родился, знаменито своей старинной исторической башней. Откуда она взялась, неизвестно. Полагают, что это остаток былой крепости (...). Еще во времена моего деда находили ядра весом фунтов в десять (...). Кладка этой башни такая крепкая, что нельзя отколоть ни кусочка. В Каменце говорят, что ее делали на яичном белке, поэтому она такая прочная» [2, с. 35]. У сваіх успамінах «Из Николаевской эпохи» А. Паперна дае апісанне як знешняга выгляду, так і легендарнай гісторыі аднаго з самых цікавых, на думку мемуарыста, месцаў Капыля – высокага халма-гарадзішча, якое Паперна называе «гора Schloss» (Замкавая гара. – *Я.К.*) [3, с. 31]. А вось якую легенду прыгадвае С. Гінзбург у сувязі з апі-

саннем роднага Мінска і яго ракі Свіслачы: «…не проходило и года без того, чтобы несколько человек не погибли в Свислочи (в ней имеются довольно глубокие места). Евреи объясняли это тем, что знаменитый талмудист (…) Арье Лейб бен Ашер, изгнанный в 1742 г. за независимость суждений из Минска (…), изрек в адрес жестоко оскорбившей его общины проклятие, чтобы река Свислочь ежегодно поглощала определенное число людей из ее среды. Называли в точности это количество, но я его позабыл» [5]. Такім чынам, дзякуючы падобным звесткам, мы можам не толькі вызначыць стан прыгадваемых гістарычных аб'ектаў у XIX ст., якія існуюць і зараз, але і даведацца аб гарадскіх (местачковых) яўрэйскіх легендах і міфах, што бытавалі ў тыя часы.

Напэўна, ні адзін мемуарыст-яўрэй не мінае пытання этнаканфесійных стасункаў, што бытавалі ў яго часы. І гэта не дзіва – юдэяў, якія жылі ў іншаканфесійным асяроддзі, хвалявалі іх стасункі з іншымі канфесіямі, найперш з хрысціянамі. Але зараз нас цікавіць не столькі характар гэтых стасункаў, колькі прафесійная спецыялізацыя розных канфесій і этнасаў горада, а таксама іх лакалізацыя ў гарадской прасторы.

Што датычыцца прафесійнай спецыялізацыі, то ў цэлым мемуарысты пацвярджаюць агульнавядомае: яўрэі спецыялізаваліся на рамястве, гандлі і іншых відах прадпрымальніцтва, беларусы – на сельскагаспадарчай вытворчасці (часам таксама зараблялі грошы, працуючы ў яўрэяў [3, с. 33]), рускія былі пераважна ці духавенствам, ці чыноўніцтвам, а татары – выдатнымі агароднікамі (А. Паперна [3, с. 33], С. Дубноў [4, с. 30], С. Гінзбург [5]). Для прыкладу прывядзем цытату з успамінаў С. Гінзбурга: «Различны были и занятия отдельных вероисповедательных групп населения Минска. Православные (…) служили по разным ведомствам. Мещане – частью русские, частью же поляки, (…) занимались огородничеством, а то и земледелием. Ремесленники почти все были евреи…» [5]. Цікава, што ў катэгорыю мяшчан у аўтара трапляюць толькі палякі (пад якімі мы можам

разумець і беларусаў) і праваслаўныя (ізноў-такі ўключаючы беларусаў), а яўрэі не ўваходзяць. Гэта можа ўказваць на яўрэйскую свядомасць, якая адасобіла аднаверцаў ад іншых гарадскіх груп насельніцтва.

Як размяшчаліся этнасы ў межах горада альбо мястэчка? Большасць аўтараў сцвярджаюць аб лакалізацыі яўрэяў у цэнтры мястэчка, а хрысціян – на ўскраінах. Вось што піша на гэты конт А. Паперна: «Расселялись упомянутые группы населения отдельно одна от другой: христиане и магометане – в боковых улицах по уступам горы и под горой, евреи же занимали самую лучшую часть города на вершинах горы, где находилась базарная площадь (...). Ввиду такого видного места, занимаемого евреями, а также вследствие их сравнительной многочисленности (...) Копыль на первый взгляд производил впечатление чисто еврейского города» [3, с. 33]. С.М. Дубноў адзначае, што ў цэнтры яго роднага мястэчка Мсціслаўль жылі таксама і заможныя хрысціяне: «В центре города (...) жили зажиточные еврейские купцы и русские чиновники, помещались лучшие лавки, церкви и некоторые синагоги» [4, с. 30]. Е. Коцік адзначае, што ў Камянцы «гои (...) жили в двух разных концах города» [2, с. 68], як бачым, ізноў-такі па ўскраінах. Наступнай цытатай мемуарыста С. Цэтліна мы можам пацвердзіць, што такі падзел горада быў вельмі распаўсюджаны на беларускіх землях. Вось што піша Цэтлін: «Христианское население местечка Шклов, как, вероятно, и в других местечках, населенных евреями, занимало особый квартал на окраине» [6]. На нашу думку, такое размяшчэнне яўрэяў і хрысціян абумоўлена іх вытворчай спецыялізацыяй – цэнтр горада, дзе размяшчалася рыначная плошча, быў зручным месцам для гандлю, на ўскраінах жа была прастора для заняткаў земляробствам.

Яўрэі вядомыя тым, што гэты народ здаўна вельмі пільна адносіўся да аховы здароўя. Гэта абумоўлена традыцыямі юдаізму (можна ўзгадаць рытуальныя амавенні ў мікве). Таму не выпадкова, што тэма ўзроўню санітарыі і аховы здароўя ў тым ці іншым горадзе ці мястэчку атрымала шырокае

распаўсюджанне ў мемуарных творах аўтараў-яўрэяў. Мемуарысты неаднаразова заўважаюць, што ў гарадах і мястэчках тых часоў назіралася антысанітарыя, не вытрымліваліся і не маглі вытрымлівацца нормы гігіены. Гэта было абумоўлена маладасведчанасцю людзей у галіне гігіены. Е. Коцік, распавядаючы, што адным з разносчыкаў хваробаў у Камянцы была маленькая брудная рэчка, куды сцякаліся амыўкі з местачковай лазні, якая стаяла побач, з іроніяй зазначае: «Но кто в те времена мог думать, что от такой вещи может произойти болезнь? Было известно, что болезнь – от Бога, а заплесневевшая лужа – это лужа» [2, с. 71]. П. Венгерава піша, што насельніцтва не верыла ў існаванне мікробаў, а таксама што ўзровень свядомасці ў галіне гігіены ад часоў яе маладосці (сярэдзіна XIX ст.) да часоў яе старасці (пачатак XX ст.) не нашмат павялічыўся [7, с. 239].

Улічваючы вышэйсказанае, не дзіўна, што ўсялякага роду эпідэміі былі ў тыя часы «частымі гасцямі» ў мястэчках і гарадах Беларусі. Е. Коцік сцвярджае, што эпідэміі сярод маленькіх дзяцей здараліся штогод [2, с. 70]. Таксама ў яўрэйскіх успамінах занатоўваюцца неаднаразовыя выпадкі эпідэміі халеры (Е. Коцік [2, с. 248–250], А. Паперна [3, с. 32], П. Венгерава [7, с. 239]). У мястэчку часта быў толькі адзін лекар ці фельчар. Доктар звычайна прыязджаў з бліжэйшых гарадоў па выкліках («…посылали в Несвиж за знаменитым врачом Кушелевским (…), решались обыкновенно на приглашение слишком поздно (…). Кушелевский поэтому обыкновенно приезжал в Копыль, когда пациент был уже надлежащим образом оплакан, отпет и похоронен» [3, с. 59]). Азначаны медыцынскі персанал па паходжанні быў яўрэйскім, але да іх звярталіся і хрысціяне, атрымоўваючы дапамогу ў той жа меры, як і юдэі. Падобныя выпадкі прыгадваюцца мемуарыстамі неаднаразова (Е. Коцік [2, с. 69], А. Паперна [3, с. 60]), што ўказвае на распаўсюджанасць такіх практык.

Што тычыцца развітасці сферы адукацыі ў гарадах і мястэчках Беларусі, то тут яўрэйскія мемуары таксама даюць нам пэўную інфармацыю. Аднак інфармацыя гэтая тычыцца выключна яўрэйскіх школ. Мемуарысты, як правіла, не

закранаюць хрысціянскіх прыходскіх школ ці закраняюць іх мелькам, кажучы толькі аб іх наяўнасці/адсутнасці, як А. Паперна ў сваіх успамінах: «Просветительные учереждения, в современном смысле этих слов (аўтар мае на ўвазе свецкую адукацыю. – *Я.К.*), блистали своим отсутствием. Никакой казенной или общественной школы светского характера в Копыле не было. Христианское население было поголовно безграмотное» [3, с. 56]. Аднак калі аўтар вучыўся ў гімназіі ці ў павятовай школе, то верагоднасць сустрэць у яго мемуарах звесткі аб гэтых навучальных установах узрастае. Тым не менш, будзем казаць, што мемуарысты пераважна канцэнтравалі ўвагу на яўрэйскай традыцыйнай сістэме адукацыі (хэдэры, Талмуд-Торы, ешыботы).

Што тычыцца месцаў адпачынку, то ў яўрэйскіх мемуарах мы сустракаем звесткі аб іх даволі рэдка. Баўленне вольнага часу яўрэяў звычайна праходзіла на юдэйскія рэлігійныя святы ў сінагозе. Толькі мемуарысты-выхадцы з заможных сем’яў могуць нам распавесці, і тое няшмат, пра падрабязнасці пазарэлігійнага баўлення вольнага часу. Вось што піша ў сваіх успамінах С.М. Гінзбург, прыгадваючы жыццё яго сям’і ў Мінску: «Развлечения были очень редки. Театральное здание в городе хотя и имелось, но спектаклей в нем почти никогда не бывало в ранние годы моего детства», «…удовольствие нам доставлял небольшой кукольный театр («батлейка»), с которым на Рождество семинаристы ходили по городу» [5].

Разгледзім і апісанне знешняга вобліку горада ў яўрэйскай мемуарыстыцы. Знешняя характарыстыка таго ці іншага горада рысы аселасці вельмі часта залежала ад грамадскіх і рэлігійных поглядаў мемуарыста. Прывядзем апісанне Гародні. Мы маем 2 мемуарныя творы, у якіх прыгадваецца «знешнасць» гэтага горада. Першы, напісаны Е. Коцікам, яўрэем-«патрыётам» местачковага жыцця і «прыхільнікам» ідышскай культуры, які і стварае свае мемуары, каб перадаць нашчадкам унікальнасць і цудоўнасць габрэйскага жыцця ў XIX ст. Другі мемуарыст – А.Г. Коўнер – асіміляваны яўрэй, прыхільнік рэфармавання старой ідышскай местач-

ковай культуры, нястомны крытык яе рэлігійнага фанатызму, а таксама іншых перажыткаў і заганаў. Е. Коцік апісвае Гародню наступным чынам: «…меня ждет Гродно, город Просвещения, с книгами и яркими людьми», «Император Александр Второй каждый год приезжал в Гродно на смотр. Гродненская площадь привлекала его своей величиной и красивым расположением на ней войска» [8]. А.Г. Коўнер дае наступнае апісанне Гародні: «Гродно как один из главных центров северо-западного еврейства, поразил меня своей бедностью, скученностью и жалкой своей торговлей» [9, с. 244]. Такім чынам, пры ўліку ўражанняў мемуарыста і апісанняў ім агульнага характара горада/мястэчка неабходна ўлічваць і грамадскія погляды аўтара. Што тычыцца, так бы мовіць, больш канкрэтнага апісання населенага пункта (планіроўка, забудоўля і г.д.), яўрэйскія мемуарныя творы тут могуць быць карыснымі крыніцамі. Напрыклад, успаміны А. Паперны, у якіх аўтар апісвае размяшчэнне і знешні выгляд юдэйскіх духоўных установаў у Капылі [3, с. 34], яўрэйскіх грамадскіх бібліятэк [3, с. 43], лазняў [3, с. 46]. Унікальнымі з'яўляюцца звесткі, якія дае П. Венгерава ў сваім творы аб высяленні старой часткі Брэста ў сувязі з будаўніцтвам Брэсцкай крэпасці [7, с. 119–127].

Такім чынам, яўрэйская мемуарыстыка з'яўляецца карыснай крыніцай пры даследаванні беларускіх гарадоў і мястэчак. У гэтых гістарычных крыніцах мы можам знайсці цікавыя звесткі аб архітэктурным вобліку населеных пунктаў у XIX ст., аб узроўні санітарыі і ступені развітасці медыцынскай дапамогі, аб размяшчэнні ў гарадской прасторы хрысціянскага і юдэйскага насельніцтва горада, а таксама аб іх спецыялізацыі, бытаванні ў яўрэйскім асяродку міфаў і легенд, звязаных з беларускім горадам/мястэчкам. Значна менш звестак ва ўспамінах аўтараў-яўрэяў мы знаходзім аб хрысціянскіх ці свецкіх навучальных установах, аб месцах масавага адпачынку гараджан. Гэта, як зазначалася вышэй, было абумоўлена рэлігіяй: у XIX ст. у яўрэйскім грамадстве пераважала традыцыйная юдэйская адукацыя; вольны ж час яўрэі праводзілі ў сінагогах ці бэйт-мідрашах, не сустра-

каючыся з хрысціянамі ў гарадскіх тэатрах ці парках, як гэта будзе пазней, у XX ст.

На жаль, большасць гісторыкаў апускаюць тэму яўрэйскасці беларускіх гарадоў і мястэчак. А дарма! Бо акцэнтуючы ўвагу не толькі на беларускіх гарадах як асяродках беларускай культуры, але і, напрыклад, як асяродках яўрэйскай культуры (татарскай, польскай…), мы робім нашу гісторыю больш разнастайнай і багатай.

In this article, the author examines the Jewish memoirs as a historical source that can be used in the study of the history of Byelorussian cities. Treated 8 memoirs (the authors of these memoirs in life were associated with Belarus).The author has analyzed these memoirs as a historical source. This allows us to see the Jewish world in Byelorussian cities and Jewish urban culture there in XIX – early XX centuries. On author`s opinion, information about Byelorussian cities, which we can find in the Jewish memoirs, help us to grasp history of our cities in XIX – early XX centuries as more rich and more diverse historical phenomenon.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Иоффе, И. Страницы истории евреев Беларуси: краткий научно-популярный очерк. – Минск, 1997. – С. 292.
2. Котик, Е. Мои воспоминания / Е. Котик. – СПб., 2009. – С. 359.
3. Паперна, А.И. Из Николаевской эпохи / А.И. Паперна // Евреи в России, XIX век. – М., 2000. – С. 29–176.
4. Дубнов, С.М. Книга моей жизни. Воспоминания и размышления. Материалы по истории моего времени / С.М. Дубнов. – СПб., 1998. – С. 647.
5. Гинзбург, С. Из давнего прошлого. Отрывки из книги / С. Гинзбург // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mishpoha.org. – Дата доступа: 15.02.2012.
6. Цетлин, С. Из дневника / С. Цетлин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mishpoha.org. –Дата доступа: 16.09.2012.
7. Венгерова, П. Воспоминания бабушки. Очерки культуры и истории евреев России в XIX веке / П. Венгерова. – М., 2003. – С. 344.
8. Котик, Е. Мои воспоминания. Т. 2 / Е. Котик. – Режим доступа: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Kotik/index.htm. – Дата доступа: 10.09.2012.
9. Ковнер, А.Г. Из записок еврея / А.Г. Ковнер // Евреи в России, XIX век. – М., 2000. – С. 177–246.

Навуковы кіраўнік – **В.А. Цяплова,** *кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 347.9 (438) (091)

М.Н. Сахарчук
(Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина)

РОЛЬ СУДЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ПОЛЬСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ (1919–1939 гг.)

В статье рассматривается создание органов судебной власти в Польше межвоенного периода. Эффективно действующая судебно-правовая система должна была символизировать становление гражданской администрации и укрепление доверия населения к польским властям, что осложнялось сложной военно-политической и социально-экономической ситуацией в регионе, необходимостью унификации судебного законодательства и нехваткой судейских кадров. Обязательная проверка на лояльность новой власти и «польскость» ставила судью в зависимость от исполнительной власти, что, естественно, не могло не сказаться на независимости судопроизводства. В процессе становления нового польского государства происходила этническая чистка судебного корпуса в духе политики полонизации.

Польша обрела независимость осенью 1918 г. Молодое государство столкнулось с необходимостью решения множества задач, среди которых выделялись проблемы определения государственных границ и создания эффективно действующих органов власти в стране. Польские власти рассматривали этнические белорусские, украинские и литовские земли как неотъемлемую часть бывшей Речи Посполитой и стремились присоединить эти территории к Польше. В результате советско-польской войны 1919–1921 гг., окончившейся подписанием 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, территории Западной Беларуси и Западной Украины были включены в состав Польши [1, с. 70–79; 4, с. 290–306].

Важная роль в стабилизации ситуации на только что присоединенных территориях отводилась созданию и функционированию судебно-правовой системы, которая должна была символизировать становление гражданской администрации и укрепление доверия населения к польским властям.

Однако в процессе организации судопроизводства на территориях, присоединенных в результате подписания Рижского мирного договора, польским властям пришлось столкнуться с множеством трудностей: сложной военно-политической и социально-экономической ситуацией в регионе, необходимостью унификации судебного законодательства и, главное, нехваткой судейских кадров.

Началом официальной организации судопроизводства на территории Западной Беларуси следует считать распоряжение Генерального комиссара Восточных земель «Об организации общего судоустройства на территориях, занятых польскими войсками» от 15 мая 1919 г., согласно которому организовывались мировые суды, окружные суды и апелляционный суд в Варшаве (с 26 сентября 1919 г. в Вильно) [15]. Организацию судебной системы в рамках существования Комиссариата Восточных земель (1919–1920 гг.) следует отнести к переходному этапу в становлении польской администрации в регионе [12, с. 67–100].

Военные действия и активное партизанское движение обусловили тот факт, что организация судопроизводства осуществлялась в чрезвычайных условиях [4, с. 354–358; 6]. В регионе действовали как военные суды при польских армиях, деятельность которых часто распространялась и на гражданское население, так и военно-полевые суды, которые хотя и организовывались уже в рамках гражданской администрации, однако относились к чрезвычайному судопроизводству с ускоренной процедурой следствия и суда [13]. Следует также отметить, что административные власти (окружные комиссары, поветовые старосты и др.) в период военных действий были наделены значительными полномочиями и нередко вмешивались в деятельность судей (были случаи вмешательства в судебный процесс и отмены приговоров мировых судей) [5; 6; 9; 16, с. 47–54]. Естественно, что нарушение принципов судейской независимости не могло способствовать организации эффективно действующей судебной системы.

После подписания Рижского мирного договора политика польских властей по организации гражданской администрации в регионе претерпела значительные изменения. Закон от 4 февраля 1921 г. закрепил новое политико-правовое положение на землях, отошедших к Польше, и был направлен на ликвидацию их «особого статуса». На территорию Полесского, Новогрудского и Волынского воеводств распространялись законодательные акты, действовавшие на других территориях Польши. Начался интенсивный процесс унификации и полонизации законодательства, в том числе в области судопроизводства [5; 14].

Согласно распоряжению министра внутренних дел от 5 ноября 1920 г., организовывался Пинский окружной суд (начал деятельность с 11 января 1921 г.). Юрисдикция окружного суда распространялась на территорию Брестского, Кобринского, Лунинецкого, Столинского, Дрогичинского поветов. Первоначальный состав суда включал председателя суда, его заместителя, 6 окружных, 7 следственных и 21 мирового судей [7].

Основной проблемой польских властей при организации судебной системы как на территории непосредственно Польши, так и на территории Западной Беларуси (Полесское, Новогрудское, некоторые поветы Виленского, и Белостокского воеводств) являлась нехватка судебных кадров. На «Восточных Кресах» эта проблема осложнялась и тем обстоятельством, что в Российской империи полякам было запрещено занимать должности судей. Лица польской национальности допускались на работу только в адвокатуру. Именно адвокатура начала поставлять кадры для польских судов, однако их количество было недостаточным для организации полноценно действующей судебной системы [5].

В связи с этим политика польских властей была направлена на пополнение судейского корпуса в регионе. Польские власти стремились привлечь на территорию «Восточных земель» судебных работников непосредственно с территории Польши. Заработная плата судей на «Кресах» была в 3–4 раза

выше, чем в Польше; судьям возмещались все затраты, связанные с переездом, выплачивались различные денежные доплаты: «за военные действия», за дороговизну, «доплата Кресова». Однако, как следует из архивных материалов, тяжелые условия жизни и работы в регионе не способствовали привлечению достаточного количества судебных чиновников для работы, к примеру, в Пинском судебном округе.

Вот как характеризует процесс становления польской судебной системы в регионе отчет о проверке деятельности Пинского окружного суда: «...Кроме председателя суда, никто не считает Пинск местом постоянной работы. Вице-председатель, прокурор, окружные судьи не скрывают того, что хотят перейти на работу в прокуратуру, так как заработная плата в ней значительно выше, чем у судей. Сложное положение обусловлено не только тяжелой материальной ситуацией в Пинском судебном округе, но и действиями Министерства финансов по отношению к «кресовому судопроизводству». До сих пор не выплачены деньги на переселение чиновников. Судьи после эвакуации вернулись в край, через который «прошла большевистская волна». Польские чиновники живут здесь, как в «пустыне»: постоянная дороговизна, нехватка продуктов питания и товаров первой необходимости. Жизнь на два дома, вдали от семьи, негативно действует на чиновников, именно поэтому Министерство финансов должно выплатить все то, что обещало Правительство. В Пинске серьезные проблемы с обеспечением чиновников жильем: в домах нет стекол, дверей, судьи сами делают ремонты в квартирах. Сейчас председатель суда живет в одной комнате, принимает пищу в рабочем кабинете. Вице-председатель живет в здании суда, прокурор и окружные судьи живут в грязном отеле. Местные предприниматели хотят помочь судьям (прим. авт. – наладить их быт), но это недопустимо для беспристрастности судопроизводства. Дороговизна в Пинске в несколько раз больше, чем в Варшаве, цены на продукты питания в шесть раз выше, чем в Познани. По дороговизне Пинск относится к третьему классу городов. Я уже сообщал

о том, что Пинск и Новогрудок необходимо отнести к более высокому классу городов по уровню дороговизны, однако никаких мер для решения этого вопроса принято не было…» [2].

Кроме того, из-за нехватки судебных работников польские власти были вынуждены для организации судебной системы в регионе приглашать на работу судей «местного» происхождения, хорошо знающих российское судебное законодательство, действующее на данных территориях, а также специфику и особенности «местного права». Претенденты на занятие судебных должностей обязаны были подтвердить свою лояльность перед польскими властями. Кандидаты на занятие должностей судебных работников в обязательном порядке должны были предоставить подробную автобиографию, в которой особое внимание уделялось периоду советско-польской войны. Также требовалось указать нескольких лиц (из числа чиновников), которые лично могли подтвердить лояльность человека и поручиться за него перед польскими властями. Естественно, что такая тщательная проверка государственными органами ставила судью в зависимость от исполнительной власти, что, естественно, не могло не сказаться на независимости судопроизводства [3; 10].

Следует также отметить, что для периода становления польской судебной системы в Полесском воеводстве именно профессиональные качества судьи, а не его национальная принадлежность, были определяющими при назначении его на должность. Председатель окружного суда был наделен широкими полномочиями в вопросе комплектации судебного корпуса в подчиненном ему судебном округе. Архивные материалы свидетельствуют о том, что довольно часто в наиболее важные и «сложные», с точки зрения криминогенной обстановки, районы назначались мировые и следственные судьи именно «местного происхождения», имевшие, однако, больший практический опыт и обладавшие большим профессионализмом, чем судьи, прибывшие из Польши [2].

Нехватка чиновников приводила к тому, что судей часто привлекали к деятельности, не связанной с выполнением их прямых обязанностей. Так, например, судьи участвовали в проведении общепольской переписи населения в 1921 г. Как следует из циркуляров Министерства юстиции, проведение переписи являлось одной из важнейших государственных задач, и участие в ней судей было обусловлено «уважением населения к данной категории чиновников» [11]. Особенностью проведения переписи на территории Полесского воеводства был тот факт, что украинское население региона бойкотировало ее проведение. Естественно, что привлечение судебных работников к переписи являлось средством давления на население.

По мере стабилизации ситуации в регионе и становления польской администрации политика властей по отношению к судьям «местного происхождения» претерпевает изменения. Судебных работников в административном порядке обязывали принимать польское гражданство; в случае отказа следовало увольнение. Одновременно ограничивалось использование «местных» языков в суде, а судопроизводство постепенно переводилось на польский язык [14].

С 1923 г. при органах государственной власти, в том числе в судебной системе, были созданы квалификационные комиссии, основной задачей которых являлась проверка профессиональных качеств чиновников и соответствия их занимаемой должности [8]. Результаты проверок квалификационной комиссии нередко использовались в качестве повода для исключения судей из «числа местного населения», политическая благонадежность которых вызывала сомнение у польских властей [5]. Таким образом, по мере стабилизации ситуации и увеличения числа судей-поляков власти стремились увеличить их количество в судебных органах. Следовательно, для польских властей политическая благонадежность человека, а не его профессиональные качества, стала определяющей при назначении на должность судьи.

Процесс становления польской администрации на тер-

риториях, присоединенных в результате Рижского мирного договора, был довольно сложным и длительным. При организации эффективно действующей судебной системы польским властям пришлось столкнуться с множеством трудностей, среди которых выделялись тяжелая материальная ситуация в послевоенный период и проблема нехватки судебных кадров. Решение данной задачи осуществлялось различными способами. В начальный период организации судебной системы, когда нехватка судей ощущалась наиболее остро, польские власти были вынуждены принимать на работу судей «местного происхождения», имеющих большой опыт судебной практики и хорошо знающих российское законодательство. По мере стабилизации ситуации в регионе все большее внимание стало уделяться вопросам политической благонадежности судей. В связи с этим и проводилась политика постепенной замены судей «местного происхождения», в лояльности которых польские власти не могли быть полностью уверенными, на судей-поляков.

The article discusses the creation of the judiciary in Poland in the interwar period. An effective judicial system was supposed to symbolise the emergence of civil administration and strengthening public confidence in the Polish authorities that was complicated by the complex military-political and socio-economic situation in the region, the need to harmonize the legislation and the lack of judicial personnel. Mandatory testing for loyalty to the new Government put the judge in dependence on the Executive Branch, which, of course, could not affect the independence of the judiciary. In the process of becoming a new Polish State was ethnic cleansing of the judiciary in the spirit of polonization policies.

Список источников и литературы

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 613 с.
2. Докладная Председателя окружного суда об организации судебных учреждений и условиях жизни чиновников в Западной Беларуси // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 40. – С. 1–4.
3. Заявления, справки и автобиографии граждан о приеме их на работу

в качестве судей // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 91. – С. 2.

4. Круталевич, В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич. – 2-е изд., доп. – Минск: Право и экономика, 2003. – 585 с.
5. Липитчук, О.В. Система судових органів та судочинство Республіки Польща (1918–1939 рр.) / О.В. Липитчук [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dissland.info/catalog_ukr/sistema_sudebnih_organov_i_sudoproizvodstve_respubliki_polsha_1918_1939_gg.html. – Дата доступа: 05.10.2011.
6. Переписка с Генеральным комиссаром и военными частями польской армии о ликвидации партизанских отрядов и групп на территории Пинского повета // ГАБО. – Ф. 2001. – Оп. 4. – Д. 113. – С. 2–9.
7. Протоколы объединенных заседаний руководителей отделов окружного суда // ГАБО. – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 32. – С. 1, 4.
8. Распоряжения Совета Министров и Циркуляры Министерства юстиции // ГАБО. – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 219. – С. 1–3.
9. Руководящие указания руководящих органов, переписка о распределении Пинского повета на следственные районы // ГАБО. – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 5. – С. 31.
10. Циркуляры Министерства юстиции о продлении срока действия военно-полевых судов, о порядке принятия в госучреждения ранее уволенных с работы // ГАБО. – Ф. 2042. – Оп. 2. – Д. 43. – С. 62.
11. Циркуляры и распоряжения Министерства юстиции и Апелляционного суда // ГАБО. – Ф. 2031. – Оп. 3. – Д. 34. – С. 95.
12. Gierowska-Kallaur, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego – 9 wrzesnia 1920) / J. Gierowska-Kallaur. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton Instytut Historii PAN, 2003. – 459 s.
13. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Poiskiej. – Warszawa: Drukarnia Panstwowa, 1919. – № 55. – Poz. 341.
14. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Poiskiej. – Warszawa: Drukarnia Panstwowa, 1921. – № 16. – Poz. 93.
15. Dziennik Ustaw Zarządu Wschodniego. – Warszawa: Drukarnia Polska, 1922. – № 4. – Poz. 23.
16. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, Oficyna Wydawnicza Rytm, 2007. – 400 s.

Научный руководитель – **Е.С. Розенблат**, *кандидат исторических наук, доцент.*

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

УДК 94(477)

Michał Urban, Michał Marek
(Kraków, Uniwersytet Jagielloński)

O NARRACJI HISTORYCZNEJ LIBERALNEGO INTELEKTUALISTY, JAROSŁAWA HRYCAKA, NA TEMAT UPA

В статье рассматриваются основные подходы украинского историка Я. Грицака в исследовании проблемы деятельности ОУН-УПА и их места в истории Украины XX в. Авторы статьи указывают, что украинский историк стремился объективно изучить данную проблему, избегая чрезмерной мифологизации. Я. Грицак в своих работах подчеркивал позитивную роль ОУН-УПА, но в то же время выдвигал идеи, которые расходились с героизированной версией истории украинских националистических организаций.

Pytanie o to, jak należy traktować kontrowersyjną spuściznę po ruchu OUN-UPA jest żywe w naszym regionie Europy. Ze względu na tragiczne doświadczenie rzezi wołyńskiej – dokonanego przez UPA ludobójstwa na cywilnej ludności Polskiej dawnych kresów II Rzeczypospolitej, Polacy sprzeciwiają się uznaniu organizacji, odpowiedzialnych za eksterminację polskiej ludności cywilnej w latach 40. XX w. Ta jednoznaczność i stawianie problemu w kategoriach „my –oni" sprawia, że wielu Polaków sądzi, że podobne i kategoryczne (ale przeciwne stronie polskiej) stanowisko przyjmuje społeczeństwo ukraińskie.

Ten problem jest jednak o wiele bardziej złożony. Debata na temat historii XX w. jest na Ukrainie zakłócona przez dwa główne czynniki: indoktrynację prowadzoną w latach sowieckich oraz wpływ antykomunistycznej, nacjonalistycznej reakcji, narastający po uzyskaniu niepodległości przez Ukrainę. Problemem Ukraińców jest to, że w społeczeństwie tym nie ma spójnej, akceptowanej przez ogół, wizji historii.

Społeczeństwo ukraińskie ma do wyboru dwie narracje historyczne – postsowiecką (prorosyjską) i narodową, która

w wielu miejscach zahacza o nacjonalizm. Obie te narracje mają pewne punkty wspólne, ale generalnie są wobec siebie konkurencyjne - zwłaszcza w kwestii oceny wydarzeń XX w. i drugiej wojny światowej.

Jeśli chodzi o samą narodową wizję historii – to również i ona nie jest jednolita. Ogólnie jako głównych bohaterów tej wizji uznano osoby związane z OUN i UPA. Są oni czczeni z tego powodu, że toczyli walkę przeciw totalitaryzmowi radzieckiemu. Byli to jednak politycy i działacze ruchu faszystowskiego i antydemokratycznego, bardzo często współwinni zbrodni wojennych.

Pytanie, na jakie muszą sobie odpowiedzieć współczesne narodowe elity Ukrainy, brzmi: jak pogodzić ten bohaterski (dla części Ukraińców) status liderów ukraińskiego nacjonalizmu z krwawą kartą ich działalności? Czy demokratyczne, proeuropejskie aspiracje młodego państwa ukraińskiego mogą współgrać z autorytarnym charakterem ludzi i organizacji, wpisanych do kanonu bohaterów i wzorów dla obywateli Ukrainy?

Jedną z osób, które konsekwentnie i głośno zadają te pytania, jest Jarosław Hrycak. Człowiek ten to jeden z najsłynniejszych ukraińskich historyków, profesor lwowskiego Uniwersytetu im. Iwana Franko, autor podręczników akademickich oraz licznych monografii, a także publicysta i eseista. Jarosław Hrycak reprezentuje opcję liberalną i zalicza się do środowiska działaczy, którzy dążą do pełnej demokratyzacji Ukrainy i jej modernizacji według wzorców europejskich.

Hrycak jest bardzo „zachodnim" naukowcem. Przede wszystkim jednak, jest on ukraińskim patriotą, popiera on „ukraiński projekt" i w pewnej mierze akceptuje pozytywne znaczenie ruchu banderowskiego – głównie jako symbol walki o niepodległość. Jego narracja historyczna jest jednak daleka od tej promowanej przez nacjonalistów. Lwowski historyk zadaje pytania, niewygodne dla zagorzałych banderowców i dochodzi do trudnych wniosków.

Najważniejszym tekstem Hrycaka, dotyczącym jego poglądów na temat roli pamięci o ruchu OUN-UPA w ukraińskim

społeczeństwie, są „Tezy do dyskusji o UPA". Owe tezy Hrycak sformułował na przełomie 2003-2004 r. i są wynikiem dyskusji z Jurijem Szuchewyczem, synem głównego komendanta UPA. Znamienne, że w przedmowie do tekstu Hrycak nie rozpisuje się na temat szczegółów tej dyskusji, odsyłając do publikacji w ukraińskich gazetach, a sam Szuchewycz zostaje określony honorowym mianem „byłego więźnia politycznego"[1]. Hrycak daje jednak do zrozumienia czytelnikowi, że dyskusja była burzliwa i ostra, a jego stanowisko różni się od opinii Szuchewycza juniora.

Tezy Hrycaka zostały przesłane kilkunastu ukraińskim i europejskim intelektualistom, a także ukazały się trzykrotnie w masowym wydaniu: w 2004 roku we wpływowym czasopiśmie „Krytyka", a także w dwóch edycjach (2004 i 2011) zbioru esejów samego Hrycaka, zatytułowanego *Strasti za nacjonalizmom*. Historyk w tym tekście rozpatruje znaczenie UPA w kontekście ogólnoeuropejskiej historii. Widoczne jest poparcie autora dla UPA jako armii, broniącej ukraińską ludność cywilną. Hrycak jest jednak daleki od mitologizowania ukraińskich partyzantów.

Po pierwsze, dokonuje on dekonstrukcji kanonicznych mitów i wykazuje, że nacjonalistyczna, heroiczna wersja historii UPA w wielu miejscach mija się z prawdą. Po drugie, zwraca on uwagę na zbrodnie upowców. Sporo uwagi poświęca sprawie rzezi wołyńskiej.

Hrycak dokonuje refleksji nad znaczeniem UPA w świadomości współczesnego społeczeństwa ukraińskiego. Rozważa też kwestię tego, jak Ukraińcy, którzy uznają UPA za organizację bohaterską, powinni ustosunkować się do mrocznej karty jej historii. Prześledźmy zatem po kolei tezy Hrycaka. Uwadze Czytelnika polecamy przypisy oraz bibliografię do pracy, zawierające odniesienia do prac ukraińskich nacjonalistycznych historyków, publicystów i pisarzy, które przedstawiają heroiczny wizerunek OUN i UPA, któremu przeciwstawia się Hrycak. W ten sposób Czytelnik będzie mógł od razu z poglądami Hrycaka poznać zarys tendencji, typowych dla gloryfikatorów ukraińskiego

[1] Я. Грицак, Тези до дискусії про УПА, [w:] tegoż, *Страсті за націоналізмом,* Критика, Київ 2011, s. 65.

nacjonalizmu.

Jako wstęp do właściwych tez, Hrycak zamieszcza swoje twierdzenia, dotyczące sytuacji w niepodległej od 1991 r. Ukrainie. Uważa on, że temat nacjonalizmu jest wykorzystywany przez politycznych technologów, którzy za jego pomocą tworzą obraz dwóch Ukrain. Władza (tekst był pisany w 2003 r. – chodzi o ówczesnego prezydenta Kuczmę) celowo wykorzystuje „kartę nacjonalizmu" przeciw opozycji, by móc zaprezentować się jako „siła spokoju", jako arbiter, który jest w stanie spoić podzielony kraj. Hrycak określa ten „podwójny" obraz Ukrainy jako fałszywy.

Jego zdaniem, nie można już mówić o podziale na „nacjonalistyczny Zachód" i jego wschodnio-ukraińskie przeciwieństwo. Ukraińcy odnaleźli się jako obywatele niezależnego państwa, popierają jego suwerenność oraz symbolikę. Dla Ukraińców, zdaniem Hrycaka, ważniejsze niż spory wokół nacjonalizmu jako doktryny politycznej stały się czynniki ekonomiczne oraz niechęć wobec skorumpowanej władzy[2].

Jednak kłótnie wciąż rozpala kwestia historii oraz historycznej pamięci. Jako najbardziej kontrowersyjne zagadnienie autor podaje temat drugiej wojny światowej oraz stosunek Ukraińców do UPA. Tu Hrycak podaje wyniki pewnego sondażu, według którego Stepan Bandera znalazł się na trzecim miejscu listy „najmniej popularnych osób na Ukrainie", ustępując miejsca jedynie Stalinowi i Gorbaczowowi.

Kolejne spostrzeżenie lwowskiego historyka jest równie ciekawe. Hrycak powołuje się na dziewiętnastowiecznego francuskiego badacza, Ernesta Renana, który uważał, że „zapomnienie, a także nieprawidłowe rozumienie historii jest podstawą bytu narodu. Dlatego rozwój nauki historycznej często stanowi zagrożenie dla zasady narodowości"[3]. Innymi słowy, mit oraz manipulacja historią, pomagają ideologom tworzyć

[2] Hrycak jest w tym względzie podobny do innych publicystów „Krytyki", na przykład Mykoły Riabczuka, którzy propagują pogląd mówiący, że współcześni zwolennicy ukraińskiego nacjonalizmu odrzucili jego antydemokratyczny aspekt, zerwali z bojowymi hasełkami, a pamięć o OUN-UPA jest dla nich wyrazem przywiązania do pozytywnych narodowych wartości.

[3] Я. Грицак, op. cit., s. 66.

tożsamość narodu. Hrycak zaznacza, że upadek komunizmu stał się okazją dla przedstawicieli wielu narodów, by zaczęli „wytwarzać wygodną historię".

W tym miejscu przechodzi on konkretnie do tematu UPA. Ukraiński badacz nazywa tę kwestię „miną, podłożoną pod nasze społeczeństwo" (choć nie precyzuje, kto ją „podłożył"). Hrycak wymienia poszczególne linie konfliktu wokół UPA - między radziecką a narodową („w wielu wypadkach – nacjonalistyczną", precyzuje Hrycak) wizją historii, a także konflikty w łonie samego ruchu nacjonalistycznego, pomiędzy zwolennikami trzech kierunków: banderowcami, melnykowcami i „dwójkarzami".

Historyk zauważa również, że dyskusja wokół UPA zaostrza się ze względu na wewnętrzny ukraiński kontekst polityczny, a także ze względu na konieczność podtrzymywania dobrosąsiedzkich relacji z krajami, „w których pamięć historyczna o UPA, delikatnie mówiąc, nie jest najlepsza".

Hrycak twierdzi przy tym, że na Ukrainie w istocie nie istnieje rzetelna debata na temat UPA, a tym bardziej brakuje dobrych i obiektywnych prac historyków. Lwowski profesor przywołuje tutaj cytat z przedwcześnie zmarłego historyka, Jurija Kyryczuka, który przypominał czytelnikom swojej ostatniej książki, że „gorzka prawda jest zawsze lepsza od słodkiego kłamstwa"[4]. Użycie tego cytatu pokazuje to, jak Hrycak odnosi się do społecznej debaty na Ukrainie na temat UPA. Sugeruje, że ocenia on ją jako zbiór mitów – pożytecznych i wygodnych dla młodego państwa, ale nieprawdziwych. Zadaniem, jakie Hrycak postawił sobie w swoich „Tezach", jest właśnie dekonstrukcja głównych mitów na temat UPA.

Jakie metodologiczne wskazówki dla badaczy UPA daje słynny historyk? Po pierwsze, uważa Hrycak, temat UPA należy analizować w kontekście ogólnoeuropejskim, a nie wyłącznie ukraińskim – jak to robi większość historyków. Po drugie, kanoniczną historiografię, dotyczącą II wojny światowej, można scharakteryzować zgodnie ze znanym powiedzeniem „zwycięzcy piszą historię". Hrycak ma tutaj na myśli, że historia II wojny

[4] Tamże, s. 67.

światowej opisywana jest jako ciąg wydarzeń, zmierzających do ostatecznego celu – zwycięstwa nad faszyzmem. Lwowski badacz przypomina tu, że przecież uczestnicy wojny nie wiedzieli, jak zakończy się ten konflikt. Aktorzy wojennego dramatu kierowali się pewnymi iluzjami, mieli problemy z oceną sytuacji oraz zamiarów przeciwnika – i II wojnę światową należy opisywać, pamiętając o tym czynniku.

Nareszcie, Hrycak powołuje się na własne badania, rozmowy ze świadkami wojennych wydarzeń. Zauważa on przy tym, że wspomnienia realnych ludzi różnią się od oficjalnej, heroicznej – czy to radzieckiej, czy to nacjonalistycznej – wykładni historii. W tym miejscu Hrycak daje swoją ocenę sensu istnienia UPA, efekt przeprowadzonej przez siebie analizy wspomnień mieszkańców Ukrainy Zachodniej. Hrycak wyraża zdanie, że pojawienie się UPA było efektem racjonalnego dążenia do przeżycia wojny „w jakichkolwiek okolicznościach”[5]. Dla Hrycaka UPA jest więc zjawiskiem pozytywnym – organizacją, która chroniła cywilną ludność Ukrainy Zachodniej.

Tezy, które następnie podaje Hrycak, są jednak bardziej krytyczne wobec UPA. Autor na początku wspomina o tym, że Ukraińcy jako naród zaznali w wyniku II wojny światowej olbrzymich strat demograficznych. Tutaj Hrycak przywodzi opinię, częstą w nacjonalistach pracach: większość z tych ofiar to ludzie, jacy wybrali walkę i śmierć w imię wolnej ojczyzny – Ukrainy. Hrycak nie zgadza się z tą tezą. Jego zdaniem, głównym celem większości Ukraińców było po prostu przeżycie.

Co więcej, jeszcze przed wybuchem wojny, świadomość polityczna oraz pragnienie posiadania własnego państwa były bardzo słabe wśród ukraińskich chłopów. Wieś podejrzliwie odnosiła się do miasta, skąd wywodziło się większość działaczy ukraińskiego nacjonalizmu[6]. Przemiana „chłopów w naród” czyli uznanie własnego państwa jako gwaranta przeżycia i

[5] Tamże, s. 69.

[6] W tym miejscu należy zaznaczyć, że liderzy ukraińskiego nacjonalizmu w przytłaczającej większości sami pochodzili z wiejskich rodzin, a swoje rodzime środowisko opuszczali i wyjeżdżali do miasta w wieku gimnazjalnym lub studenckim.

zabezpieczenia elementarnych potrzeb, była efektem właśnie wydarzeń wojennych oraz terroru, stosowanego przez obce, zaborcze mocarstwa. Jak stwierdza Hrycak – „wśród głównych instrumentów budowania nowoczesnego państwa była przemoc”.

Dalej, Hrycak wskazuje na czasowo-przestrzenne okoliczności, w jakich odbywał się przyspieszony wojną proces konsolidacji Ukraińców jako nowoczesnego narodu. W latach 1914-1945 na obszarze między Bałtykiem a Morzem Czarnym, który był „w centrum wielkiej geopolitycznej, euroazjatyckiej gry”, zaszedł proces samostanowienia wielu narodów. Na tym terenie odbywały się główne działania obu wojen światowych, które w istocie były dwiema odsłonami konfliktu wielkich mocarstw: Niemiec i Rosji.

Oprócz tego, doszło tu do wielu wojen między mniejszymi narodami, czystek etnicznych, konfliktów w obrębie poszczególnych ruchów narodowowyzwoleńczych oraz do masowych konfliktów, w których udział wzięli cywile.

Przypadek ukraiński odróżnia się od sytuacji sąsiednich narodów. Polaków ominęły bowiem wojna domowa oraz wojny chłopskie. Ziemie etnicznej Rosji zaś w czasie II wojny właściwie nie przebywały pod okupacją hitlerowską, stąd mniejszy rozmiar zarówno zjawiska kolaboracji, jak i ruchu partyzanckiego (oba te zjawiska były typowe dla Ukrainy). Na Białorusi zaś słabiej rozwinął się ruch narodowy, silniejsza za to była partyzantka komunistyczna.

Ukraińcy, zdaniem Hrycaka, aby przeżyć, nie mogli opowiadać się tylko po jednej ze stron w konflikcie. Aby przeżyć wojnę, Ukraińcy musieli wyczekiwać i przystosowywać się do zmieniających się okoliczności. Stąd też brały się różne strategie przetrwania – od kolaboracji z okupantem do aktywnego zbrojnego oporu.

Oto jak Hrycak objaśnia skłonność wielu Ukraińców do kolaboracji z Niemcami. Decydującą rolę pełniły wspomnienia I wojny światowej, kiedy to Cesarstwo Niemieckie poparło świeżo utworzone państwo ukraińskie. Tereny kontrolowane przez Niemców były w latach 1917-18 oazą spokoju w porównaniu z

ogarniętą wojną domową Rosją. W 1941 r. wielu Ukraińców żywiło nadzieję, że sytuacja z 1918 r. powtórzy się. Ukraińcy byli wyczerpani stalinowskim terrorem i nie dowierzali w doniesienia na temat zbrodniczego charakteru reżimu hitlerowskiego. Nie wiedzieli oni, że III Rzesza traktowała ukraińskie dążenia niepodległościowe jako kłopot, a sam Hitler odnosił się z pogardą do Ukraińców[7].

Jeśli chodzi o dalsze analogie z I wojną światową, to Hrycak zwraca uwagę na symboliczne odniesienia działaczy nacjonalistycznych z Ukrainy Zachodniej do narodowo-wyzwoleńczej walki Ukraińców ze wschodu kraju w latach 1918-1923. Nazwa Ukraińska Powstańcza Armia była używana przez antybolszewickie oddziały partyzanckie w latach 20. Pseudonim Romana Szuchewycza – Taras Czuprynka – odnosił się do nazwiska wschodnio-ukraińskiego poety, zamordowanego przez bolszewików. Te odniesienia miały wskazywać na to, że zachodnio-ukraińscy nacjonaliści prowadzą swoją walkę w imieniu całego kraju i narodu. Nie zapominajmy bowiem, że matecznikiem nacjonalistów była jedynie Ukraina Zachodnia, a w okresie ok. 1918 r. oba ówczesne państwa ukraińskie nie zdołały nawiązać pełnej współpracy w walce o niepodległość. Z okresu pierwszej wojny światowej wziął się również strach przywódców OUN-UPA przed rozpadem ruchu na odrębne, skonfliktowane ze sobą grupy.

Liderzy nacjonalistów byli przekonani także, że II wojna światowa potoczy się według scenariusza pierwszej: po wspólnej klęsce Hitlera i Stalina to zachodni alianci będą ustalać geopolityczny ład w Europie. Nacjonaliści przewidywali, że na Zachodniej Ukrainie znów dojdzie do wojny ukraińsko-polskiej.

[7] Autorzy nacjonalistyczni wolą przemilczać, „wygładzać” lub usprawiedliwiać kolaborację członków OUN z hitlerowskim okupantem. Fakt kolaboracji bywa zatem bagatelizowany. Inną metodą obrony OUN jest racjonalizowanie tej kolaboracji i podawanie argumentów w stylu „Ukraińcy musieli zajmować stanowiska w kolaboracyjnym aparacie urzędniczym, bo zajęliby je wrogowie Ukrainy” albo „dobrze, że Ukraińcy służyli w niemieckiej policji, bo gdzieś musieli się przeszkolić przed podjęciem walki wyzwoleńczej”. Por. Г. Гордасевич, Степан Бандера: Л.дина і міф, АпріоріЛьвів 2008, s. 98.

„I dlatego, uważali oni, trzeba działać z wyprzedzeniem i maksymalnie osłabić polski element, zanim dojdzie do decydującego starcia”[8] – jak opisuje Hrycak źródła rzezi wołyńskiej.

Dlaczego UPA stworzyła tak silny ruch właśnie na Wołyniu i Polesiu? Hrycak wskazuje tutaj na leśno-bagienny krajobraz tych ziem, który umożliwiał prowadzenie walk partyzanckich w warunkach, gdy główni uczestnicy konfliktu – Niemcy i Sowieci – prowadzili wojnę z użyciem nowoczesnej techniki bojowej. Warunki geograficzne wpłynęły na złożony i brutalny charakter konfliktu – na tych ziemiach trzy konkurujące ze sobą siły (Ukraińcy, Polacy i Sowieci) utworzyły własne ugrupowania partyzanckie.

Stosunkowo szerokie poparcie ludności wiejskiej dla UPA Hrycak tłumaczy także tym, że społeczeństwo Ukrainy Zachodniej, jakie 20 lat przebywało pod polską władzą, uniknęło sowieckich represji, wielkiego głodu oraz kolektywizacji. Na Wschodniej Ukrainie stalinizm zniszczył ukraińskiego chłopa-gospodarza, który był głównym nośnikiem „ludowej rewolucji”. Różnice między społeczeństwem Zachodniej i Wschodniej Ukrainy sprawiły, że nacjonalistyczny ruch nie osiągnął ogólno-ukraińskiego charakteru.

Dalej, Hrycak porównuje ze sobą młodych niemieckich nazistów, sowieckich komunistów oraz ukraińskich nacjonalistów. Między nimi istniały zasadnicze różnice, ale wszyscy oni byli produktem swojej epoki[9]. Było to pokolenie, jakie dorosło w warunkach „permanentnej politycznej przemocy oraz ekonomicznego kryzysu”. Cechy tego pokolenia to: „odrzucenie moralności[10], zanegowanie demokracji, ksenofobia wobec wrogich klas i narodów, woluntaryzm, skłonność do radykalizmu”. Hrycak

---

[8] Я. Грицак, op. cit., s. 74.

[9] Jest to pogląd, zdecydowanie odbiegający od wizerunku członków OUN i UPA, kreowanego przez nacjonalistycznych historyków, pisarzy i publicystów. Jawnie pro banderowscy autorzy wykazują tendencję, by przeciwstawiać „szlachetnych” upowców hitlerowcom i komunistom

[10] W tym miejscu przypomnijmy, że nacjonalistyczni historycy, eseiści i prozaicy wielokrotnie hiperbolizują „moralną czystość” członków OUN-UPA, przeciwstawiając ich „zdemoralizowanym” Polakom i innym wrogom.

co prawda wspomina, że taki ekstremizm był obecny także np. w polskim nacjonalizmie. Skupia się jednak na banderowskich „młodych wilkach", którzy przeciwstawili się nawet generacji swoich nauczycieli – melnykowcom.

Kolejnym czynnikiem, który odcisnął swoje piętno na charakterze UPA, była istota II wojny światowej – która była wojną na totalne wyniszczenie. Autor zaznacza tu jednak, że hitlerowska okupacja Galicji Wschodniej była stosunkowo łagodna w porównaniu z sowiecką okupacją tegoż terytorium czy też w porównaniu z hitlerowskimi rządami w Polsce. Stąd „jest zrozumiałym, że jeśli Galicjanie mieli wybór, to woleli Hitlera, a nie Stalina". Inna sytuacja panowała na terenach Komisariatu Rzeszy „Ukraina", gdzie brutalny i masowy terror sprawił, że tamtejsi mieszkańcy „byli gotowi na powrót Stalina".

Jedną ze strategii przetrwania jest kolaboracja. Historyk podkreśla, że rozmiar i warunki współpracy ustalał okupant, nie kolaboranci. Na Ukrainie, generalnie, Niemcy stosowali politykę terroru. Jedynie w Galicji Wschodniej Ukraińcy byli w sytuacji uprzywilejowanej w porównaniu z miejscowymi Polakami. Hrycak przekonuje ponadto, że niekiedy granica między kolaboracją a oporem bywa cienka i rozmyta – i zależy od głównego celu, jakim jest dążenie do przeżycia wojny.

Wybór: kolaboracja czy opór? dotyczył przede wszystkim najaktywniejszej, wykształconej warstwy Ukraińców, która jako elita narodu musiała jakoś określić swoją pozycję wobec okupanta. Większość społeczeństwa przyjmowała jednak pozycję wyczekującą, uzależniając swoje zachowanie od sytuacji na froncie i na jego zapleczu – uważa historyk. W tym miejscu tekst Hrycaka dotyka kwestii poparcia cywili dla UPA. Uważa on, że na początku wojny poparcie ludności dla idei walki o niezależne ukraińskie państwo było znikome; a nawet później, zwłaszcza we wschodnich i południowych regionach Ukrainy, to hasło pozostawało dla tamtejszej ludności może i atrakcyjnym, ale mało realnym.

Idea aktywnego zbrojnego sprzeciwu zdobyła poparcie mas dopiero wtedy, gdy inne możliwości zostały wyczerpane – uważa

Hrycak. Chodzi tutaj o okres po aresztowaniu przywódców OUN i po zaprowadzeniu szerokich i krwawych represji, kiedy to Ukraińcy przekonali się, że III Rzesza jest po prostu okupantem i wyzyskiwaczem, a nie możliwym sojusznikiem.

Ważne jest to, że Hrycak określa „kanoniczną” datę stworzenia UPA – 14 października 1942 r. – jako fałszywą[11]. Z tego okresu nie ma żadnych dokumentów OUN, świadczących o planowym tworzeniu zbrojnej siły Organizacji. Powyższa data jest utworzonym już po wojnie mitem. Dzień 14 października był tradycyjnym świętem kozackiego wojska. Data 1942 r. ma zaś sugerować, że „nacjonalistyczne podziemie od razu znajdowało się w awangardzie walki z faszyzmem, jeszcze na długo przed tym, gdy stało się jasne, że Niemcy wojnę przegrają”[12] – jak wyjaśnia fałszerstwo banderowców Hrycak.

Historyk wskazuje na wiosnę 1943 r. jako na czas powstania pierwszych zorganizowanych powstańczych oddziałów. Podkreśla przy tym, że były to inicjatywy oddolne, powstałe bez wiedzy kierownictwa OUN-b, jakie nawoływało Ukraińców do wyczekiwania i tworzenia naprawdę wielkiej armii dopiero wtedy, gdy pozwolą na to okoliczności. Jako główny powód powstania ukraińskiej partyzantki Hrycak podaje konieczność obrony ukraińskich cywili przed napadami sowieckich partyzantów i hitlerowskimi pacyfikacjami.

Przemoc Niemców i Sowietów przeciw ukraińskim cywilom „szybko jednak zmieniła się w przemoc samej UPA przeciw wołyńskim Polakom” – twardo przypomina Hrycak. Historyk wypowiada się o różnych ocenach rzezi i przytacza prezentowaną przez wielu Ukraińców tezę, która wpisuje rzeź wołyńską w kontekst wieloletniego konfliktu między oboma narodami, przypisując większą część winy Polsce. Hrycak nie popiera tej tezy. Wzywa też badaczy ukraińskich, aby pisząc historię utworzenia

---

[11] Data ta w powszechnej opinii jest wciąż uznawana za historyczną. Obchody 14 października jako rocznicy utworzenia UPA mają na Ukrainie Zachodniej status oficjalnych uroczystości. Sympatycy ukraińskiego nacjonalizmu wciąż podejmują starania o uznanie tejże daty jako święta na szczeblu ogólnopań-stwowym

[12] Я. Грицак, op. cit., s. 80

UPA, koncentrowali się na sprawie rzezi. Oba te wydarzenia zbiegły się w czasie, i to nie przypadkowo – twierdzi autor.

Co stało się głównym czynnikiem, przez który wieloletnie napięcie zmieniło się w wybuch masowej przemocy? Hrycak wskazuje tutaj na rozkaz kierownictwa OUN-b o rozpoczęciu antypolskiej akcji. Historyk nie wątpi w to, że taki rozkaz – zapewne, ustny – został formalnie wydany (choć brakuje na to materialnych dowodów; Hrycak podaje kilka poszlak, np. powojenną wypowiedź Lwa Rebeta).

Wskazuje on przy tym na błędy Polaków oraz na ich odpowiedzialność za ofiary wśród ukraińskich cywili. Nie można jednak porównywać tych kwestii z bezpośrednią przyczyną rzezi – decyzją banderowców[13]. Hrycak wskazuje jako winnych na najbardziej radykalnych działaczy nacjonalistycznych, którzy tą brutalną akcją chcieli potwierdzić swoje stanowisko w nowo powstałej partyzantce. „Antypolska akcja była ważnym warunkiem utworzenia UPA, jej chrztem we krwi" – pisze Hrycak. Nazywa on rzeź wołyńską zbrodnią wojenną, a także bezrozumnym działaniem. Wyniszczenie Polaków nie miało bowiem wpływu na ustalenie powojennych granic.

Do ofiar UPA Hrycak zalicza także Ukraińców – nacjonalistów z konkurencyjnych wobec banderowców ugrupowań. Byli oni siłą wcielani do UPA, a ci, którzy nie zgadzali się na „zjednoczenie" – byli mordowani. Ten wewnętrzny konflikt w łonie ruchu

[13] Probanderowscy autorzy w swoich publikacjach albo pomijają kwestię rzezi wołyńskiej, skupiając się na bardziej heroicznych działaniach UPA, albo (jak Wołodymyr Wiatrowycz) lansują tezę o konflikcie polsko-ukraińskim sugerując, że na Wołyniu starły się dwie równe sobie siły o podobnym potencjale bojowym, a ilość ofiar wśród ludności cywilnej była porównywalna. Najdalej posunęli się autorzy w stylu członka OUN Petra Dużego, który oskarżył „polskie bandy" o ludobójstwo na ukraińskich cywilach; UPA jego zdaniem jedynie się broniła przed przeważającymi siłami „okupantów". Duży swoje tezy lansował bez elementarnego choćby szacunku dla faktografii i chronologii wydarzeń. Por. В. В'ятрович: Друга польсько-українська війна 1942-1947, Видавничий Дім «Києво-Могилянська Академія», Київ 2011; П. Дужий, Р. Шухевич: Політик, воїн, громадянин, Галицька Видавнича Спілка, Львів 1998, s. 92-133..

nacjonalistycznego jest „jedną z najmniej atrakcyjnych stronic historii UPA". Rozłam ruchu, powołującego się na wspólny cel (walkę o niepodległość Ukrainy) w dużej mierze był spowodowany osobistymi ambicjami liderów, którzy chcieli przejąć nad nim pełną kontrolę – uważa historyk. Ta uwaga również przeczy bohaterskiej wersji ruchu nacjonalistycznego, według której poszczególne odłamy OUN walczyły ramię w ramię o wspólną sprawę, a wszelkie krwawe porachunki między członkami Organizacji przypisuje się sowieckim agentom.

Badacz poddaje w wątpliwość również rzekomą demokratyzację kierownictwa ruchu nacjonalistycznego. Hrycak uważa, że utworzenie Ukraińskiej Głównej Wyzwoleńczej Rady (UHWR) w 1943 r. z przedstawicieli różnych nurtów politycznych miało podkreślić wszechukraiński charakter walki UPA oraz zrobić dobre wrażenie na aliantach. W istocie jednak była to organizacja kierowana przez banderowców. Hrycak twierdzi, że zasada wodzostwa oraz monopartyjny system pozostały kluczowymi dla działalności ruchu banderowskiego. UHWR – prezentowana jako demokratyczna, pluralistyczna platforma walki o nietotalitarną Ukrainę – była w rzeczywistości federacją (radykalnych) nacjonalistów z demokratycznymi „przystawkami".

Historyk kwestionuje za to pogląd, jakoby UPA była organizacją ściśle banderowską. Hrycak powtarza swoją tezę, że była to „próba szerokich kół ukraińskiego społeczeństwa, [by] obronić się przed nazistowskim i bolszewickim terrorem"[14]. Hrycak przytacza tu różne kategorie osób, które w żaden sposób nie były związane z OUN-b, także przedstawicieli innych narodowości, a nawet Żydów. Ich obecność w szeregach UPA tłumaczy tym, że ludzie ci woleli próbować przeżyć z bronią w ręku niż oddać się dobrowolnie na pastwę terroru.

OUN-b miała decydującą rolę w przetworzeniu UPA w

[14] Akurat w tej kwestii stanowisko Hrycaka jest podobne do opinii autorów nacjonalistycznych. Zależy im na przedstawianiu UPA jako siły zbrojnej, jednoczącej wszystkich Ukraińców oraz członków innych narodów, gotowych na walkę z terrorem III Rzeszy i ZSRR. Przy tym, sympatycy OUN starają się starają się na wszelkie sposoby zaznaczać wpływ Prowodu OUN-b oraz samego Bandery na UPA.

„efektywną wojskową siłę". Nie oznacza to jednak, że banderowscy historycy mają prawo „monopolizować historię UPA". Możemy ocenić taki pogląd jako idealizujący UPA jako realną siłę obronno-wyzwoleńczą, widzimy za to – choć nie wyrażoną wprost – rezerwę Hrycaka wobec banderowskiego nacjonalizmu jako doktryny politycznej. Historyk przywodzi dalsze argumenty na to, że UPA nie była pod względem politycznym ugrupowaniem jednolitym i dowodzi, że targały nią wewnętrzne konflikty.

To, w czym Hrycakowi należy bezsprzecznie przyznać rację to uwaga: nie można łączyć osoby Stepana Bandery z UPA. Ukraińska partyzantka jest powszechnie nazywana banderowską, ale jest to pewnym skrótem myślowym, pochodzącym od faktu, że była ona opanowana przez banderowską frakcję OUN. Sam Bandera, uwięziony w Sachsenhausen a potem żyjący w Niemczech, był odizolowany od tego, co działo się na Ukrainie. Wypowiadał się on krytycznie na temat UPA (oczywiście, nie ze względów humanitarnych, ale przez swoje rozumienie jak powinna wyglądać „ukraińska rewolucja"). Po 1945 ci dowódcy UPA, jacy znaleźli się w Niemczech, weszli w konflikt z Banderą – przypomina Hrycak.

Wiele uwagi poświęca się walce UPA przeciw Armii Czerwonej i NKWD po 1944 r. Hrycak pisze, że właśnie ta część historii UPA jest podstawą mitu tej organizacji w świadomości zachodnich Ukraińców. Historyk podkreśla, że partyzanci nie mogliby kontynuować swojej walki bez poparcia ludności – i na odwrót, UPA pokonano dopiero wtedy, gdy NKWD wskutek terroru i represji zneutralizowała Zachodnią Ukrainę.

Hrycak dostrzega jednak drugą, antybohaterską stronę medalu. Sama UPA stosowała terror wobec własnych rodaków, „którzy wahali się albo byli gotowi do współpracy z sowieckim reżimem". Do tego, zdarzały się przypadki jawnego bandytyzmu – przypomina badacz. „Pozostaje faktem, że wiele ofiar upowskiego terroru było nieusprawiedliwionymi, a ta strona działalności UPA jedynie powiększała i tak ciężkie cierpienia ukraińskiej ludności w ostatnie wojenne i pierwsze powojenne lata"[15] – tak pisze o

[15] Chyba właśnie to twierdzenie Hrycaka stoi w największej sprzeczności wobec

tym Hrycak. Dodaje też, że w każdej zachodnio-ukraińskiej wsi można usłyszeć opowieści zarówno o wsparciu ludzi dla UPA, jak i terrorze nacjonalistów wobec cywili.

Tutaj Hrycak dyskutuje z tezami historiografii sowieckiej oraz „w dużej mierze" polskiej: że głównym przejawem działalności UPA był terror wobec własnej ludności cywilnej. Hrycak zaprzecza temu, pisząc, że sensem walki był opór wobec Sowietów. Tutaj jednak zwraca się on do zwolenników UPA: jeśli chcecie rehabilitować tę organizację w oczach ludzi, którzy uwierzyli jedynie w jej bandycki charakter – musicie mówić otwarcie także o zbrodniach.

Dalej autor „Tez..." podaje pozytywną charakterystykę powstańców z UPA, przypisując im ofiarność, poczucie ludzkiej godności, świadomość swoich praw, gotowość do ich obrony; krótko mówiąc przeciwstawia on upowców (przedstawionych jako świadomych obywateli nowoczesnego narodu) Ukraińcom z sowieckiej Ukrainy – „przerobionym" przez komunistyczną indoktrynację. Hrycak powołuje się przy tym na pozytywne opinie A. Sołżenicyna (znanego przecież z „wielkoruskich" poglądów) oraz amerykańskiego historyka J. Armstronga.

Pod koniec rozważań Hrycak zadaje pytanie – czy walka UPA, która została okupiona olbrzymimi, krwawymi stratami i która nie doprowadziła do wyznaczonego celu – niepodległości - miała sens? Hrycak zwraca tutaj uwagę na to, że walki partyzanckie, represje oraz sytuacja polityczna pochłonęły lub zablokowały możliwość rozwoju najbardziej aktywnej i najbardziej uświadomionej młodzieży – potencjalnej elicie społeczeństwa. Dodaje on także, że niepodległość przypadła Ukrainie (tak jak innym krajom ZSRR) nie w wyniku walki nacjonalistów, ale wskutek negocjacji i rozgrywek tzw. narodowych komunistów. Nawet ukraiński ruch demokratyczno-dysydencki, który rozwijał się od lat 60., miał nikłe związki z weteranami UPA. Hrycak zatem twierdzi, że nie da się odpowiedzieć na takie pytania. Przekonuje za to, że sami członkowie UPA zadawali sobie pytanie o sens dalszej walki –

apologetów OUN-UPA, którzy w nieraz kuriozalny sposób odrzucają oskarżenia o przemoc UPA wobec własnych rodaków.

zwłaszcza, gdy nie było już szans na wygraną, a kontynuacja walk oznaczała zagładę dla partyzantów i cywili.

Ostatnia teza jest najciekawsza i – z polskiego punktu widzenia – najważniejsza w całym tym długim spisie. Dotyczy ona odpowiedzialności ukraińskich intelektualistów i „sprowadza się do kwestii – warto czy nie warto przepraszać Polaków za Wołyń”. Hrycak podkreśla, że jest to sprawa „delikatna”, która ma związek z cierpieniami dziesiątek tysięcy ofiar, w tym „naszych [ukraińskich –M.U.] krewnych i bliskich”. Dlatego też historyk podkreśla, że głosi tą tezę jedynie w swoim imieniu – choć ma nadzieję, że wielu Ukraińców się z nim zgodzi. Hrycak uznaje potrzebę przeprosin wobec Polaków – i to nie dla przypodobania się Polakom ani też nie w imieniu polsko-ukraińskiego partnerstwa. Historyk zwraca uwagę na odpowiedzialność czysto moralną – której strażnikiem w imieniu całego społeczeństwa powinien być intelektualista[16].

Uznanie narodowej winy pozwala zbliżyć się do Boga – uważa Hrycak. Jeśli Ukraińcy uznają bohaterską stronę działalności UPA, należy uznać także zły czy też zbrodniczy charakter części jej historii. Historyk dodaje przy tym, że takie moralne oczyszczenie ma odbyć się w korzystnych warunkach – w państwie, które nareszcie przestrzega wolności sumienia i nie karze za szczerość myśli; Ukraińcy nie powinni zatem bać się rachunku sumienia[17].

„Jeśli społeczeństwo śpi, intelektualiści oraz politycy, albo po prostu odpowiedzialni ludzie powinni brać na siebie odpowiedzialność i mówić prawdę w jego imieniu, nieważne jak

[16] Ciekawym jest fakt, że dla wielu Polaków, zwłaszcza z tzw. środowisk kresowych, Jarosław Hrycak przez częściową akceptację tradycji OUN-UPA pozostaje historykiem „banderowskim”. Z kolei Ukraińcy, sympatyzujący z nacjonalizmem, krytykują Hrycaka za zbytnią uległość wobec opinii innych narodów oraz za otwarte nazywanie zbrodni i błędów OUN-UPA. 18 Я. Грицак, op. cit., s. 92.

[17] Czytając zamieszczone w bibliografii książki nacjonalistycznych autorów, napotykamy ciężkie oskarżenia pod adresem wojennych wrogów Ukrainy oraz przekonanie o krystalicznej wręcz czystości moralnej Ukraińców. Jest totendencjazauważalnaprzedewszystkimuautorówhistoryzującychpowieści, roszczącychpretensjedostatusupublikacjipopularno-naukowych. Zob.P. Іваничук, Вогненні стовпи, Фоліо, Харків 2009; П. Кралюк, Сильні та одинокі, Ярославів Вал, Київ 2011.

nieprzyjemnym dla naszej dumy byłoby wydobycie z siebie tego głosu”[18] – tak pisze o potrzebie uznania winy za przemoc wobec Polaków Jarosław Hrycak.

The article reviewed the mainapproaches Ukrainian historian J. Hrycak for researching the activities OUN-UPA and their place in the history of Ukraine in the twentyeth. The authors show that the Ukrainian historiansoughtto objective elyexaminedanuyuproblem,avoiding excessivemythologizing. Hrycakin his workspointedthe positive role ofthe OUN-UPA, but at the same time, put forward ideas thatdiffered from theversion of theheroes ofthe historyof the Ukrainian nationalisticorganizations.

Bibliografia

1. В. В’ятрович, *Друга польсько-українська війна 1942-1947,* Видавничий Дім «Києво-Могилянська Академія», Київ 2011.
2. П. Дужий, *Роман Шухевич: політик, воїн, громадянин,* Галицька Видавнича Спілка, Львів 1998.
3. Г. Гордасевич, *Степан Бандера: людина і міф,* Апріорі, Львів 2008.
4. Я. Грицак, Тези до дискусії про УПА, [w:] tegoż, *Страсті за націоналізмом,* Критика, Київ 2011, s.
5. Р. Іваничук, *Вогненні стовпи,* Фоліо, Харків 2009.
6. П. Кралюк, *Сильні та одинокі,* Ярославів Вал, Київ 2011.

[18] Я. Грицак, op. cit., s. 92

УДК 378. 4(476. 6): 94(476)

І.В. Ракоўская
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

КАФЕДРА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА ГрДУ ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ Ў 1981–2001 гг.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І КРЫНІЦЫ ДАСЛЕДАВАННЯ

Артыкул прысвечаны малавядомай старонцы факультэта гісторыі і сацыялогіі – кафедры гісторыі Беларусі. Аўтарам асветлены гістарыяграфія і асноўныя крыніцы, з дапамогай якіх можна глыбока даследаваць стварэнне, станаўленне і развіццё кафедры гісторыі Беларусі. Таксама пэўная ўвага нададзена асноўным напрамкам яе вучэбна-выхаваўчай, метадычнай і навуковай дзейнасці. Варта адзначыць, што вылучаная тэма комплексна не разглядалася ні ў адной працы. Шэраг матэрыялу ўтрымліваецца ў архівах, перыядычным друку, даведніках і зборніках матэрыялаў навуковых канферэнцый.

Пэўны аб’ём матэрыяла аб дзейнасці кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы ўтрымліваецца ў неапублікаваных і апублікаваных крыніцах і ў значна меншай ступені – у навуковых даследаваннях.

Фрагментарна пытанне адносна кафедры гісторыі Беларусі закранаецца ў працы, прысвечанай Гродзенскаму дзяржаўнаму ўніверсітэту імя Янкі Купалы [1]. У ёй раскрываюцца пытанні гісторыі і падрыхтоўкі кадраў ва ўніверсітэце, а таксама ў межах факультэтаў і кафедр.

Некаторыя звесткі ёсць у зборніках матэрыялаў канферэнцый. Напрыклад, матэрыялы VI навукова-практычнай канферэнцыі [2], выдадзеныя ў 1990 г., і матэрыялы VII рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі [3], апублікаваныя ў 1997 г., прысвечаны 35-годдзю і 40-годдзю гісторыка-краязнаўчага гуртка, які створаны пры кафедры гісторыі Беларусі. У зборніку матэрыялаў VI канферэнцыі значная ўвага нададзена ролі гуртка ў прафесійнай падрыхтоўцы будучых вучоных, творча працуючых выкладчыкаў і даследчыкаў гісторыі краю.

Цікавым з'яўляецца артыкул С.В. Марозавай «Гісторыка-краязнаўчы гурток: шлях даўжынёй у 50 гадоў», які быў апублікаваны ў зборніку матэрыялаў рэспубліканскай навуковай канферэнцыі «Здзяйсненне мары апантаных» [4, с. 6–11]. Шмат увагі аўтар надае асноўным напрамкам дзейнасці гуртка, а таксама яго выпускнікам, бо менавіта яны ствараюць яго гонар.

Важнымі з'яўляюцца матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі «Падрыхтоўка педагагічных і навуковых кадраў гісторыкаў і развіццё гістарычнай навукі ў Беларусі» [5], прысвечанай 50-годдзю факультэта гісторыі і сацыялогіі Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы». Удзельнікі гэтай канферэнцыі разглядзелі пытанні, звязаныя з падрыхтоўкай педагагічных і навуковых кадраў гісторыкаў і развіццём гістарычнай навукі. У зборніку матэрыялаў утрымліваецца матэрыял аб гісторыі стварэння і развіцця гістарычнага факультэта, яго кафедр, навуковых інтарэсах выкладчыкаў і студэнтаў, дзейнасці гісторыка-краязнаўчага гуртка, які працаваў і працуе пры кафедры гісторыі Беларусі, традыцыях факультэта і інш.

У зборніку матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі» змешчаны артыкул І.П. Крэня «Даследаванні па гісторыі гарадоў на кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы» [6, с. 449–456], у якім абагульнены даследаванні гісторыі гарадоў і мястэчак Беларусі з старажытных часоў да нашых дзён супрацоўнікамі кафедры гісторыі Беларусі.

Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навуках, якія былі падрыхтаваны і абаронены ў вышэйшых навучальных і навуковых установах Рэспублікі Беларусь, у тым ліку і ў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Янкі Купалы, пералічаны ў працах У.М. Міхнюка [7] і Г.У. Карзенкі [8]. У іх ёсць звесткі пра доктарскія і кандыдацкія дысертацыі і выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі.

Эфектыўнасць дзейнасці сістэмы па падрыхтоўцы спецыялістаў-гісторыкаў, у тым ліку высокваліфікаваных, залежыць і ад прафесарска-выкладчыцкага складу, ад узроўню навукова-тэарэтычнай і метадычнай падрыхтоўкі выкладчыкаў. Факультэт гісторыі і сацыялогіі і яго кафедры, у тым ліку кафедра гісторыі Беларусі, заўсёды валодалі кадравым патэнцыялам, які дазваляў ім рыхтаваць высокакваліфікаваных спецыялістаў. Інфармацыю аб жыцці і творчай дзейнасці, навуковых інтарэсах, асноўных публікацыях выкладчыкаў кафедры можна знайсці ў даведніках «Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы» [9], «Историки Беларуси в начале XXI ст.» [10], «Постаці ў гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы» [11], «Университет и его педагоги» [12].

Важнай крыніцай па разглядаемай тэме з'яўляецца перыядычны друк. Артыкулы па некаторых аспектах развіцця кафедры гісторыі Беларусі можна знайсці ў такіх часопісах і газетах, як «Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы», «Беларускі гістарычны часопіс», «Вышэйшая школа», «Гродзенская праўда», «Гродзенскі ўніверсітэт» і інш. Так, у «Беларускім гістарычным часопісе» быў надрукаваны артыкул, прысвечаны таленавітаму вучонаму і педагогу, прафесару І.П. Крэню [13, с. 40–43].

Шмат артыкулаў напісана аб дзейнасці гісторыка-краязнаўчага гуртка і яго кіраўніку Я.Н. Марашу. Гісторыка-краязнаўчы гурток, які працуе пры кафедры гісторыі Беларусі, з'яўляецца складальнай часткай факультэта гісторыі і сацыялогіі, яго «візітнай карткай». Трэба таксама адзначыць артыкул С.В. Марозавай «Гісторыка-канфесійныя даследаванні на кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы» [14, с. 8–12].

Заснавальніку гістарычнай школы Я.Н. Марашу таксама прысвечаны артыкул «Успомнілі Якава Мараша» Ж. Янчароўскай, які быў апублікаваны ў «Гродзенскай праўдзе» [15, с. 3]. Аповед у ім ідзе і пра пасяджэнні «круглага

стала», якія ладзіліся на гістарычным факультэце. У працы гуртка прымалі ўдзел не толькі вучоныя і студэнты, але і супрацоўнікі архіваў, вучні і педагогі школ горада г. Гродна.

Звесткі пра выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі можна знайсці і ў энцыклапедычных выданнях. Напрыклад, у 18-томнай «Беларускай энцыклапедыі», 6-томнай «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» і інш. [16].

Верагодна, асноўная маса дакументаў аб дзейнасці кафедры гісторыі Беларусі знаходзіцца ў Дзяржаўным архіве Гродзенскай вобласці (матэрыялы з 1981 па 1995 г.) і архіве Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Менавіта тут захоўваюцца дакументы, якія паступалі са структурных падраздзяленняў гістарычнага факультэта, у тым ліку кафедры гісторыі Беларусі. Гэта загады і пастановы вышэйстаячых органаў, якія тычацца дзейнасці ўніверсітэта; загады рэктара па асноўнай дзейнасці (звесткі аб стварэнні, перайменаванні, рэарганізацыі і ліквідацыі факультэтаў і кафедр), справаздачы аб працы факультэта і яго кафедраў, матэрыялы пасяджэнняў кафедр і Савета факультэта, пратаколы дзяржаўнай экзаменацыйнай камісіі, статыстычныя справаздачы аб руху кантынгента студэнтаў, аб дзейнасці аспірантуры.

У справах кафедры фарміруюцца планы, пратаколы пасяджэнняў кафедры, справаздачы. Напрыклад, у справе кафедры гісторыі Беларусі за 1993–1994 навучальны год у плане адлюстраваны задачы кафедры ў навучальным годзе, пытанні аб кадрах, гадавых навучальных нагрузках выкладчыкаў, павышэнні кваліфікацыі, пытанні работы з аспірантамі і спашукальнікамі, дзейнасці студэнцкага навуковага гісторыка-краязнаўчага гуртка, навукова-даследчая работы студэнтаў, дыпломныя праектаванні.

У плане навукова-даследчай працы кафедры прыведзены асноўныя напрамкі дзейнасці ў 1994 г.: падрыхтоўка гісторыка-дакументальных хронік «Памяць» па гарадах і раёнах Гродзенскай вобласці, даследаванне гарадоў і мястэчак Беларусі (Гродзенская вобласць), гісторыя рэлігіі і

царквы на Беларусі, «Наш край – Гродзеншчына: гісторыя, эканоміка, культура», арганізацыя і правядзенне навуковых канферэнцый і інш.

Да пратаколаў пасяджэнняў кафедры дадаюцца справаздачы выкладчыкаў аб навучальным працэсе і навукова-даследчай рабоце, характарыстыкі-парады выкладчыкаў, праграма музейна-экскурсійнай практыкі студэнтаў 2 курса факультэта гісторыі і сацыялогіі і справаздача аб гэтай працы. У справе сфарміраваны справаздачы аб навуковай рабоце кафедры за 1993 г., навучальна-выхаваўчай рабоце за 1993–1994 навучальны год [17].

З архіўных дадзеных мы таксама даведваемся пра дзейнасць кафедры гісторыі Беларусі ў пачатку XXI ст. Асаблівасцю дзейнасці ў гэты перыяд з'яўлялася спалучэнне традыцыйных напрамкаў навуковых даследаванняў з прынцыпова новымі навуковымі тэмамі. Так, новым напрамкам у дзейнасці кафедры з'явілася распрацоўка тэмы «Сацыяльна-эканамічныя, палітычныя і канфесіянальныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі ў 1921–2000 гг.», якая была замацавана за кафедрай і зацверджана Прэзідыумам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі [18].

Такім чынам, аспекты развіцця кафедры гісторыі Беларусі факультэта гісторыі і сацыялогіі ГрДУ імя Янкі Купалы вывучаны недастаткова. Ніхто з навукоўцаў не вылучаў у якасці аб'екта даследавання пытанні дзейнасці кафедры гісторыі Беларусі. Таму вылучаная тэма з'яўляецца актуальнай і патрабуе грунтоўнага даследавання.

The article is devoted to an obscure page Faculty of History - Department of History of Belarus.The author tells about the main sources by which to investigate in depth the creation, establishment and development department of the history of Belarus, the main directions of its educational, methodical and scientific activities. It should be noted that the isolated complex topic was not considered in any work. A number of the material contained in the archives, perydychnym print directories and collections of materials of scientific conferences.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Габрусевіч, С.А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: гістарычны нарыс / С.А. Габрусевіч, І.П. Крэнь. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 174 с.
2. Научно-исследовательский кружок и историческое краеведение: материалы VI научно-практической конференции, посвященной 35-летию историко-краеведческого кружка при кафедре истории БССР. – Гродно, 1990. – 270 с.
3. Шлях у навуку: матэрыялы 7-й рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 40-годдзю студэнцкага навукова-краязнаўчага гуртка Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Мінск: БелНДІДАС, 1997. – 266 с.
4. Марозава, С.В. Гісторыка-краязнаўчы гурток: шлях даўжынёй у 50 гадоў / С.В. Марозава // Здзяйсненне мары апантаных: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. – Гродна, 2006. – С. 6–11.
5. Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы респ. науч.-практ. конф., Гродно, 30 сент. 2004 г., Гродно / под ред. Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Креня. – Гродно: ГрДУ, 2005. – 401 с.
6. Крэнь, І. Даследаванні па гісторыі гарадоў на кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы / І. Крэнь // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў. – Гродна, 2009. – С. 449–456.
7. Міхнюк, У.М. Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навуках у Рэспубліцы Беларусь (1991–2003 гг.): бібліягр. паказ. / У.М. Міхнюк. – Мінск: НАНБ, 2006. – 68 с.
8. Корзенко, Г.В. Аннотированный указатель диссертаций по историческим наукам, защищенных в Республике Беларусь (1991–2005 гг.) / Г.В. Корзенко, Ю.В. Зенькович. – Минск: Беларуская навука, 2006. – 393 с.
9. Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: біябібліяграфічны даведнік / пад рэд. В.М. Чарапіцы. – Гродна, 1999. – 595 с.
10. Корзенко, Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: библиографический справочник / Г.В. Корзенко. – Минск: Беларуская навука, 2007. – 470 с.
11. Постаці ў гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: гістарычны нарыс. – Гродна, 2005. – 203 с.
12. Университет и педагоги. – Гродно, 2006. – 362 с.
13. Кушнер, В. Грамадскае ён заўсёды ставіць вышэй за асабістае: да 70-

годдзя з дня нараджэння Івана Платонавіча Крэня / В. Кушнер // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 11. – С. 40–43.
14. Марозава, С.В. Гісторыка-канфесійныя даследаванні на кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы / С.В. Марозава // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. – Серыя 1. – 2009. – № 3. – С. 8–12.
15. Янчароўская, Ж. Успомнілі Якава Мараша / Ж Янчароўская // Гродзенская праўда. – 2007. – 17 лютага. – С. 3.
16. Мараш, Я.Н. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 5. – С. 73.
17. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 991. – Воп. 5. – Спр. 184: Планы работ, пратаколы пасяджэнняў і справаздачы аб рабоце кафедры гісторыі Беларусі ў 1993–1994 навучальным годзе. – 321 л.
18. Архіў УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы». Справаздача аб навуковай рабоце за 2001 г. кафедры гісторыі Беларусі факультэта гісторыі і культуры Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 51 л.

Навуковы кіраўнік – **С.В. Марозава**, *доктар гістарычных навук, прафесар.*

УДК 94(44)(092)

Т.С. Трахимчик
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ Ф. БРОДЕЛЯ

Ф. Бродель – известный историк XX в. Его труды входят в золотой фонд исторической науки. Среди трудов Ф. Броделя выделяется «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» в 3-х томах.

В работе Ф. Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» можно проследить отношение автора к роли личности в истории. Исследователь является противником «субъективных» школ в исторической науке, хотя и поддерживает утверждение школы «Анналов», что главное в истории – человек. Вот что пишет автор в своей работе «Средиземноморье...» по этому поводу: «Нужно разделить, по крайней мере, свободу группы и свободу индивида... Свободу каждого из них (исторических персонажей) можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме... Поэтому, когда я думаю об индивидууме, мне всегда представляется, что он в очень небольшой степени является кузнецом своей судьбы, будучи элементом ландшафтной среды, встроенным в бесконечную перспективу «большой длительности»... В историческом объяснении... «большое время» всегда одерживает верх. Отсеивая множество всех тех событий, которые не попадают в его струю и безжалостно отвергаются им, оно, безусловно, ограничивает свободу воли человека и даже роль случая» [1, с. 430].

Здесь можно говорить о двух способах видения истории – либо глазами наблюдателя, который фиксирует все, что предстает перед ним, и пытается сделать какие-то обобщения относительно наблюдаемого им движения, либо глаза-

ми участников, принимая во внимание их планы, поступки, эмоции и оценки. Ф. Бродель является решительным сторонником первого подхода, который допустимо сравнить с естественно-научным – не зря количественные аспекты описания прошлого так привлекают его внимание, и не зря он выражает надежду на дальнейшее развитие математических методов исследования общества. Преимущества такого видения истории заключаются, в частности, в оправдании переноса каких-то выводов относительно прошедших событий на настоящее и будущее и, следовательно, в обосновании актуальности исторических наблюдений и их использовании для прогнозирования будущего, а также извлечения из истории уроков [2, с. 66].

В третьей части «Средиземноморья...» содержится ряд колоритных характеристик и сюжетов, сконцентрированных вокруг определенных личностей. В первую очередь, это Филипп II, явно или незримо присутствующий на страницах всей книги, а также его отец, родственники и приближенные: герцог Альба, кардинал Гранвелла, Маргарита Пармская, дон Хуан Австрийский, папы, дипломаты, вельможи, военноначальники, пираты, разбойники, авторы мемуаров, писатели, литературные герои и др. Несмотря на декларации автора, их вклад в историю заметен, велик [1].

Наконец, индивидуальное и живое начало проявляется еще и по-другому – в тенденции, снова сближающей Ф. Броделя с марксизмом, в обращении к коллективным индивидам. Личностью в истории в данном случае является народ, этнический, цивилизационный и социальный субъект, который в силу массивности поступков составляющих его индивидов больше связан с глубинными факторами исторического процесса и одновременно в большей степени способен накладывать на них свой отпечаток. Великие деятели – лишь проводники и выразители воли этого коллективного исторического персонажа [3, с. 35].

Подобным размыванием или переносом на коллектив свободы воли и ответственности объясняется нежелание

Ф. Броделя давать оценки или толковать о Суде истории с большой буквы. К истории, пишет историк, следует подходить «не только с меркой одного человека, индивида, но и множества людей, всех людей». Поставленный во главу угла принцип понимания также достаточно расплывчат и может опираться на совершенно разные способы объяснения и установления причин [4, с. 32].

Понимание, действительно, можно считать самоцелью или одной из целей исторической науки, если исходить из того, что она должна помочь людям одной эпохи, с их взглядом на вещи, привычками и интеллектуальным багажом, понять людей другой эпохи – с их образом жизни и мировосприятием. А для этого и нужно описать этот мир другой эпохи, желательно в его многообразии и изменчивости, т.е. дать возможность читателю взглянуть на историю как с позиций своего времени, так и глазами современника событий. Если предположить, что именно подобный ход мысли заставил Ф. Броделя перейти от дипломатической истории к исследованию контекста, в котором она разворачивалась, то получится, что его главной задачей было изображение предельно расширенного контекста изначально избранного сюжета (о политике Филиппа II). Причем этот, если можно так выразиться, «взбесившийся контекст» заполнил всю работу и вытеснил все прочие сюжетные линии, вытеснил само объясняемое [5].

Противоречие, с которым сталкивается Ф. Бродель, работая над материалом, – это не противоречие между детерминизмом и свободой частных или индивидуальных проявлений, это альтернатива между определенностью или связанностью картины и хаосом. Желая придать материалу возможную степень организации, историк естественным образом опирается на некие принуждающие факторы, причем первыми из них являются пространство и время. И если пространство позволяет человеку вступать в борьбу с собой, изменяя скорость и средства передвижения, то время – гораздо более жесткий противник и в материальном смысле

не оставляет людям никакой свободы: движение направлено в одну сторону и отсчет идет постоянно. Остается некоторая интеллектуальная свобода, и одно из ее проявлений и есть история [3, с. 35–37].

Вот откуда возникли разные этажи в исторической концепции Ф. Броделя и разные действующие лица на этих этажах, каждый из которых обладает своей степенью свободы и индивидуальности. Такой субъект, например, как Средиземное море, может выйти на авансцену истории и сойти с нее, ему воздается должное или адресуются упреки и т.п. Отдельные этажи, или уровни протекания временных процессов – географическое время, уровень «большой истории» и повседневность, существуют в действительности, но не настолько автономно, чтобы устанавливать между ними специальную связь; они как бы вложены друг в друга, и жизнь протекает одновременно во многих плоскостях. А так как в книге Ф. Броделя о Средиземноморье сохранена и более традиционная схема членения истории на экономическую, социальную, цивилизационную и политическую, то в ней встречается и немало повторов, что можно считать ее вынужденным недостатком [6, с. 320].

Такое представление об истории не исключает идеи альтернативности как на уровне индивидуальных субъектов – менее для него интересном, так и на уровне коллективном – народов, стран и континентов. Ф. Бродель задается вопросами, что было бы, если бы Филипп II перенес столицу в Лиссабон или если бы Франция выиграла имперские выборы. И поскольку отдельные индивиды и коллективы выступают в качестве актеров или игроков, изложение ведется часто в терминах игры: как театральной, так и азартной, учитывающей случайную и вероятностную составляющую исхода событий. «Ставки», занимающие Ф. Броделя, чрезвычайно высоки, это тоже ставки большого времени, непосильные для отдельных лиц, – судьбы стран, регионов, даже всего мира. Исход игры решается на глубинном уровне, прежде всего экономическом, что заставляет снова вспомнить о теории

исторического материализма [6, с. 324–326].

Принципы, исповедуемые Ф. Броделем, заставляют его уходить от сюжетности или оставлять ей только вспомогательную роль, что можно считать еще одной издержкой данного стиля. История без сюжета невозможна, она рассыпается, и у Ф. Броделя сюжеты выступают в обличье проблем, которые служат одним из главных связующих компонентов изложения. Тем самым, создавая свое по необходимости дескриптивное полотно, Ф. Бродель отдает должное проблемному подходу к истории, за который ратовал, в частности, Л. Февр. Автор писал, что отдельные индивиды, сколь бы подробно он ими ни занимался в данный момент, являются все-таки вспомогательным материалом строящегося им здания, и, даже высказывая мимоходом какие-то эмоции по поводу драматических поворотов судеб своих героев, историк расстается с ними без сожаления. Глобальные же сюжеты-проблемы у Ф. Броделя достаточно аморфны, он не ищет заключительных выводов и не строит жестких схем [7, с. 55–57].

Историю, которая полностью абстрагируется от эмоций, чувств, оценок и представлений, как коллективных, так и индивидуальных, сегодня писать невозможно. Так что в книге Ф. Броделя о Средиземноморье все это присутствует и при желании без труда обнаруживается. Другое дело, что он намеренно открещивается от такого подхода к истории и объявляет себя сторонником иного, в его понимании, революционного и обеспечивающего новый синтез. Тем не менее Ф. Бродель осознает ограниченность возможностей применения своего структурного подхода, в частности, в сфере интеллектуальной истории: «Представим себе, что историк исследует основные элементы этой достаточно простой и очень распространенной доктрины, начиная с ее реального зарождения в середине XVI в. Сколько разрывов и поворотов, даже внутри самой структуры макиавелизма, встречается здесь на каждом шагу, так как эта система не обладает наглядной и почти неизменной целостностью мифа, она не следует одними проторенными и безопасными путями большой дли-

тельности» [5]. Эту новизну и целостность Ф. Бродель, как и его старшие коллеги, искал в соединении всех областей исторического знания, более того, в выходе за границы отдельных наук с тем, чтобы соединить их результаты под эгидой истории, под углом зрения законов ее движения. При этом он стремится мыслить как можно более масштабно, широко, охватывая взглядом всю панораму «большой истории». Это был взгляд на человека извне, но таково понимание Ф. Броделем исторической истины и путей ее достижения. Этот взгляд не остался односторонним и привел к мысли о бесполезности человеческих усилий изменить предначертанный маршрут. Подспудная идея, воплотившаяся в монографии о Средиземноморье, заключается, по-видимому, в том, чтобы дать людям возможность освободиться от естественных пут, которые привязывают их к «здесь и сейчас», и приобщиться к глубинным, протяженным процессам, выходящим далеко за ограниченные рамки индивидуального существования [4, с. 42–44].

Такой способ общения с историей, не требующий от нас следовать за прогрессом или сильно уповать на будущее, но вместе с тем раскрывающий богатство и значительность в основном уже ушедших в прошлое форм коллективной жизни, вероятно, и сделал труд Ф. Броделя классическим.

The underlying idea is embodied in the monograph on the Mediterranean, is, apparently, is to give people the opportunity to be freed from natural fetters that bind them to the «here and now», and join the deepest, longest of any processes, which reached far beyond the limited scope of individual existence. Such means of dealing with the history, not requiring us to follow the progress or heavily rely on the future, but at the same time reveals the wealth and importance in the main has already gone in the past forms of collective life, probably, and made the work of F. Braudel classic.

Список источников и литературы

1. Бродель, Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3-х ч. / Ф. Бродель; пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Ч. 3: События, политика и люди. – 640 с.

2. Афанасьев, Ю.С. Фернан Бродель и его видение истории / Ю.С. Афанасьев // Новая и новейшая история. – 1985. – № 5. – С. 62–71.
4. Вжозек, В. Человек в социальной системе Фернана Броделя / В. Вжозек // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – Москва: Наука, 1993. – 190 с.
3. Юсим, М.А. «Средиземноморье» Ф. Броделя: человек в ландшафте большой истории / М.А. Юсим // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 34–45.
5. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Французский ежегодник-2002 [Электронный ресурс]. – Москва: Наука, 2002. – Режим доступа: http://www.fidel-kastro.ru/history/braudel/braudel.htm. – Дата доступа: 27.01.2011.
6. Соколов, М.Н. Историческая теория Фернана Броделя / М.Н. Соколов // Французский ежегодник-1972. – Москва: Наука, 1974. – С. 313–333.
7. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – Москва: Индрик, 1993. – 398 с.

Научный руководитель – **А.Н. Нечухрин***, доктор исторических наук, профессор.*

АРХЕАЛОГІЯ І КУЛЬТУРНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ

УДК 27-312.8:902

В.С. Грышко
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

ХРЫСЦІЯНСКІЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў ПАХАВАЛЬНАЙ АБРАДНАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў XI–XIII стст.: ПРАБЛЕМЫ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

Статья посвящена проблеме поиска христианских элементов в погребальных памятниках на территории Беларуси в X–XIII вв. С учетом догматов и основополагающих церковных концепций автором выделяются признаки, в соответствии с которыми древнее погребение на территории Беларуси может быть отнесено к христианскому. Рассматриваются разные подходы в интерпретации этих признаков исследователями славянских древностей. Автором предлагается условная классификация христианских погребений на территории Беларуси в X–XIII вв. по степени достоверности «христианского характера» составляющих их элементов.

У гісторыі хрысціянства Беларусі перыяд XI–XIII стст. з’яўляецца асноватворным у фармаванні новага светапогляду. У гэты час праходзіць актыўнае знаёмства мясцовага насельніцтва з новай рэлігіяй: яе нормы прымаюцца ў якасці годнай альтэрнатывы паганскім вераванням альбо адмаўляюцца ў моц іншых фактараў. Канверсійныя працэсы цягнуць за сабой шэраг культурных, сацыяльных і эканамічных зменаў. У першую чаргу, змены закранаюць абраднасць, якая з’яўляецца яскравым выразнікам духоўнага жыцця, і, у тым ліку, адлюстроўваюцца на пахаваннях.

Падаецца лагічным, што матэрыялы археалагічнага вывучэння пахавальнай абраднасці значна пашыраюць магчымасці стварэння цэласнай карціны працэсаў хрысціянізацыі. І гэта даказана існаваннем навуковых артыкулаў і манаграфій, што раскрываюць пытанні хрысціянізацыі пэўных рэгіёнаў не толькі праз характарыстыку паўсядзённага

жыцця старажытнага насельніцтва, але і з дапамогай дадзеных аб іх пахавальных комплексах [22; 41; 25; 20; 34, с. 49; 21, с. 115–122; 4, с. 98–103 і інш.]. Тут паўстае праблема пошуку хрысціянскіх элементаў у пахаваннях. Да сённяшняга дня, у залежнасці ад інтэрпрэтацыі і аргументацыі тых ці іншых элементаў у старажытных пахаваннях усходніх славян, даследчыкі падзяляюцца на тры групы: «паганізуючая», «хрысціянізуючая» і «кампрамісная» [22, с. 38].

Разгледзім прыкметы хрысціянскага пахавання ў кантэксце царкоўнай традыцыі (паколькі тэма міждысцыплінарная і цесна звязана з тэалогіяй) і інтэрпрэтацыі даследчыкамі, а таксама ахарактарызаваць іх па ступені дастасаванасці да старажытных пахаванняў на тэрыторыі Беларусі. Будзем выкарыстоўваць рэтраспектыўны метад: паспрабуем перайсці ад сучаснага вобразу хрысціянскага пахавання, грунтуючыся на асноватворчых царкоўных канцэпцыях і гістарычна-археалагічных даследаваннях, да рэканструюемага вобразу старажытнага хрысціянскага пахавання.

Згодна з катэхізісам хрысціянскай царквы, пахавальны абрад павінен выказваць «пасхальны характар» хрысціянскай смерці ў надзеі на ўваскрэсенне [13, с. 111; 7]. Гэта абавязкова ямнае пахаванне з невялікім насыпам. Цела памерлага размяшчаецца гарызантальна ў труне, зарыентавана галавой на захад, рукі складзены. Над магільным насыпам устанаўліваецца крыж: у праваслаўнай традыцыі – над нагамі памерлага, у каталіцкай і пратэстанцкай традыцыі – над галавой [26; 27; 14].

Вядома, што сучасны вобраз хрысціянскага пахавання не мусіць быць цалкам аўтэнтычным вобразу хрысціянскага пахавання, характэрнаму для старажытнага грамадства. Натуральна, што фармаванне хрысціянскай пахавальнай абраднасці ажыццяўлялася на працягу некалькіх стагоддзяў і змянялася пад уздзеяннем царкоўных дагматаў і мясцовых традыцый. На пэўных этапах яно магло мець элементы, якія на дадзены момант не адпавядаюць нашаму ўяўленню аб хрысціянскім пахаванні (напрыклад, курганнае пахаванне).

Аб трансфармацыі хрысціянскага пахавальнага абраду не толькі ў мінулым, але і сёння сведчыць факт дазволу ў 1963 г. рыма-каталіцкай царквы на крэмацыю цела нябожчыка.

У адпаведнасці з вышэйапісаным вобразам хрысціянскае пахаванне мусіць быць ямным з невялікім насыпам. Як адзначаецца ў працы археолага і дыякана А.Я. Мусіна, у адносінах да магільнай ямы як да прыкметы хрысціянскага пахавання ніколі вялікіх спрэчак не назіралася [22, с. 41]. Большасць даследчыкаў (Н.Г. Нядошвіна, А.П. Моця, В.А. Булкін, Г.С. Лебедзеў) лічаць магільныя ямы вынікам хрысціянізацыі. Аднак ёсць і іншае меркаванне. Напрыклад, савецкі і расійскі археолаг В.Я. Канецкі сцвярджае, што з'яўленне грунтовых могілак не заўсёды звязана з уздзеяннем хрысціянства і абумоўлена прычынамі сацыяльнага характару [17, с. 167; 16, с. 62–79]. Пецярбургскі філосаф А.У. Карпаў перакананы ў тым, што ямнае пахаванне рэалізуе ідэю больш «надзейнага» ўкрыцця цела ў зямлю і не з'яўляецца ні ўмовай, якая «палягчае» ўваскрэсенне памерлага, ні, тым больш, умовай выратавання душы [12, с. 168].

На тэрыторыі Беларусі ямныя пахаванні з'яўляюцца ў XI–XIII стст. [10, с. 196; 19, с. 35, 46; 6, с. 16; 39, с. 90]. Даследчыкі беларускіх старажытнасцяў вытлумачваюць гэтыя змены як хрысціянізацыяй, так і этнічнымі ўплывамі. Напрыклад, Л.У. Дучыц ранняе з'яўленне інгумацый у падкурганных ямах на землях крывічаў звязвае з блізкасцю латгальскіх тэрыторый, дзе ў VI–VIII стст. нябожчыкаў хавалі ў грунтовых магілах. А вось Г.В. Штыхаў у пераходзе да грунтовых пахаванняў бачыць хрысціянскія прычыны [6, с. 16; 39, с. 90]. Факт распаўсюджвання грунтовых магіл у радзіміцкіх пахаваннях з хрысціянствам звязвае і У.У. Багамольнікаў. Ён адзначае, што большасць грунтовых магіл з'яўляецца тады, калі хрысціянства ўжо адносна ўмацавалася [4, с. 101]. Аднак ён прыводзіць шэраг аргументаў, паводле якіх нельга вытлумачваць з'яўленне ямных пахаванняў поспехамі хрысціянізацыі (напрыклад, у ямах сустракаецца арыенціроўка пахаваных, якая знаходзіцца ў рэзкіх

супярэчнасцях з хрысціянскімі канонамі, – усходняя і мерыдыяльная) [4, с. 101–102].

Такім чынам, ямнае пахаванне не можа выступаць у ролі самастойнага паказчыка хрысціянскага характару старажытнага пахавання, паколькі ў аснове пераходу да яго могуць ляжаць як рэлігійныя, так і этнічна-культурныя ўплывы. Гэты прызнак мы можам выкарыстоўваць толькі ў сукупнасці з іншымі «хрысціянскімі» элементамі ў якасці дадатковага доказу.

Што тычыцца бескурганнага пахавання (ці пахавання з невялікім насыпам), то тут прасочваецца ўпэўненая перакананасць навукоўцаў у язычніцкім характары кургана, калі ў ім бачаць касмаганічны сэнс і адлюстраванне сферычнай будовы свету [32, с. 254; 8, с. 597; 18, с. 520]. Нават паступовае памяншэнне колькасці курганоў з X–XII па XIV стст. трактуецца поспехамі хрысціянізацыі і даказваецца вынікамі археалагічных раскопак [9, с. 21–22].

Аднак сярод даследчыкаў ёсць тыя, хто даказвае, што курган – гэта не рэлігійная з’ява, а сацыяльная, і бачаць у ім своеасаблівае сацыяльна-статуснае пахавальнае збудаванне з відавочна выражанымі сімваліка-мемаратыўнымі функцыямі [12, с. 164; 29, с. 19]. Існаванне такой інтэрпрэтацыі робіць магчымым існаванне падкурганных хрысціянскіх пахаванняў. Доказам з’яўляюцца прыклады падкурганных пахаванняў з нацельнымі крыжыкамі, што сустракаліся пры раскопках на Кастрамскім Паволжжы (в. Ісаева, Баравікова) і на тэрыторыі Беларусі (напрыклад, у в. Курганне Жлобінскага р-на Гомельскай вобласці, в. Дулебы і Харчычы Бярэзінскага р-на Мінскай вобласці) [1, с. 489, с. 327, 381].

Калі ж прытрымлівацца перакананне ў паганскім характары курганоў, то факт наяўнасці ў іх прадметаў хрысціянскага культу можа быць растлумачаны наступным. Асобныя прадстаўнікі абшчыны ўспрымалі ідэі новай рэлігіі, але хавалі іх суродзічы, якія трывала захоўвалі старыя паганскія традыцыі. Тым не менш, напрошваецца выснова, што курганная форма пахавання не з’ўляецца перашкодай

для вызначэння яго як хрысціянскага.

Трэцім пунктам хрысціянскага пахавання, згодна з сучаснымі царкоўнымі канонамі, з'яўляецца трупапалажэнне, ці інгумацыя. У пераважнай большасці даследчыкі лічаць пераход у Х–ХІІІ стст. ад трупаспаленняў да трупапалажэнняў у пахаваннях старажытных славян паказчыкам хрысціянізацыі [23, с. 49–32; 28, с. 97; 24, с. 113; 31, с. 35]. Грунтуецца ён на царкоўным дагмаце аб уваскрэсенні. Калі закрануць біблейскія тэксты, то тэма ўваскрэсення ўзгадваецца ў Старым і Новым Запаветах, замацаваны ў Нікейска-Цараградскім сімвале веры, прынятым у 381 г. [3, с. 1114, 1442]. Тое, што ўваскрэсенне мусіць адбыцца ў целе, фарміруе асаблівыя адносіны да цела нябожчыка: клопат і дбаннне (цела абмываецца, убіраецца ў святочную вопратку) [3, с. 1473]. Дбанне пра цела памерлага дапаўняецца і тэзай аб тым, што цела хрысціяніна – гэта храм Духа Святога [3, с. 1428]. Таму лагічна, што інгумацыя ў дадзеным выпадку з'яўляецца больш прымальнай формай пахавання для хрысціян, чым крэмацыя.

У дакументах царкоўнага права Х–ХІІІ стст., якое распаўсюджвалася на землі ўсходніх славян, адсутнічае тэма пахавальных вогнішчаў (у адрозненне ад Заходняй Еўропы, дзе ў Саксонскіх капітулярыях 775–790 гг. Карл Вялікі пад пагрозай смерці забараняе спаленне целаў памерлых). Гэта растлумачваецца тым, што Царква ніколі не звязвала пахавальны абрад і пасмяротны лёс памерлага. Пэўныя рысы абраду фарміруюцца пад уплывам «народнай хрысціянскай эсхаталогіі» (дзедаўскі жах памерці непахаваным), што дае падставы ў лік крэмацыйных пахаванняў уключыць і хрысціянскія [12, с. 155].

Адмоўнае стаўленне Царквы да абраду крэмацыі, па словах пецярбургскага філосафа А.У. Карпава, матывавана не бояззю таго, што спаленне нашкодзіць пахаваным (Бог моцны аднавіць цела для ўваскрэсення), а зыходзіць з таго, што для тых, хто спальвае сваіх блізкіх, гэтае дзеянне не павучальнае і выклікае ў душы больш роспач, чым надзею

[12, с. 151–156]. Адмова ад спаленняў можа быць звязана і з усведамленнем агню як асаблівага сродка «пакарання» і яго ролі ў апошніх лёсах свету (стан грэшнікаў у пекле і прароцтва аб тым, што Зямля і ўсе справы на ёй згарацць) [3, с. 1397, 1525, 1531].

На тэрыторыі Беларусі інгумацыйныя пахаванні з'яўляюцца з канца X ст. і замяняюць абрад крэмацыі на працягу XI–XII стст., калі на тэрыторыі Беларусі паступова распаўсюджваецца хрысціянства [2, с. 178; 6, с. 16; 39, с. 63; 19, с. 46; 5, с. 111; 37, с. 51; 11, с. 15]. Прычыну гэтых зменаў некаторыя даследчыкі схільныя бачыць у сацыяльна-эканамічных пераўтварэннях ці этнічных уплывах. Напрыклад, савецкі археолаг Б. А. Рыбакоў адзначаў, што на распаўсюджванне інгумацый уплываў распад старых родавых адносін, а адмова ад спаленняў сустракалася і раней: у V ст. да н.э., II–IV стст. (Чарняхоўская культура) [30, с. 481]. Аднак ён робіць агаворку, што адмова гарадскога насельніцтва ад крэмацыі ў X–XI стст., безумоўна, непасрэдна звязана з прыняццем хрысціянства [30, с. 38].

Адмаўляў хрысціянскі характар інгумацыйных пахаванняў і даследчык В.В. Сядоў, таму што ў сярэдзіне X ст. інгумацыйныя пахаванні распаўсюджваліся і ў «глухіх месцах» усходнеславянскага арэалу (Верхняе Падняпроўе, Волга-Окскае міжрэчча), дзе, на яго думку, было немагчымым шырокае пранікненне хрысціянства сярод сельскага насельніцтва [35, с. 113]. А ў паўднёва-рускіх землях першыя трупапалажэнні адносяцца да часу, які адстае на два стагоддзі ад «хрышчэння Русі» [35, с. 98]. Таму, на думку В.В. Сядова, для прызнання абрада хрысціянскім інгумацыю трэба разглядаць не саму па сабе, а ў сувязі з іншымі прыкметамі пахавальнага абраду.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што дагмат хрысціянскай царквы аб уваскрэсенні цела спрыяў распаўсюджванню і замацаванню ідэі інгумацыйнага пахавання, мы не можам лічыць яго адназначным паказчыкам хрысціянскага пахавання ў X–XIII стст. Гэты

перыяд характарызуецца не толькі рэлігійнымі, але і значнымі сацыяльнымі і этнічнымі пераўтварэннямі, якія не менш, чым хрысціянства, паўплывалі на пахавальную абраднасць.

Як мы ўзгадвалі вышэй, сучаснае хрысціянскае пахаванне ажыццяўляецца ў труне. Ідэалагічнай асновай гэтага элементу можа выступаць ідэя ўваскрэсення веруючага чалавека ў целе, дбанне аб нябожчыку. Трунныя пахаванні з'яўляюцца ў Заходняй Еўропе ў VII–VIII стст. і характэрны для пахавання заможных людзей. Шырокае распаўсюджанне яны атрымліваюць у XIII ст. [41, с. 92]. На тэрыторыі Беларусі трунныя пахаванні з'яўляюцца ў XI ст. і паступова шырока распаўсюджваюцца [2, с. 178]. Згодна з даследаваннямі Е.А. Шмідта, які вывучаў пахаванні смаленскіх крывічоў у перыяд пераходу ад язычніцтва да хрысціянства, драўляная труна з XIV ст. становіцца абавязковай [38, с. 92]. У моц таго, што труна часцей сустракаецца ў гарадскіх і прыцаркоўных пахаваннях, мы можам лічыць яе хрысціянскай прыкметай, аднак для верагоднасці лепш разглядаць яе ў сукупнасці з іншымі хрысціянскімі элементамі пахаваня.

Важнае месца ў характарыстыцы хрысціянскага пахавання займае арыентацыя цела нябожчыка галавой на Захад. Усход у хрысціянскім вучэнні мае асаблівую духоўную значнасць: акрамя прышэсця Хрыста з Усходу, там быццам знаходзіцца страчаны чалавекам рай [3, с. 1212; 33]. Таму хрысціянскія храмы будуюцца алтаром на Усход, і тварам на Усход хаваюць памерлых хрысціян.

Арыентацыю нябожчыка на захад даследчыкі старажытнасцей усходніх славян звычайна прылічваюць да агульнаславянскай традыцыі. Яна ў X ст. сустракаецца ў валынян, драўлян, дрыгавічоў і інш. [35, с. 98, с. 105; 19, с. 46]. Аднак паралельна заходняй арыенціроўцы ў пахаваннях XI–XII стст. на беларускіх землях сустракаюцца пахаванні і з усходняй арыенціроўкай (зрэдку паўночнай ці паўднёвай) [39, с. 65; 35, с. 120]. П.Ф. Лысенка, Р.В. Штыхаў і В.В. Сядоў тлумачаць гэты факт сувяззю пахавальных

традыцый славянскага насельніцтва з традыцыямі балтаў – папярэднікаў славян на беларускіх землях [19, с. 46; 39, с. 65; 35, с. 120]. Таму лічыць адназначна хрысціянскім элементам славянскага пахавання заходнюю арыентацыю цела нябожчыка нельга. Канешне, ёсць даследчыкі, якія вылучаюць гэты элемент як асаблівы і ўказваюць на хрысціянскі характар пахавання (Г.Ф. Салаўёва, Ф.Д. Гурэвіч, А.Я. Мусін і інш.), аднак яны ўкладаюць у яго сэнс другаснага індыкатара, а не вядучага і вызначаючага [36, с. 106].

З пачатку існавання Царквы для яе было характэрна своеасаблівае разуменне хрысціянскай супольнасці. Кожны з яе прадстаўнікоў дбае аб сваім выратаванні і дапамагае ў выратаванні сваім братам, бо яны ведаюць, што па ўваскрэсенні складуць Адзіную Усяленскую Царкву. З гэтага зыходзіць ідэя адзінства супольнасці хрысціян жывых і памерлых, што вядзе да абсалютна адрознага ад паганскага разумення смерці. Калі ў паганскім асяроддзі на памерлага глядзелі як на мерцвяка, пабойваліся і стараліся пахаваць на аддаленні ад паселішча (на палях, у лясах), то хрысціянская супольнасць не аддзяляе нябожчыка ад сябе, а, наадварот, імкнецца стварыць з ім адно цэлае. Адсюль паняцце «ўрбанізацыі могілак» (дадзенае М. Ранбкоўскім) [41, с. 91]. Па-другое, імкненне быць не толькі ў жыцці, але і пры смерці на святым месцы, у супольнасці вернікаў прывяло да ўзнікнення пахаванняў у месцах ушанавання святых пакутнікаў. Гэты прынцып фарміруе такі элемент хрысціянскага пахавання, як размяшчэнне хрысціянскіх пахаванняў на прыцаркоўных ці асвечаных могілках.

Сярод такіх пахаванняў – пахаванні полацкіх епіскапаў у саркафагах, зробленых у Спаса-Еўфрасіньеўскай царкве ў Полацку [39, с. 91], пахаванні ў дамавінах скрынкавага тыпу з дошак на месцы Мінскай замкавай царквы, пахаванні ў саркафагах у Тураўскім кафедральным саборы [2, с. 80]. Польскі даследчык М. Ранбкоўскі адзначыў, што «згодна з лацінскімі касцёльнымі дакументамі, першапачатковай рысай пахавання хрысціяніна павінна быць пахаванне на

асвечанай тэрыторыі і толькі ў пазнейшых дакументах – інгумацыя» [41, с. 91].

Напэўна, гэта самы бясспрэчны паказчык хрысціянскага пахавання, калі яно зроблена ў храме, на прыцаркоўнай тэрыторыі ці на асвечанай зямлі, дзе размяшчалася капліčка.

Яшчэ адным даволі яскравым элементам хрысціянскага пахавання з'яўляецца наяўнасць прадметаў хрысціянскага культу і надмагільных крыжоў у пахаванні. Калі надмагільныя крыжы не ставяцца пад сумненне як прыкметы хрысціянскага пахавання, то з прадметамі асабістага культу вымалёўваецца іншая сітуацыя. Крыжыкі, якія сустракаюцца ў пахаваннях XI–XII стст. на тэрыторыі Беларусі, часта ўваходзяць у склад караляў ці выконваюць ролю падвесак, што знаходзяцца на адной нізцы з зааморфнымі падвескамі, шумячымі прывескамі і бубеньчыкамі [15, с. 166]. Такая форма адносінаў да крыжа карэнным чынам адрозніваецца ад сучаснай. Гэта дае падставу даследчыкам не заўсёды лічыць пахаванні з крыжамі хрысціянскімі. У такім выпадку крыж інтэрпрэтуецца як паганскі салярны сімвал.

Абвяржэннем такіх довадаў можа быць даследаванне М.А. Макарава, прысвечанае крыжам і абразкам у пахаваннях Белаазер'я і Каргапаля [20, с. 11]. Згодна з яго высновамі, нашэнне крыжоў і паганскіх амулетаў не было ўзаемавыключным, па меншай меры, для сярэдзіны XI– пачатку XII стст. Яны прымацоўваліся да розных частак касцюма, прытым крыж мог знаходзіцца толькі на шыі альбо на грудзях. Знаходкі крыжоў часцей сустракаліся ў пахаваннях XII ст. Але ўжо ў XIII–XIV стст. у безінвентарных пахаваннях з заходняй арыенціроўкай, якія несумненна належалі хрысціянам, крыжы і абразкі не сустракаюцца. Гэты факт вытлумачваецца даследчыкам тым, што пахаванне з крыжамі і абразкамі ажыццяўлялася на самых ранніх этапах далучэння да хрысціянства (сярод неафітаў) і мела на мэце дэманстрацыю свайго пераходу да новай рэлігіі.

Між іншым, патрэбна было б узгадаць вынікі

даследавання, праведзенага шведскай даследчыцай А.С. Грёслунд па пытанню ролі жанчыны ў хрысціянізацыі Швецыі. Сярод высноў – перавага наяўнасці крыжыкаў у пахаваннях жанчын і дзяцей, што дае магчымасць сцвярджаць, што жаночае насельніцтва было больш успрымальным да ўплываў хрысціянізацыі [42, с. 313–329]. Падобныя высновы ўтрымліваюцца і ў даследаваннях М.А. Макарава [20, с. 16].

Зыходзячы з вышэйсказанага, можна адзначыць, што знаходкі крыжоў і абразкоў у пахаваннях не даюць магчымасці падзяліць пахаванні XI–XII стст. на хрысціянскія і паганскія і прасачыць паступовыя змены суадносінаў хрысціян і язычнікаў у старажытнарускім грамадстве. Аднак на ранніх этапах хрысціянізацыі дадзены элемент выступае ў якасці аднаго з найважнейшых паказчыкаў хрысціянскага пахавання і дэманструе карэнныя зрухі ў тагачаснай рэлігійнай сітуацыі.

Яшчэ адным элементам хрысціянскага пахавання прынята лічыць скрыжаванае на грудзях становішча рук. Яго навукоўцы звязваюць з уплывам хрысціянства, а іншае становішча рук характарызуюць як паганскае [22, с. 46]. Аднак даследчыца гарадскога пахавальнага абраду XI–XVI стст. Т.Д. Панова, прааналізаваўшы мініяцюры Ліцавога Зводу XVI ст., прыйшла да высновы, што на той час не існавала адзінага канона выяўлення рук пахаваных, адпаведна, можна выказаць здагадку, што такіх правілаў не існавала і пры пахаванні. Такую ж асаблівасць абраду можна дапусціць і для часу, які папярэднічаў XVI ст. Становішча рук само па сабе не сведчыць аб недастатковай ступені хрысціянізацыі дадзенай мясцовасці.

Апошнім крытэрыем хрысціянскага пахавання, які мы разгледзім, з’яўляецца безінвентарнае пахаванне. У хрысціянскім светапоглядзе асабліва падкрэсліваецца думка аб тым, што пры пераходзе ў вечнае жыццё чалавек нічога не можа ўзяць з сабой [3, с. 856]. Таму хрысціянскія пахаванні павінны быць сціплымі, бо пры пераходзе ў вечнае

жыццё чалавек не зможа з сабой нешта ўзяць з гэтай зямлі і папросту не будзе мець там у гэтых рэчах патрэбу.

На гэтай тэзе зыходзяцца многія навукоўцы. Аднак тут варта ўзгадаць меркаванне польскага даследчыка А. Каперкевіча аб тым, што хрысціянскае раннесярэднявечнае пахаванне магло ўтрымліваць пэўную колькасць бытавых прадметаў, прытым не малую. Яны не прызначаліся для карыстання нябожчыкам у вечным жыцці, а маглі складаць частку «сакральнага спектакля, паўтарэння жыцця Ісуса, у якім жалобніцы-акторкі выкарыстоўвалі шмат пахавальных дароў» [40, с. 286]. У якасці такіх дароў маглі выступаць звычайныя прадметы: верацяно – сімвал працягласці жыцця, ці Марыін сімвал, меч – сімвал Слова Божага, вагі – сімвал смерці і суду і г.д.

Такі элемент пахавання, як малалікасць інвентару, можа служыць дадатковым паказчыкам, характарызуючым пахаванне і дазваляючым развіць інтэрпрэтацыю пэўнага пахавання, але не можа выступаць адназначным паказчыкам хрысціянскага характару таго ці іншага пахавання.

Калі прааналізаваць разгледжаны вышэй матэрыял, то можна заўважыць, што адны крытэрыі хрысціянскага пахавання з'яўляюцца больш «надзейнымі» індыкатарамі, другія – менш. З улікам гэтай якасці намі былі выдзелены тры групы старажытных пахаванняў, да якіх могуць быць аднесены пахаванні на тэрыторыі Беларусі.

Першую групу складаюць пахаванні ў храмах, на прыцаркоўнай ці асвечанай тэрыторыі. Да іх ліку таксама можна аднесці гарадскія і вясковыя пахаванні, якія ўтрымліваюць прадметы хрысціянскага культу ці надмагільныя крыжы. Гэтыя прыкметы (іх можна назваць безумоўнымі ідэнтыфікатарамі) з'яўляюцца найбольш прыдатнымі для таго, каб лічыць пахаванне верагодна хрысціянскім.

Да другой групы адносяцца пахаванні, у якіх мае месца спалучэнне так званых комплесных прыкметаў, гэта значыць інгумацыі, арыентацыі цела нябожчыка галавой на захад, скрыжаванага становішча рук, наяўнасці труны. Гэтыя

прыкметы мы ўмоўна назвалі комплекснымі, паколькі яны ў моц падвоенай інтэрпрэтацыі іх даследчыкамі не здольныя выступаць у якасці самастойных індыкатараў хрысціянскага пахавання. Толькі ў сумесным спалучэнні і з улікам этнічнага і сацыяльна-культурнага кантэксту пахаванні з дадзенымі прыкметамі мы можам аднесці да хрысціянскіх.

Трэцюю групу хрысціянскіх пахаванняў мы назвалі ўмоўнай. Да іх ліку адносяцца крэмацыйныя пахаванні. Як было прадстаўлена вышэй, сярод пахаванняў па абраду крэмацыі маглі быць і хрысціянскія, аднак іх даследаванне з мэтай вырашэння пытання іх рэлігійнай прыналежнасці, на жаль, з'яўляецца складанай задачай, бадай што не вырашальнай. Магчыма, аналіз пахавальнага інвентару зможа даць пэўныя адказы на гэтыя пытанні.

Такім чынам, для тэрыторыі Беларусі можна вылучыць крытэрыі хрысціянскага пахавання, якія грунтуюцца на царкоўных канцэпцыях і дагматах, а таксама высновах гісторыка-археалагічных даследаванняў. Яны дазваляюць ідэнтыфікаваць старажытнае пахаванне як хрысціянскае. Прапанаваная намі класіфікацыя хрысціянскіх пахаванняў паводле ступені верагоднасці хрысціянскіх прыкметаў адкрыта для далейшага развіцця і з'яўляецца першым крокам да стварэння ўніфікаванага алгарытму, паводле якога можна будзе вызначаць рэлігійную прыналежнасць старажытных пахаванняў усходніх славян.

The article gives an insight into the search problem of Christian elements in funeral monuments of X–XIII centuries on the territory of Belarus. Considering the dogmas and fundamental church concepts, the author identifies the features evidencing the Christian nature of ancient burials on the territory of Belarus. The article then explains various approaches of how the researchers of Slavic antiquities interpret such features. The author offers conventional classification of Christian burials of X–XIII centuries on the territory of Belarus according to the degree of Christian nature credibility of their components.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал. Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1: А–К. – 496 с.
2. Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал. Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2: Л–Я. – 464 с.
3. Біблія. Кнігі Святога Пісання (кананічныя, у беларускім перакладзе) / пад рэд. Ю. Рапецкага. – USA, Duncanville: Worldwideprinting, 2002. – 1534 с.
4. Богомольников, В.В. Причины изменения погребального обряда радимичей / В.В. Богомольников // Древности Белоруссии и Литвы: сборник статей. – Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН ЛитССР: науч. ред. Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. – Минск: Наука и техника, 1982. – С. 98–103.
5. Гуревич, Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1962. – 222 с.
6. Дучыц, Л.У. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.: гіст.-археал. нарыс / пад рэд. Г.В. Штыхава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.
7. Еп. Семенов-Тянь-Шаньский, А. Православный катехизис / Епископ А. Семенов-Тянь-Шаньский // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/s/swift/semen_00.html. – Дата доступа: 20.07.2012.
8. Завитневич, В. Область Дреговичей как предмет археологического исследования / В. Завитневич // Труды Киевской духовной академии. – Вып. 2. – 1886. – Кн. 8. – С. 569–603.
9. Заяц, Ю.А. Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материалам археологии) / Ю.А. Заяц // Тэзісы навуковай канфэрэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі. – Мінск, 1992. – С. 21–22.
10. Зверуго, Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я.Г. Зверуго. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 207 с.
11. Каробушкіна, Т. Насельніцтва Беларускага Пабужжа X–XIII ст. / Т. Каробушкіна. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 128 с.
12. Карпов, А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. / А.В. Карпов. – СПб.: Алетейя, 2008. – 184 с.
13. Катехизис католической церкви. Компендиум / под ред. П. Карпова, О. Сахарова. – Москва: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. – С. 111.
14. Католический обряд погребения усопших // Служба памяти. Помощь важнее слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.0710.ru/interment/advices/Katoliki. – Дата доступа: 20.07.2012.
15. Квятковская, А.В. Ятвяжские могильники Беларуси конца XI–XVII вв. / А.В. Квятковская. – Вильнюс: «Diemedzio» leidykla, 1998. – 206 с.

16. Конецкий, В.Я. Древнерусский грунтовый могильник в поселке Деревяницы около Новгорода / В.Я. Конецкий // Новгородский исторический сборник. – 1984. – № 12. – С. 62–79.
17. Конецкий, В.Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли / В.Я. Конецкий // Археологическое исследование Новгородской земли. – Ленинград, 1984. – С. 167.
18. Левкиевская, Е.Е. Гора / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1 / под ред. Н.И. Толстого. – Российская АН ИсиБ. – Москва: Международные отношения, 1995. – С. 520–521.
19. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 244 с.
20. Макаров, Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополя) / Н.А. Макаров // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 205. – Москва: Наука, 1991. – С. 11–20.
21. Моця, А.П. Трупосожжение и трупоположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда / А.П. Моця // Славяне и Русь. – Киев, 1979. – С. 115–122.
22. Мусин, А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности / А.Е. Мусин. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. – 272 с.
23. Недошивина, Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI–XIII вв. / Н.Г. Недошивина // Средневековая Русь. – Москва: Издательство «Наука», 1976. – С. 49–52.
24. Недошивина, Н.Г. Погребальный обряд Тимеревского могильника / Н.Г. Недошивина, М.В. Фехнер // Советская археология. – 1985. – № 2. – С. 101–115.
25. Пивоваров, С. Християньскі старожітності в мижиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра / С. Пивоваров. – Чернівці: Зелена Буковина, 2001. – 152 с.
26. Православный обряд погребения // Гранитная мастерская. Изготовление надгробий из гранита «Русгранит» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stela.ws/articles/pravoslavnyi-obryad-pogrebeniya.html. – Дата доступа: 20.07.2012.
27. Протоиерей Соколов, В. Смерть, похороны, отпевание – традиции и практика православных христиан / Протоиерей В. Соколов // Голубинский Евгений Евсигнеевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:www.golubinski.ru/katehizis/requiem.htm. – Дата доступа: 20.07.2012.
28. Рапов, О.М. Русская церковь в IX–первой трети XII вв. Принятие христианства / О.М. Рапов. – Москва: Русская панорама, 1998. – 416 с.
29. Рыбаков, Б.А. Древности Чернигова / Б.А. Рыбаков // Материалы и исследования по археологии. – 1949. – № 11. – С. 19.

30. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – Москва: Издательство «Наука», 1987. – 537 с.
31. Рыер, Я. Старажытнарускія курганы / Я. Рыер // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1985. – № 3. – С. 35–36.
32. Самоквасов, Д.Я. Могилы Русской земли: Описание археологических раскопок и собрание древностей профессора Д.Я. Самоквасова / Д.Я. Самоквасов. – Москва: Синодальная типография, 1908. – 277 с.
33. Св. Дамаскин, И. Восток / Св. И. Дамаскин // Азбука веры. Православное общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/03/vostok.shtml. – Дата доступа: 22.07.2012.
34. Седов, В.В. Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (погребальный обряд) / В.В. Седов // Археология и история Пскова и Псковской земли: тезисы докладов научной конференции. – Псков, 1988. – С. 49.
35. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – Москва: Издательство «Наука», 1982. – 328 с.
36. Соловьева, Г.Ф. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI–XIII вв. / Г.Ф. Соловьева // Советская археология. – 1963. – № 2. – С. 95–106.
37. Соловьёва, Г.Ф. Погребальные обряды / Г.Ф. Соловьёва // САИ. – Вып. 11–12. – 1962. – С. 50–73.
38. Шмидт, Е.А. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству / Е.А. Шмидт // Древности славян и Руси. – Москва: Наука, 1988. – С. 91–97.
39. Штыхаў, Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак кургаоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў; пад рэд. М.А. Ткачова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
40. Koperkiewicz, A. Wczesnośsredniowieczne dary grobowe w kontekście symboliki chrześcijańskiej / A. Koperkiewicz // Do, ut, des- dar, pochówek, tradycja. Funeralia lednickie, spotkanie 7; red. Wojciech Dzieduszycki, Jacek Wrzesiński. – Poznań, 2005. – S. 269–291.
41. Rębkowski, M. Chrystijanizacyja Pomorza Zachodniego. Studium archeologiczne / M. Rębkowski. – Szczecin, 2007. – 278 s.
42. Wołoszyn, M. Czy kobiety szybciej i chętniej niż mężczyźni ulegały christianizacji? / M. Wołoszyn // Kobieta – Śmierć – Mężczyzna. Funeralia lednickie, spotkanie 5; red. Wojciech Dzieduszycki, Jacek Wrzesiński. – Poznań, 2003. – S. 81–92.

Навуковы кіраўнік – **Г.М. Семянчук***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 638.1(476.7)

УДК 94(438)

Antonina Lisiecka
(Kraków, Uniwersytet Jagielloński)

PODZIEMNY KRAKÓW W PODZIEMNYM MUZEUM. HISTORIA DLA TURYSTÓW, CZYLI JAK WYKORZYSTANO ODKRYCIA WYKOPALISK ARCHEOLOGICZNYCH

Автор статьи сконцентрировал внимание на процессе создания подземного музея в Кракове. Музей представлен в контексте открытий по итогам проведенных археологических исследований. Акцент поставлен на определение того, как совмещаются научные, коммерческие и выставочные интересы и взгляды. Затрагивается вопрос, касающийся возможности представить историю на примере «подземного рынка» так, чтобы он стал туристическим объектом.

Muzeum mieszczące się na Rynku Głównym 1, a dokładnie cztery metry pod płytą rynku, powstawało kilka lat. Inicjatywę tę wspierało i tworzyło Muzeum Historyczne Miasta Krakowa oraz prezydent miasta Jacek Majchrowski. Realizacji projektu oraz poprzedzającym go pracom archeologicznym towarzyszyło wiele niedomówień oraz zamieszanie w prasie. Końcowy efekt, czyli wystawa i szlak po ekspozycji *Śladem europejskiej tożsamości Krakowa,* zazwyczaj przedstawiany jest w materiałach reklamowych i turystycznych jako wizytówka miasta, ważny element kształtowania tożsamości narodowej i lokalnej oraz projekt wyjątkowy na skalę europejską, ze względu na swoją muzeologiczną innowacyjność[1].

W moim wystąpieniu chciałabym skoncentrować się na procesie powstawania muzeum, przedstawiając go w kontekście wykorzystania odkryć prac archeologicznych na rzecz wystawy. Zamierzam zaakcentować, jak nachodzą tu na siebie różne wymiary: naukowy, wystawienniczy, wreszcie – komercyjny.

[1] Tak o podziemnym muzeum informatory, foldery turystyczne, przewodniki, a także serwisy internetowe, por.http://podroze.gazeta.pl/podroze/1,114158,8354864,Krakow_na_weekend__Co_zwiedzic_w_Krakowie_w_ciagu.html, http://www.krakowlife.pl/761-Podziemia_Rynku_Glownego-Muzeum, 06.03.2012r.

Ponadto „Podziemia Rynku” można uznać za trafny przykład użycia i przedstawienia historii tak, by zyskała miano atrakcji turystycznej.

Pod ziemią

Plan gruntownej renowacji nawierzchni krakowskiego Rynku Głównego, który zakładał wcześniejsze sondażowe badania archeologiczne dał początek drodze w kierunku muzeum[2]. Podczas badań w latach 2003-2004 prowadzonych przez zespół Emila Zaitza odkryto cenne z punktu widzenia archeologicznego fundamenty średniowiecznych budowli – m.in. mury Wielkiej Wagi, Kramy Bogate. W 2004 roku przystąpiono do prac modernizacyjnych płyty głównej rynku, a równolegle do nich przeprowadzano kolejne badania archeologiczne, niezależne od wcześniejszych badań sondażowych. Ich celem było rozpoznanie historii zabudowy przedlokacyjnej i średniowiecznej oraz udokumentowanie historii formowania nasypów kulturowych. Autorami koncepcji renowacji płyty Rynku Głównego wraz z infrastrukturą podziemną byli profesorowie arch. Aleksander Böhm, Andrzej Kadłuczka, Wiktor Zin(w latach 2004-2005 projekt oparty na podstawie planów budowlanych prof. Kadłuczki był realizowany we współpracy z jego pracownią „Archecon”)[3].

Czas trwania wykopalisk i prac renowacyjnych znacznie się przeciągnął – miało to wpływ zarówno na mieszkańców, jak i turystów: rozkopany rynek zmniejszał atrakcyjność turystyczną miasta, a utrudnienia w codziennym przemieszczaniu się po starym mieście boleśnie odczuli krakowianie.

Wykopaliska prowadzone w latach 2005-2010 objęły przede wszystkim wschodnią ścianę Rynku Głównego – powstały dwa główne wykopy, jeden po południowej stronie Sukiennic przy ulicy Brackiej, a drugi po stronie północnej – wylocie ulicy Świętego Jana. W badania zaangażowani byli pracownicy Muzeum Archeologicznego w Krakowie, liczne zespoły badawcze,

[2] Za: E. Zaitz, *Sprawozdanie z badań archeologicznych prowadzonych w Krakowie w 2004 roku przy przebudowie nawierzchni płyty Rynku Głównego po zachodniej stronie Sukiennic*, „Materiały Archeologiczne” 2006:36, s. 79-99.

[3] Por http://www.archecon.pl/, 7.03.2012.

specjaliści rozmaitych dziedzin, oraz różni wykonawcy – do 2007 roku projekt wykonywała Pracownia Archeologiczno-Architektoniczna „Niegoda" z Wrocławia, a następnie, w okresie 2007-2010, „Konsus" – Pracownia Dokumentacyjno-Badawcza Sławomir Dryja z Zabierzowa. W pracach brali także udział studenci i pracownicy Politechniki Krakowskiej, Uniwersytetu Jagiellońskiego, Uniwersytetu Rzeszowskiego, a także Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały (dr Henadzi Semianchuk)[4]. Kierownikiem tego interdyscyplinarnego zespołu był dr Cezary Buśko.

Wykopaliska obfitowały w liczne odkrycia: natrafiono na mury średniowiecznych budowli handlowych, fundamenty Wielkiej Wagi i Małej Wagi, mury Kramów Bogatych i Bolesławowych, relikty zrębowych chat przedlokacyjnych, mury renesansowego i gotyckiego Ratusza. Nienaruszony bochen ołowiu z pieczęciami Władysława Łokietka stanowił odkrycie i ewenement na skalę europejską. Ponadto wydobyto liczne fragmenty traktów drożnych z drewnianymi krawężnikami, wodociągi drewniane, wiele artefaktów stanowiących świadectwa handlu i życia codziennego: pierścionki, szklaną biżuterię, monety, naczynia ceramiczne, wagi i odważniki, piony i kości do gier, duże ilości wyprawionej skóry, zabawki. Odsłonięto także kości i XI-wieczne pochówki rozległego wczesnośredniowiecznego cmentarza, zachowało się też ich wyposażenie: drewniane trumny, kabłączki skroniowe (niektóre srebrne), koraliki. Oprócz nawarstwień kulturowych, natrafiono na poniemiecki przeciwpożarowy zbiornik na wodę z 1944 roku, dzięki czemu powstała kolejna przestrzeń do wykopalisk. Aby wszechstronnie i kompleksowo opracować znalezione artefakty stworzono interdyscyplinarną ekipę, złożoną ze specjalistów różnych dziedzin. Współpracujący ze sobą archeolodzy, historycy, antropolodzy, historycy sztuki, botanicy i geolodzy, mieli za zadanie dokonać rekonstrukcji życia codziennego mieszkańców średniowiecznego Krakowa na podstawie wiedzy wzbogaconej odkryciami wykopalisk

Pracom i odkryciom towarzyszyła ich dokumentacja,

[4] E. Firlet, P*odziemia Rynku Głównego w Krakowie – od eksploracji do trasy turystyczne*j, „Krzysztofory" 2010:28, t.1, 11-42.

przedstawiana szerszej publiczności w postaci sprawozdań i publikacji w czasopismach specjalistycznych oraz wystaw i ekspozycji czasowych prezentujących odkopane artefakty. W 2005 roku w Muzeum Archeologicznym w Krakowie można było oglądać wystawę „Badania archeologiczne na Rynku Głównym w Krakowie w 2004 roku", zaś w 2007 na Rynku Głównym w Krakowie zaprezentowano „Podziemia Rynku Głównego". Muzeum Historyczne Miasta Krakowa też organizowało podobne działania, zazwyczaj w Pałacu Krzysztofory m.in. w 2008 roku ekspozycję „Lokacja Krakowa. Przeszłość-teraźniejszość-przyszłość".

W stronę muzeum

Pomysł na zagospodarowanie podziemi Rynku nie był na początku oczywisty. Oprócz silnej opcji muzealnej, istniała także propozycja komercyjna – krakowscy biznesmeni chcieli na terenie Kramów Bogatych utworzyć podziemną galerię handlową. Plany te wzbudziły ogólne oburzenie i sprzeciw historyków oraz konserwatorów zabytków, więc z nich zrezygnowano. Zamieszanie wokół wykopalisk jednak nie ucichło – wielu krakowskich historyków sztuki, konserwatorów i archeologów krytykowało szybkie tempo prowadzenia badań. W krakowskich gazetach ukazywały się artykuły przeciwników wykopalisk, opublikowano także list otwarty profesora Wiktora Zina do radnych Miasta Krakowa, gdzie działania wykonawców nazwano „zbrodnią archeologiczną"[5]. Wiosną 2006 rokuna obszarze wykopalisk pojawili się prokuratorzy, a wojewódzki inspektor nadzoru budowlanego wstrzymał prace, tymczasowo uznając je za nielegalne (pod zarzutem, że wykopalisko było źle zabezpieczone, a wykopana dziura większa, niż przewidywało pozwolenie na budowę). Sprawa ta została również wciągnięta do politycznych przepychanek: podczas konferencji we wrześniu 2006 minister Zbigniew Ziobro, odwołując się do protestów i „zbrodniarcheo logicznej", atakował prezydenta Majchrowskiego i postulował zaniechania prac archeologicznych.

By ukrócić wszelkie kontrowersje, w 2007 roku prezydent

---

[5] List jest także opublikowany w Internecie, adres strony podany w literaturze.

Majchrowski zapowiedział, że pod płytą Rynku za miejskie pieniądze powstanie ekspozycja opisująca średniowieczny Kraków jako muzealny oddział Muzeum Historycznego Miasta Krakowa. W lutym 2007 roku powołano zespół ekspercki ds aranżacji i ekspozycji reliktów archeologicznych na Rynku Głównym w Krakowie, którego prace koordynował prof. Ireneusz Płuska (Płuska koordynował także prace konserwatorskie w podziemiach – zarówno znalezionych obiektów, jak i zabytkowych struktur podziemnych – *in situ*). W efekcie pod koniec 2007 roku ogłoszono opracowany projekt budowlano-architektoniczny dla adaptacji podziemi Rynku i Sukiennic na nowoczesne muzeum (pod kierunkiem prof. arch. Andrzeja Kadłuczki) Projekt ten został zatwierdzony przez Wojewódzką Radę Ochrony Zabytków w 2008 roku.

Natomiast prace wykopaliskowe zostały wznowione latem 2007 roku (po ponad roku od ich wstrzymania), lecz natrafiły wówczas na nowe przeszkody – okazało się, że znaleziska porosła pleśń. Walka z pleśnią i grzybem trwała ponad trzy lata, łączyła się z dużymi wydatkami na specjalne urządzenia do monitorowanie poziomu wilgotności, systemy wentylacyjne, klimatyzację[6].

Od 2008 głównym celem stało się zbudowanie i merytoryczne opracowanie trasy turystycznej. Swoją koncepcje przedstawili pracownicy Muzeum Historycznego Miasta Krakowa pod kierunkiem dyrektora Michała Niezabitowskiego, jednakże w rezultacie ich programy aranżacyjno-wystawiennicze nie zostały zrealizowane[7]. Przy opracowaniu oraz realizacji

[6] Więcej o walce z grzybem w regularnych relacjach prasowych – specjalnej kronice „Gazety Krakowskiej", artykuły w Internecie: http://www.gazetakrakowska.pl/artykul/262303,muzeum-pod-rynkiem-z-wilgocia-i-grzybem,id,t.html, 7.03.2012.

[7] Szczegóły koncepcji opisuje Ewa Firlet – dowiadujemy się, że podziemna przestrzeń miała być podzielona na 23 strefy, pojawiające się kolejno na trasie zwiedzania. Dla każdej przewidziany był odrębny program aranżacyjny, wystawienniczy, uwzględniając walory historyczne, kulturowe, kompozycyjne, funkcjonalno-komunikacyjne podczas zwiedzania. Koncepcja funkcjonalno-przestrzenna ekspozycji dla trasy turystycznej podzielona na 4 części ze względu na jej historyczne przemiany przestrzeni centrum miasta i jego funkcje

merytorycznej części szlaku turystycznego brała udział pracownia „ARCHEOLOGIA B.C" (dra C. Buśko, ta sama, która realizowała wcześniej badania archeologiczno-architektoniczne).

W rezultacie 24 września 2010 otwarto trasę turystyczną w postaci stałej ekspozycji pod nazwą: *Śladem europejskiej tożsamości Krakowa – szlak turystyczny po podziemiach Rynku Głównego*. Autorem projektu architektonicznego jest prof. Andrzej Kadłuczka, a autorzy scenariusza wystawy to: M. Pietusz, T. Salwierz, M. Bielawski. Obok głównego inwestora – ZIKiT ok. 30% projektu współfinansowała Unia Europejska ze środków Europejskiego Funduszu Rozwoju Regionalnego w ramach Programu Operacyjnego Innowacyjna Gospodarka 2007-2013.

A w muzeum…

Celem wspomnianej wystawy jest ukazanie związków łączących średniowieczny Kraków z innymi ośrodkami europejskimi oraz oddanie realiów i atmosfery średniowiecznego Rynku krakowskiego. Muzeum można uznać za sukces od strony organizacyjnej i technicznej: otwarte cały tydzień od 10.00 do 22.00 (krócej w poniedziałki – do 20.00 i wtorki – do 16.00), oferuje m.in. udogodnienie w postaci możliwości zarezerwowania biletów on-line. Wejścia na ekspozycję odbywają się co 15 minut, a przy jednym wejściu można wpuścić maksymalnie 30 osób. Jest to uwarunkowane względami bezpieczeństwa, specyficzną podziemną lokalizacją, a także dbałością o komfort zwiedzających. Organizatorzy proponują trzy trasy zwiedzania (A, B, C) różniące się czasem poświęconym na poszczególne stanowiska (45, 60 lub 120 minut). Na mapie podziemi wyznaczono 18 punktów trasy zwiedzania, które tworzą porządek orientacyjno-tematyczny.

---

1. Rezerwat architektoniczno -archeologiczny (E. Firlet)
2. Rekonstrukcje wirtualne i fizyczne historycznej przestrzeni architektoniczno-urbanistycznej Rynku (M. Marek, P. Opaliński)
3. Handel Krakowa w XIII-XVIII w (D. Lulewicz)
4. Forum Polonorum – rynek krakowski w dziejach narodu polskiego (Ł. Walas)

Za: E. Firlet, P*odziemia Rynku Głównego w Krakowie – od eksploracji do trasy turystyczne*j, „Krzysztofory" 2010:28, t.1, 11-42.

Wytyczono także część komercyjną w postaci kawiarni i sklepiku z pamiątkami.

Jak możemy przeczytać z folderów reklamowych, podziemne muzeum oferuje nam 700 zabytków archeologicznych, 500 elektronicznych odwzorowań zabytków, 600 rekonstrukcji cyfrowych 3D, 30 stanowisk multimedialnych, 25 ekranów plazmowych, 27 projektorów multimedialnych, 98 głośników, 150 audiobooków… Trzeba przyznać, że multimedia idą tu w parze z multisensorycznością, warstwa audiowizualna oddziałuje na zmysły i pobudza wyobraźnię. Oprócz tego, że sama przestrzeń jest eksponatem, wystawione w gablotach bruki, rekonstrukcje (np. pracowni kowala) czy fragment cmentarza łączą się z trójwymiarowymi hologramowymi miniaturami budynków np. ratusza miejskiego, a także licznymi stanowiskami interaktywnymi, ekranami, wizualizacjami. Zwiedzaniu towarzyszy półmrok, gwar średniowiecznego miasta, gra kolorowych świateł. Gabloty z niewielkimi eksponatami np. biżuterią dopełniają ekrany dotykowe – gdzie można z bliska przyjrzeć się zdjęciom prezentowanych obiektów, oraz przeczytać ich opisy. Stanowiska interaktywne, takie jak gra w wykopaliska w postaci stołu-ekranu dotykowego czy projekcje filmów są dobrym sposobem minimalizowania zmęczenia muzealnego u zwiedzających.

Historia zaprezentowana w nowoczesnych formach realizuje także zamiar wystawy jakim jest przełamywanie bariery między eksponatem a zwiedzającym. Jak bowiem wielokrotnie podkreślali zaangażowani w powstawanie muzeum, zarówno prezydent miasta Jacek Majchrowski, jak i dyrektor MHMK Michał Niezabitowski, jednym z celów tego projektu było nawiązanie dialogu z odbiorcą: „To ma być projekt wyjątkowy. Przy zastosowaniu nietuzinkowych rozwiązań chcemy odejść od tradycyjnie pojmowanej idei muzealnictwa dziewiętnastowiecznego. W podziemiach Rynku nie będzie bariery pomiędzy zwiedzającym a eksponatem”[8].

---

[8] Wypowiedź cytowana w wielu artykułach na temat muzeum, tu za: http://www.mmkrakow.pl/343961/2010/3/30/podziemny-rynek-pokaze-sie-w-noc-muzeow?category=news, 7.03.2012.

Podsumowanie

Kontrowersje wokół budowy podziemnego muzeum odeszły już w zapomnienie, a wystawa cały czas cieszy się popularnością, choć kolejki w porównaniu do 2010 roku są znacznie mniejsze. „Podziemia Rynku" stanowią dobry sposób promocji Krakowa i wpisały się na stałe na listę atrakcji turystycznych miasta. Ponadto są przykładem wykorzystania nowoczesnych technologii badawczych w archeologii oraz innowacyjnych rozwiązań wystawienniczych, a tym samym stanowią krok w stronę nowoczesności, a także wyzwanie dla muzealników.

Obok entuzjastów ekspozycji są także jej krytycy, dla których muzeum stanowi swoiste symulakrum - sztucznie utworzony świat, będący jedynie imitacją dawnych realiów, a jednocześnie zapewniający nas o swojej autentyczności, kuszący „przeniesieniem się" do minionej rzeczywistości (symbolicznie: od samego zjazdu windą w dół czy wejścia przez ścianę wirtualnego błota). Dodatkowo ten efekt uzyskany został za pomocą nowoczesnych technik i narzędzi. Znaki XXI wieku są wszechobecne, a w tym gąszczu ekranów i wizualizacji gdzieś gubi się 700 obiecywanych w ulotce zabytków.

Śladem europejskiej tożsamości Krakowa to widowiskowa, imponująca ekspozycja, pełna bodźców dla naszych odczuć estetycznych, wywołująca pewien nastrój, uposażająca zwiedzającego we wrażenia, ale już niekoniecznie w wiedzę. „Podziemia Rynku" reprezentują ten rodzaj muzeum, który odpowiada na eskapistyczne potrzeby zwiedzających, a także oferują zwiedzanie jako pewien rodzaj przygody, podczas gdy sama prezentacja eksponatu wydaje się mniej istotna od jej entourage'u. Jednakże przede wszystkim muzeum to jest tryumfem innowacyjności i techniki, przykładem wykorzystania efektów wieloletnich prac archeologów w taki sposób, by z towarzyszącą im narracją historyczną przedstawiały się jako atrakcyjny multimedialny spektakl przyciągający turystów.

The article focused on the process of building an underground museum in Krakow. Museum presented in the context on the basis of findings of archaeological research.

Bibliografia

1. *Adaptacja podziemi Rynku Głównego w Krakowie*, oprac. E. Hardt, „Renowacje i zabytki" 2007: 4, s. 13-24.
2. Bereza W., Kaczmarczyk S., *Podziemia Rynku Głównego – założenia początkowe*, „Renowacje i zabytki" 2007: 3, s. 24-31
3. Bereza W., Kaczmarczyk S., *Podziemia Rynku Głównego – uzupełnienie założeń*, „Renowacje i zabytki" 2007: 3, s.32-27
4. Buśko C., *Wstępne wyniki badań archeologiczno-architektonicznych prowadzonych na Rynku Głównym w Krakowie w 2005-2006 roku,* „Wiadomości konserwatorskie" 2006: 19, s. 67-70.
5. Firlet E, P*odziemia Rynku Głównego w Krakowie – od eksploracji do trasy turystyczne*j, „Krzysztofory" 2010:28, t.1, 11-42.
6. Płuska I., *Podziemia Rynku Głównego – ekspozycja dla muzeum,* „Renowacje i zabytki" 2007: 3, s. 38-46.
7. Rydzewski J. *Badana wykopaliskowe we wschodniej części Rynku Głównego w Krakowie. Dlaczego nie kopiemy?*, „Materiały Archeologiczne" 2006:XXXVI, s. 279-281.
8. Zaitz E., *Badania archeologiczne w Sukiennicach i na Rynku Głównym w Krakowie*, „Krzysztofory" 2010:28, t.1, s. 199-254
9. Zaitz E., *Sprawozdanie z badań archeologicznych prowadzonych w Krakowie w 2004 roku przy przebudowie nawierzchni płyty Rynku Głównego po zachodniej stronie Sukienni*c, „Materiały Archeologiczne" 2006:XXXVI, s. 79-99.

Strony internetowe

1. http://podziemiarynku.com/, 7.03.2012.
2. http://www.cezarybusko.pl/, 7.03.2012.
3. http://www.archecon.pl/, 7.03.2012.
4. http://www.forum-turystyczne.pl/q/fo_id,152862,,,krakow_podziemne_muzeum_pod_rynkiem_bed zie_kolejna_atrakcja_turystyczna.html, 06.03.2012.

Artykuły w prasie – wydania internetowe

1. http://www.gazetakrakowska.pl/artykul/262303,muzeum-pod-rynkiem-z-wilgocia-i-grzybem,id,t.html, 7.03.2012.
2. http://krakow.gazeta.pl/krakow/1,35812,8418773,Podziemne_muzeum__Od_wielkiej_dziury_do_laserow.html, 7.03.2012.
3. http://krakow.gazeta.pl/krakow/1,42699,3667531.html, 7.03.2012.
4. http://krakow.super-nowa.pl/a.191.Buduja_podziemne_miasto_KZ.html, 7.03.2012.
5. http://www.mmkrakow.pl/343961/2010/3/30/podziemny-rynek-pokaze-sie-w-noc-muzeow?category=news, 7.03.2012.

Dokument z listem otwartym prof. Wiktora Zina

1. https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:12Z_yOGMfTIJ:www.boleslawkosior.fr.pl/dane/interpelacje2/Info.doc+&hl=pl&gl=pl&pid=bl&srcid=ADGEESglna20T96c_f2x7qSNxDdpWRarwHPB94nRCF4Qpaw2_JIpzKO8h26eDxcMjNVvi73KD-j3IWEzXlyXvEqcfDxK6do6c7EwTskhTT95OHmyIVasz91deuFEdLC76UHHkgyHnHqo&sig=AHIEtbRslpLWIlRmuUHackC72IMyvwAd-g, 7.03.2012.

В.І. Сечка
(Пінск, ПалесДУ)

КАЛОДНАЕ ПЧАЛЯРСТВА – НАРОДНЫ ПРОМЫСЕЛ ПАЛЕШУКОЎ

В статье исследуется эволюция колодного пчеловодства как одного из важнейших промыслов полещуков. Показываются преимущества колодного пчеловодства над бортным и даже в некоторых случаях над рамочным. Доказано, что ульи-колоды не изжили себя и могут рентабельно использоваться в современных условиях.

Цяжка вызначыць, калі на зямлі з'явіліся пчолы. Іх акамяненні знойдзены яшчэ ў пластах мелавога перыяду, узрост якога складае некалькі мільёнаў гадоў.

Пры якіх абставінах адбылося знаёмства чалавека з пчоламі, зараз можна толькі здагадвацца. Ён мог знайсці іх на паваленым ветрам дрэве, дзе знаходзілася дупло з мёдам. Мог, назіраючы за прыродай, заўважыць дупло пчол і ў сілу сваёй цікаўнасці паглядзець, што там. Аднак усё гэта з'яўляецца толькі тэорыяй. Без сумнення толькі адно – гэтае знаёмства адбылося выпадкова. І вось менавіта з гэтага моманту яно стала неад'емнай часткай гаспадарчай дзейнасці чалавека.

Пчалярства з даўніх часоў было добра вядома старажытным славянам. Некаторыя навукоўцы лічаць, што пчалярства славянам стала вядома ў VII–VIII стст. Вялікі матэрыял па пчалярству знаходзіцца ў вуснай народнай творчасці беларусаў. Слова «борціць», напрыклад, у сэнсе выраблядь борць, дайшло да нас з народнай песняй палешукоў.

Адсюль вынікае, што першапачатковай формай пчалярства, якую ведалі нашы продкі, з'яўляецца бортніцтва.

Бортніцтва – старажытнейшы промысел і першапачатковая форма культурнага пчалярства, якая была заснавана на ўтрыманні і развядзенні пчол у борцях, прыстасаваных для гэтай мэты прыродных ці спецыяльна выдзеўбаных дуплах дрэваў, такіх як хвоя, ліпа, дуб, асіна. Гэтая галіна развівалася з дзікага пчалярства. На працягу стагоддзяў

бортніцтва задавальняла патрэбы ўсходніх славян у мёдзе і іншых прадуктах жыццядзейнасці пчол – воск, прапoліс.

Бортніцтва выпрацавала сваю тэхналогію ўтрымання і догляду пчол, адмысловую тэхніку вырабу борцяў, бортных прылад і прыстасаванняў (барта, зубель, лязіва, медарэз, пешня, ройніца, сікаўка, сітак), посуду для захоўвання і транспарціроўкі мёду (берацень, кадоўб, кузьня, лазьбень, ліпаўка, ліпечня, ручка), а таксама сродкі для аховы борцяў (подкур, самабітка, оспы – вострыя дубовыя і металічныя штыры, якія забівалі пад борцю, каб перашкодзіць мядзведзю дабірацца да пчол).

Як самастойны від ляснога промыслу бортніцтва прайшло 3 этапы развіцця: ахова і догляд дзікіх пчол у знойдзеных дуплах, свядомае ўтрыманне аселенага рою ў прыстасаваных пад борці натуральных дуплах, развядзенне і ўтрыманне рою ў спецыяльна зробленых борцях.

Другая галіна пчалярства – калоднае пчалярства, у ёй шмат агульнага з борцю. Калода – зроблены з суцэльнага кавалка дуплістага дрэва (пераважна хвоі) вулей. Пераход ад борці да калоды на Беларусі пачаўся яшчэ ў XV ст. [1, с. 7].

Якім чынам нашы продкі перайшлі да калоднага пчалярства? Першая калода, без сумнення, была выпілавана з паваленага ветрам бортнага дрэва. Наўрад ці хто з бортнікаў падазраваў, высякаючы з тоўстага камля старую борць, што ён стаіць ля вытокаў новага накірунку ў пчалярстве.

Што ўяўляў сабой новы вулей і чым ён адрозніваўся ад борці? Прынцыпова нічым, канструктыўным існаваннем верхняй крышкі, якая шчыльна закрывала калоду зверху. Калоду накрывалі лістом яловай кары, лубам ці бяростам, затым на яе памяшчалі груз, звычайна дубовую плашку. Найбольш масіўныя калоды рабілі з камля.

Знешні выгляд калод уражвае. Калоды звычайна прапітвалі смалой-жывіцай. Гэта дазваляла захоўваць калоды больш за 100 гадоў. Таксама доўгачасовае захаванне калоды залежала і ад выбару матэрыялу. Пчаляр доўга і карпатліва выбіраў сасну, з якой хацеў высечы калоду. Яна павінна быць

спелай, здаровай, аднак з трухлявай сярэдзінай. Дарэчы, словам «сасна» на беларускіх землях называлі не канкрэтны від хвойнага дрэва, а дрэва з пустой сярэдзінай альбо з пустой борцю. Калі гаворка ішла аб пародзе дрэва, то выкарыстоўвалі слова «хвоя». Аднак перш чым зрэзаць дрэва, патрэбна было вызначыць, ці дрэва не хварэе дравеснай гніллю. Для гэтага пры дапамозе свердзела ды лапаценя з сярэдзіны дрэва даставалі труху. Калі яна была чорнай, сасну забракоўвалі.

Калі пчаляр знаходзіў падыходзячае дрэва, зрэзваў яго, затым распільваў на двухмятровыя кругляшы. І пачыналася карпатлівая праца. Працэс вырабу калоднага вулля практычна не адрозніваўся ад вырабу борці. Выкарыстоўваліся тыя самыя прылады працы і тая самая тэхналогія. Зрабіць калодны вулей было лягчэй, бо ён знаходзіўся на зямлі і не патрэбна было лезці на дрэва. Для вырабу калод выкарыстоўваліся наступныя прылады працы: барта, пешня, цясло, лапацень, свердзел, скабля аднаручная. Спачатку пчаляр з дапамогай спецыяльнага цыркуля размячаў уваход у калоду – доўж, праз які потым даставалі мёд. Ён меў вузкую прадаўгаватую форму і, часцей за ўсё, меў памеры 10-14 Х 45-60 см. Больш устойлівай была вышыня 1,1–1,65 м. Затым з дапамогай барты і пешні пчаляр высякаў камеру. Уваход у вулей шчыльна закрываўся бруском, які называўся доўжань. Зверху на доўжань накладваўся снед – дубовая дошка на двух штырах з правушынамі для затычак. Збоку на калодзе рабілісяляткі трохкутнай, ромбападобнай, авальнай, паўавальнай, штырападобнай і іншай формы. Ляткі – невялікія адтуліны для ўвахода і выхаду пчол з вулля. Спачатку выдоўблівалі невялічкую нішу, у ёй свідравалі дзве скразныя адтуліны. Бакі гэтай нішы выконвалі ролю прылётнай дошкі.

У камеры калоды выдзялялі тры часткі: галаву (ці шапку), дзе знаходзілася пчаласям'я, сярэдзіну, дзе размяшчаліся соты з мёдам, і дно, куды падалі адмерлыя пчолы. Пасярэдзіне ці бліжэй да верху размяшчалі крушынавую крэставінку з кусочкамі сухой вашчыны для замацавання сотаў

[2, с. 115].

Выдзяляюць два віды калодных вулляў: стаякі і лежакі. Першыя ўстанаўліваюцца вертыкальна на драўляных брусках, другія – гарызантальна. Пчаляры Палескага рэгіёну часта размяшчалі свае калоды на дрэвах і на істотнай вышыні.

Для пад'ёму калод на дрэвы выкарыстоўвалі кадолы – спецыяльныя прыстасаванні двух тыпаў: з воратам, у якім былі штыры для паварочвання, і з калясом са спіцамі, за якія паварочвалі вось пры наматванні вяроўкі.

Адказным у пчалярстве перыядам быў час раення. Гэта асноўная форма размнажэння і рассялення пчол. У гэты час пчаляры стараліся заўсёды знаходзіцца побач са сваімі вуллямі. Павісшы на дрэве рой крышачку аблівалі вадой, каб ён нікуды не паляцеў, а потым збіралі ў раёўню. Затым гэты рой перасаджвалі ў спецыяльна падрыхтаваны вулей і такім чынам павялічвалі пасеку.

Медазбор пачынаўся ў жніўні і заканчваўся ў сярэдзіне верасня. Лічылася, што да Спаса мёд браць нельга, бо прападуць пчолы. Пры добрым узятку з кожнай калоды бралі па тры вядры мёду. У якасці падаткавай адзінкі прызначаўся не асобны вулей-калода, а бор – з 60-ці вулляў незалежна ад плошчы лесу, дзе яны знаходзіліся. З бору спаганялася «ручка» мёду. Напрыклад, у Пінскім княстве ў XVI ст. падатак вызначаўся з разліку «палова – у скарб дзяржаўны, а другая палова – гаспадару» [3, с. 4]. Кантроль за працай пчаляроў на Палессі ажыццяўлялі наглядчыкі з сялян – палазнікі [3, с. 4, 5].

Даволі часта ў вуллях-калодах, што былі на дрэвах, любіў паласавацца мёдам мядзведзь. Каб адвучыць звера ад такога занятка, пчаляры-палешукі падвязвалі на вяроўках да галін вялікае бервяно, такім чынам, каб яно не давала зняць снед. Бервяно замінала мядзведзю зняць снед, ён яго адкідваў лапай, але бервяно яшчэ з большай сілай разгойдвалася і яшчэ мацней біла звера, пакуль той, у рэшце рэшт, не падаў з дрэва [4, с. 7].

Разам зляснымі сталі ўзнікаць сядзібныя пасекі, што было абумоўлена экалагічнымі і сацыяльна-эканамічнымі

прычынамі: масавай вырубкай лесу, распаўсюджваннем такіх лясных промыслаў, як здабыча смалы-жывіцы, выраб паташу, выпальванне драўлянага вугалю, нарыхтоўка лесаматэрыялаў, а таксама павелічэннем мядовага падатку.

Пасечнае пчалярства, якое дазваляла перавозіць калоду з месца на месца і ўстанаўліваць яе на зямлі, значна аблегчыла працу, эканоміла час, пазбаўляла пчаляра ад уладальніка лесу, забяспечвала лепшы догляд пчол і кантроль за развіццём пчалінай сям'і. Пэўны час меліся ў выкарыстанні пасечнікаў саламяныя вуллі, а таксама вуллі з лазы-малакіты (лазавік). Многія пчаляры перарабілі калоду на рамовыя вуллі, пашырыўшы камеру і надаўшы ёй прыдатную для размяшчэння рамак форму [5, с. 236].

З цягам часу калодная форма пчалярства адышла ў забыццё. Гэта адбылося менавіта таму, што ўзнікла новая, больш прагрэсіўная форма пчалярства. Яна звязана з вынаходніцтвам рамачнага вулля. Рамавае вулле – паваротная стадыя ў рацыянальным утрыманні пчол. Пераход гэты быў абумоўлены некалькімі прычынамі: лёгка можна было назіраць за пчоламі, рамавік быў просты ў выкарыстанні, гаспадару лягчэй было працаваць з пчоламі і даставаць мёд.

Вось менавіта гэтыя прычыны схілілі чашу вагаў у бок рамачнага вулля. У выніку зараз усе пчаляры Палескага рэгіёну выкарыстоўваюць рамачныя вуллі, што дае магчымасць атрымаць большую колькасць мёду з пчалінай сям'і.

Аднак у апошнія гады ў сувязі з халодным зімовым надвор'ем на пасеках нашай краіны адбыліся вялікія страты пчаласем'яў. Згодна са статыстыкай, у Брэсцкай і Мінскай вабласцях з 2009 на 2010 г. не перазімавала кожная чацвёртая пчаліная сям'я. У сувязі з гэтым на адной з лясгасных пасек (Мінская вобласць, Салігорскі раён, в. Хорастава) быў праведзены эксперымент: самыя слабыя пчаласем'і на зіму з 2010 на 2011 г. перасадзілі ў калодныя вуллі. У выніку ўсе гэтыя пчаліныя сем'і перазімавалі, у той час, як былі

страты ў некаторых пчаласем'яў, якія зімавалі ў рамавіках. Па-другое, і сёння важную ролю адыгрывае вулей-калода падчас раявога стану. Менавіта ў гэты перыяд з мэтай павелічэння пчаласем'яў не абысціся без калоднага вулля. Добра падрыхтаваныя да пасялення вуллі-калоды маюць амаль стопрацэнтнае засяленне, у той час як рамачныя вуллі – толькі ў адзінкавых выпадках. Гэтыя факты прыводзяць да высновы, што калоднае пчалярства яшчэ не выкарыстала свой патэнцыял і можа прымяняцца ў той ці іншай ступені і сёння.

Нельга забываць, што акрамя прадукцыйнай, пчалярства выконвае яшчэ адну вельмі важную народнагаспадарчую функцыю – апыленне сельскагаспадарчых культур. Але самае галоўнае, што пчалярства засталося заняткам, які аб'ядноўвае адпачынак, працу, садзейнічае зносінам з прыродай, дае магчымасць праявіць свой творчы патэнцыял.

The evolution of box hive beekeeping as one of the most important trades of the poleshuks, residents of the Polesye region, has been investigated in the article. The advantages of box-hive beekeeping over wild-hive beekeeping and even, in some cases, over frame-hive apiculture have been shown. It has been proved that box hives have not become obsolete yet, and they can be profitably used under present-day conditions.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Рыбальченко, А.Н. Сокровища пчелиного улья / А.Н. Рыбальченко. – Минск: Ураджай, 1990. – 160 с.
2. Шеметков, М.Ф. Советы пчеловоду / М.Ф. Шеметков, Н.И. Смирнова. – Минск: Ураджай, 1975. – 320 с.
3. Хвальчевский, С. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств 1522 – 1555 гг. / С. Хвальчевский. – Вильно, 1884. – 127 с.
4. Акты, относящиеся к истории западной России. – СПб., 1848. – Т. 3.
5. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.

Навуковы кіраўнік – **М.В. Цуба***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 2-9(476.7)

А.В. Кісаметава
(Пінск, ПалесДУ)

УПЛЫЎ ПАГАНСТВА НА СВОЕАСАБЛІВАСЦІ ХРЫСЦІАНСКАЙ ВЕРЫ ПРАВАСЛАЎНАГА НАКІРУНКУ НА ПАЛЕССІ

В статье анализируется влияние язычества на различные аспекты и особенности православной веры в Полесском регионе. Особое внимание уделяется мировоззренческим направлениям и взаимоотношениям между христианством и язычеством. Доказывается, что, несмотря на борьбу христианства с различными проявлениями язычества, языческую веру не удалось искоренить. В настоящее время традиции старой (языческой) и новой (христианской) религии переплелись между собой и вошли в каждодневный быт полешуков, став частью их мировоззрения и культурно-духовного наследия.

Пачатак распаўсюджвання хрысціянства на Палессі непарыўна звязаны з хрышчэннем Русі кіеўскім князем Уладзімірам Святаслававічам у 988 г. Да таго часу ва ўсіх плямёнах, што знаходзіліся на беларускіх землях, панавала паганская вера.

Як вядома, тэрмін «паганства» («язычніцтва») азначае велізарны комплекс першабытных вераванняў, поглядаў і абрадаў, якія складваліся на працягу многіх тысячагоддзяў і паслужылі асновай, на якой сфарміраваліся ў класавым грамадстве ўсе сусветныя рэлігіі.

Якія-небудзь звесткі ад язычнікаў аб паганскім кульце і асаблівасцях светапогляду старажытных палешукоў да нашых дзён не захаваліся. Усё, што мы ведаем пра «дахрысціянскія» вераванні на Палессі, знайшлі адлюстраванне ў летапісах, якія былі напісаны хрысціянамі. Але мы ведаем, што хрысціяне, асабліва на пачатку прыняцця сваёй рэлігіі, з’яўляліся ворагамі паганства. У сувязі з гэтым ёсць падставы ўсумніцца ў сапраўднасці некаторых сцвярджэнняў аб тым, што язычнікі вялі «паўзвярыны» вобраз жыцця, загразлі ў невуцтве і амаральнасці.

У эпоху прыняцця хрысціянства на Палессі людзі мелі

развітыя рэлігійныя ўяўленні. Дадзеныя археалагічных раскопак сведчаць, што пры пахаванні ўжываўся складаны рытуал. На магілу нябожчыка прыносілі ў гліняных пасудзінах агонь з хатняга агменю. Шанаванне агменю захоўвалася ў свядомасці жыхароў Палесся на працягу даволі доўгага часу пасля хрысціянізацыі краю.

«Адразу пасля прыняцця хрысціянства нашы продкі ў асноўнай сваёй масе, – пісаў гісторык праваслаўнай царквы Я. Галубінскі, – літаральна сталі дзвюх вераў і, толькі далучыўшы хрысціянства да язычніцтва, але не паставіўшы яго на месца апошняга, з аднаго боку, маліліся і шанавалі Бога хрысціянскага з сонмам яго святых ці – па іх уяўленнях – багам хрысціянскім, з другога боку, маліліся і шанавалі сваіх былых язычніцкіх багоў. Той і другі культ стаялі побач і практыкаваліся адначасова: святкавалася гадавое кола грамадскіх свят хрысціянскіх і адначасова з ім святкавалася такое ж кола язычніцкіх свят; вяршылася хатняя служба праз святароў па-хрысціянску і ў той жа час вяршылася яна праз старых і праз волхваў па-язычніцку; вялася хатняя малітва Богу і святам хрысціянскім і разам з імі і багам язычніцкім» [1, с. 20].

З прыняццем праваслаўя на Палессі ў народных масах адбыліся глыбокія ўнутраныя змены духоўнага адраджэння. Многія язычнікі пад уплывам вучэння Праваслаўнай царквы станавіліся набожнымі хрысціянамі. У свядомасці палешукоў выпрацоўваліся новыя ўяўленні пра жыццё, новыя ідэі, новыя паняцці; людзі імкнуліся ажыццявіць іх у сваім жыцці.

Але зразумела і тое, што немагчыма было проста сцерці рысу паміж хрысціянствам і так званым «дахрысціянствам». У сваёй большасці народ не адразу прыняў хрысціанскую веру і яшчэ некалькі стагоддзяў таемна пакланяўся сваім багам. Царкоўнікі скардзіліся: «...і зараз на ўскраінах моляцца яму, праклятаму Перуну» [2, с. 26]. Нельга было забараніць людзям жыць так, як яны жылі раней. У працэсе працяглай шматвяковай барацьбы царквы за падпарадка-

ванне свайму ўплыву ў свядомасці народа праваслаўе так і не змагло зацвердзіцца на Палессі ў сваім артадаксальным выглядзе. Такім чынам, хрысціянства праваслаўнага ўзору, апынуўшыся не ў стане цалкам падавіць і выкараніць старажытнаязычніцкія вераванні і культы, паступова пачало прыстасоўвацца да паганскіх грамадскіх і ідэалагічных прынцыпаў, збольшага відазмяняючы і падпарадкоўваючы іх свайму кантролю.

На працягу некалькіх стагоддзяў праваслаўе праламлялася скрозь прызму рэлігійных і паганскіх поглядаў. У гэтым працэсе яно набывала новую спецыфіку, новую форму. Так, у палешукоў утварыўся бытавы варыянт праваслаўя, якое адрознівалася ад артадаксальнага праваслаўя, што насаждалася царквой. З іншага боку, дахрысціянская рэлігія палешукоў, каб захаваць свае традыцыі падчас прыціркі з праваслаўем, запазычыла з яго тоесныя і роднасныя ёй элементы і рысы.

Так, новыя рэлігійныя формы не цалкам гублялі змест старых вераванняў. Паганскі характар народных павер'яў, святаў, звычаяў з відавочным незадавальненнем падкрэслівалі яшчэ сярэднявечныя пісьменнікі-багасловы, якія вялі барацьбу за «ачышчэнне» сапраўднай хрысціянскай рэлігіі ад прыўнясення паганства.

На Палессі доўгі час назіралася своеасаблівае па сутнасці, парадаксальнае становішча – дваяверства: раніцай прыняўшы ўдзел у набажэнстве ў царкве, паляшук затым адзначаў свята дома, але ўжо ў паганскім варыянце. Некаторыя старажытныя звычаі ў зmененай і пераасэнсаванай форме дажылі да XX ст., а некаторыя бытуюць у народзе і ў наш час [3, с. 49].

Аналіз сучасных рэлігійных уяўленняў падводзіць да меркавання аб тым, што адным з праяў рэшткаў паганства з'яўляюцца прыкметы, павер'і, абрады. Яны адлюстроўваюць архаічны светапогляд людзей. Нашы продкі не вылучалі сябе з прыроды, лічылі, што чалавек роўны ўсім астатнім яе тварэнням.

Не толькі ў старажытнасці, але і ў пачатку XX ст. на Палессі павер’і суправаджалі чалавека з раніцы да вечара. Напрыклад, у в. Пінкавічы Пінскага раёна да гэтага часу існуюць такія традыцыі: прачнуўся – з левай нагі не ўставай; памыўшыся, трэба выцерці твар ручніком і абавязкова чыстым, інакш людзі стануць грэбаваць; дзвюм дзяўчынам не рэкамендуецца выцірацца ручніком адначасова, каб кавалера не прыйшлося дзяліць; ісці спіной наперад лічылася кепскай прыкметай: так рухаюцца ў пекла. Ежа таксама акружаная прыкметамі: грукаеш лыжкай па стале – нячыстую сілу прыцягваеш; з нажа ясі – злым будзеш. Хлеб, па павер’і, сімвалізуе чалавека. Таму не кладуць на стол перавернутую буханку: гэта можа выклікаць непажаданыя змены ў лёсе. І калі які-небудзь немаўля хварэе, маці можа пакласці яго на хлебную лапатку і ненадоўга засунуць у печ – зразумела, без агню. Так яна як бы вяртае малога ў сваё чэрава і «дапякае».

Многія імкнуцца нічога не аддаваць праз парог. Цікава, чаму? Справа ў тым, што людзі бачаць чужынца ва ўсякім, хто стаяў за гэтай своеасаблівай «мяжой». І перш чым мець зносіны з ім, запрашаюць ўвайсці. Да парога даўней ставіліся дрыгатліва – нават сядзець на ім забаранялася, бо гэтае месца лічылася прытулкам хатніх духаў. Акрамя таго, пад парогам захоўвалі памерлых нехрышчоных немаўлятаў. Па павер’і, адданне такога немаўляці могілкавай зямлі магло істотна сапсаваць надвор’е, выклікаць, да прыкладу, дождж альбо засуху. А як не ўспомніць аб праслаўлутай чорнай кошцы!? Гэты слаўны звярок здаваўся нашым продкам напалову дэманічнай істотай і, па павер’і, мог быць носьбітам ведзьмінай душы. Чорны колер палохаў людзей адвеку стагоддзяў. Сустрэча з зайцам таксама не абяцала нічога добрага. З ваўком – наадварот. Лічылася, калі воўк перабег дарогу, то таму, хто гэта ўбачыў, пашанцуе. Акрамя таго, у даўніну верылі, быццам бы ў ваўка перасяляецца душа апошняга вясковага нябожчыка. І селянін звяртаўся да звера згодна з імем нябожчыка-аднавяскоўца. Пасля гэтых слоў воўк не павінен быў нападаць.

Сельскія жыхары, калі ехалі засяваць збожжавыя, спадзяваліся, што павер'і дапамогуць ім у гэтай важнай справе. Яны апраналі чыстую кашулю, пажадана белую, каб пасевы без пустазелляў узышлі. Бралі з сабой нязменныя хлеб, соль і яйка: каласы будуць поўныя. А калі палешукі саджалі бульбу, то ўтыкалі ў зямлю сякеру, каб бульба не згніла. Падчас пасадкі дзяўчатамі цыбулі яны павіны былі пацалавацца з сваімі каханымі: тады гародніна не вырасце горкай. І для будучага багатага ўраджаю «ўпрыгожвалі» градку венікам. Гэта звычай захаваўся і дагэтуль. Нашы продкі і перад сном выконвалі прыкметы. Ноччу, лічылі яны, разнастайнае паскуддзе асабліва актыўнае. Яны імкнуліся не класціся спаць у брудным пакоі. Аднак ні выносіць смецце, ні падмятаць пасля заходу сонца таксама не дазвалялася: існавала павер'е, што ў адходах прысутнічаюць часцінкі чалавечага біяполя. І таму людзі нічога не выкідвалі, калі хтосьці з дамачадцаў адсутнічаў, інакш можна перашкодзіць яго вяртанню.

Такім чынам, прыкметы і абрады, прасякнутыя хрысціянскімі ідэямі, выразна захавалі рэшткі больш старажытнага пласта вераванняў, як скажам, перажыткі дахрысціянскага культу продкаў – павер'і аб душах. Лічылася, што «кожны народ мае асаблівую душу, асобнае ўсведамленне згодна з сваёй душой» [4, арк. 13].

Абраднасць, якая існуе на Палессі, якой адзначаліся найважнейшыя падзеі ў сям'і – хрышчэнне і хрэсьбіны, шлюб і вяселле, адпяванне і памінкі – складалася з царкоўна-праваслаўных і магічна-бытавых элементаў, цесна ўзаемазвязаных, утвараючы адзіныя комплексы. Такое спалучэнне абумоўлівалася, па-першае, адзінай рэлігійна-магічнай скіраванасцю шэрагу праваслаўных і дахрысціянскіх павер'яў; па-другое, тым, што царква на працягу стагоддзяў падпарадкоўвала свайму ўплыву народныя вераванні. Маляўнічасць і ўрачыстасць царкоўных цырымоній, якімі адзначаліся нараджэнне, шлюб і смерць, значэнне іх як афіцыйных актаў, якія замацоўваюць найважнейшыя моманты ў жыцці людзей, аказвалі глыбокае псіхалагічнае ўздзеянне на пале-

шукоў. Частка праваслаўных культавых дзеянняў увайшла ў некаторыя хатнія абрады, напрыклад, у дабраславенне абразом жаніха і нявесты. У сваю чаргу, бытавыя дэталі ўпляліся ў царкоўную службу (вызначэнне лёсу дзіцяці па яго паводзінах падчас хрышчэння), склаўшы яе неад'емны кампанент.

Акрамя абрадаў і звычаяў, на Палессі ўстойліва трымаюцца традыцыі сямейнага плану: перадсвяточная ўборка дамоў, наведванне родных, асабліва сваякоў жонкі (хаджэнне да «цешчы на бліны»).

Найважнейшым праваслаўным святам у палешукоў і сёння застаецца Вялікдзень. Нават тыя прыхаджане, якія наведваюць царкву адзін–два разы на год, у гэты дзень лічаць немагчымым прапусціць царкоўнае набажэнства.

Нераздзельнасць элементаў праваслаўя на Палессі і дахрысціянскіх вераванняў (Каляды і Нараджэнне Хрыстова; Купале і інш.) у рэлігійным комплексе не ўсведамляецца масай вернікаў. Але іх нельга скідаць з рахункаў, яны адчувальныя і працягваюць жыць, напаўняючыся новым, сучасным зместам. Мабыць, у чалавека ёсць псіхалагічная патрэба быць упэўненым у чымсьці, жаданне зазірнуць у будучыню. Не выпадкова ўсе прыкметы, звычаі і абрады, пабудаваныя па своеасаблівай схеме «не рабі так, каб не здарылася гэтак», азначае вечнае чалавечае імкненне палепшыць сваё жыццё.

Такім чынам, з пагляду сённяшняга часу, можна канстатаваць як факт, што ў сувязі з перапляценнем самых розных традыцый паганскіх і хрысціянскіх вераванняў фактычна зніклі антаганістычныя і непрымірымыя адносіны паміж імі. А збліжэнне і ўзаемасувязь забяспечылі захаванне духоўна-культурных каштоўнасцяў, багаццяў набытых і назапашаных з пакалення ў пакаленне на працягу шматлікіх стагоддзяў на землях беларускага Палесся.

The author of the article has analyzed the influence of paganism on various aspects and features of the Orthodox confession in the Polesye region. Special attention is paid to world-view approaches and interrelationships between Christianity and paganism. The author claims that, despite the fight of Christianity against different manifestations of paganism, the latter has not

been eradicated. Now the traditions of the old (pagan) and new (Christian) confessions have interwoven, and they have come into everyday life of the poleshuks, residents of the Polesye region, and have become an integral part of their world outlook and cultural heritage.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Голубинский, Е.Е. История русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М., 1904. – Т. 1, ч. II. – С. 849.
2. Цярохін, С.Ф. Перунова цяпельца: эсе ці некалькі згадак з гісторыі нашага народа / С.Ф. Цярохін. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 126 с.
3. Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории / И.С. Свенцицкая. – М.: Политиздат, 1989. – 339 с.
4. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 139.

Навуковы кіраўнік – **М.В. Цуба***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 398(476.7)

А.А. Пашкевіч
(Пінск, ПалесДУ)

ВУСНАЯ НАРОДНАЯ ТВОРЧАСЦЬ У ЖЫЦЦІ ПАЛЕШУКОЎ

Автор статьи обращается к разрешению непростой задачи: проанализировать наиболее известные традиции в устном народном творчестве полешуков. Для этого необходимо понять, что без глубокого знания своих корней и истоков нельзя понять культурные особенности Полесского региона. В центре внимания – полесский фольклор, который является неотъемлемой частью жизни полешуков и сопровождает человека от рождения до смерти.

Важная частка нашай нацыянальнай і духоўнай культуры – вусная народная творчасць (фальклор). Яна здаўна служыць сродкам вобразнага пазнання жыцця, праўдзіва адлюстроўвае думкі, надзеі, мэты людзей, дапамагае ім у барацьбе за лепшую будучыню. На працягу многіх стагоддзяў вусная народная творчасць была важнай формай выражэння духоўнага жыцця палешукоў: яна з'яўлялася і з'яўляецца неад'емнай часткай культурнай спадчыны беларускага народа.

Вусная народная творчасць заўсёды была звязана з жыццём і працоўнай дзейнасцю людзей. Яна служыла для непісьменных і прыгнечаных мас зброяй у барацьбе са стыхійнымі, сацыяльнымі, варожымі сіламі, адлюстроўвала народную гісторыю, філасофію, прыродазнаўства, жыццёвы вопыт. Фальклор – сапраўднае мастацкае асэнсаванне ўсёй стагоддзямі назапашанай народнай мудрасці. Скарбніцай гэтай мудрасці з'яўляюцца людзі, палешукі-рупліўцы, якія ўмеюць спорна працаваць, умеюць і весяліцца, у якіх «сэрца, як жар той гарачы, ды адкрыта душа для другога». Не пакіне нікога абыякавым прываблівы вобраз дзяўчыны з Піншчыны ў вершы А. Бібіцкага:

Ідзе пінчанка ў промнях сонца,
Абцасік звоніць аб шашу,

А засмяецца – свет мілее і восенню цвітуць лугі,
А тварык – нібы та лілея, як змаладнелыя сцягі ...
[1, с. 219]

Як бачым, фальклор цесна звязаны з мастацкай літаратурай і паэзіяй, але ён мае свае спецыфічныя рысы. Галоўнымі з іх з’яўляюцца калектыўны характар фальклорных твораў і іх існаванне ў вуснай форме. Фальклор як масавая калектыўная творчасць паўстаў у глыбокай старажытнасці, калі ў людзей з’явіліся свядомасць і мова, калі паўстала неабходнасць зносін пры дапамозе вымаўлення гукаў, слоў, песень. Тады калектыўна пачалі стварацца і выкарыстоўвацца фальклорныя творы, у якіх творчая індывідуальнасць аўтара злілася з калектыўным голасам і словам роду ці племені.

У вуснай паэтычна-былiннай творчасці нашых продкаў – у казках, песнях, былінах, паданнях, прыказках і прымаўках – быў прадстаўлены своеасаблівы кодэкс маральных каштоўнасцяў, праглядаліся матывы сацыяльнага аптымізму, апяваліся грамадска-палітычныя ідэалы. На першым месцы была любоў да сваёй зямлі, да Бацькаўшчыны:

Родная зямелька як змораному пасцелька;
У родным краю, як у раі;
Родная зямелька – маці, чужая старонка – мачаха;
На чужой старонцы рад сваёй варонцы.

Любоў да бацькоўскай зямлі немагчыма без любові да матчынай мовы, а яна на Палессі асаблівая. Сучасная паэтэса-паляшучка Т. Лазнюха піша:

Пявуча мова з зычным дыялектам,
Ну дзе яшчэ пачуеце такі. [1, с. 220]

Не менш значным было праслаўленне працы, зацвярджэнне павагі да чалавека-працаўніка:

Хто працуе, таму і шанцуе;
Як папрацуеш, то ў кожнай страве мёд пачуеш.

Духоўны свет палешукоў, іх светапогляд абавязкова выяўляліся ў развіцці фальклору, песеннага, музычнага і харэаграфічнага мастацтва. У песнях расказвалася аб характары мясцовасці, у якой жылі носьбіты палескай культуры: шмат сустракаецца слоў «поле», «гара», «горка», «горыса»,

«ліс», «бор», «пушча», «дуброва». У вуснай народнай творчасці Палесся ў перыяд сярэднявечча важнае месца займалі каляндарныя (калядныя, купальскія, пятроўскія, жніўныя, а таксама сямейна-абрадавыя песні. У іх апявалася навакольная прырода, усхваляліся прыгажосць і багацце высокіх чалавечых пачуццяў, духоўна-маральныя якасці людзей, іх працоўная дзейнасць. У казках, прыказках, былінах паказвалася імкненне простых людзей да справядлівасці, іх пачуццё гумару.

Нараўне з народнымі паданнямі аб навакольным свеце ў вуснай народнай творчасці адлюстроўваліся і важнейшыя гістарычныя падзеі. У прыватнасці, у прыказках і прымаўках з'явіліся сюжэты, звязаныя з татарскімі набегамі:

Няма на свеце горшай веры, як басурманы-татары;

Страшан, як мангол;

Рана татарам на Русь ісці.

Народны эпас, які займае важнае месца ў фальклоры эпохі феадалізму, з'яўляецца каштоўным аспектам вуснай народнай паэтычнай творчасці палешукоў, багаццем нашай славесна-мастацкай культуры. У гэты час узмацняецца сатырычны кірунак вуснай паэзіі, вострая сатыра ўласцівая амаль усім жанрам фальклору. У іх з'едліва высмейваліся польскія магнаты, феадалы і шляхта. Сатыра выступае не толькі ў шматлікіх казках, песнях, прыказках, народнай драме, але і ў народных анекдотах. Вось адзін з такіх твораў:

Мужык бядуе:

- *Ніяк не ўдаецца пад'есці хлеба з бярозавым сокам.*

- *Чаму?*

- *Ды як прыйдзе восень, ёсць хлеб, а соку няма. А прыйдзе вясна – ёсць сок, а хлеба няма.*

Асаблівае месца ў палескім фальклоры займае спадчына старажытнай каляндарнай і сямейна-абрадавай паэзіі, казачны эпас. Каляндарна-абрадавая паэзія паўстала ў непасрэднай сувязі з тымі абрадавымі дзеяннямі і чароўнымі сродкамі, якімі чалавек, паводле яго светапогляду і перакананняў таго часу, спрабаваў уздзейнічаць на сілы прыроды і такім спосабам забяспечыць ураджайнасць зямлі, поспех на

паляванні, свой дабрабыт. Так, каляндарна-абрадавай паэзіі ўласцівая цесная сувязь з працай, асабліва земляробствам. Лічылася, напрыклад, што араць зямлю трэба басанож, тады ўраджай будзе добрым. Калі сеялі жыта, то апраналі чыстую вопратку, каб на полі не расла трава. Звычайна сеялі ў пятніцу і суботу, але ніколі не рабілі гэта ў панядзелак.

Асноўныя абрады і звязаныя з імі цыклы вусна-паэтычных твораў групаваліся на аснове паганскіх святаў, суадносных, у сваю чаргу, з тымі перыядамі года, якія мелі найбольш важнае значэнне ў гаспадарцы. Увесь гадавы цыкл абрадаў і абрадавай паэзіі звязаны з самымі важнымі этапамі сельскагаспадарчых работ.

У жанравым дачыненні каляндарна-абрадавай паэзіі пераважалі рознага роду песні, прысуды, загаворы, драматызаваныя дыялогі, замовы. Вось як гучыць песня-замова аб нованароджаным:

Штоб маё дзіцятка
Вялікае расло,
Штоб маё малое
Шчаслівае было.

Ва ўсіх народаў свету асноўнымі момантамі, якія вызначаюць жыццёвы шлях кожнага чалавека, з'яўляюцца яго нараджэнне, вяселле і смерць. З даўніх часоў яны суправаджаліся разнастайнымі абрадамі, прыкметамі, варожбамі і выкананнем твораў вуснай паэзіі розных жанраў: песнямі, плачам, прымаўкамі. Напрыклад, лічылася, калі дзіця нарадзілася ўзімку, то будзе добрым працаўніком, калі летам – будзе злосным і ўсе яго будуць баяцца, увосень – будзе жыць багата, калі ж вясной – то будзе добрым спеваком і танцорам.

Апяваючы гераічнае прыгожае і асуджаючы ўсе ілжывае і нявартае, фальклор даваў людзям ўзоры паводзін у жыцці, выхоўваў іх:

Без працы няма чаго хлеба шукаці;
Без мазаля на руках не будзеш мець хлеба ў зубах;
Старога паважай, малога павучай.

У палескім фальклоры таксама маецца шмат гістарыч-

ных песень, легенд, казак аб войнах са шведамі, французамі, паўстанні 1863 г., рэвалюцыях, імперыялістычнай вайне і аб іншых сацыяльна значных падзеях. Так, у прыватнасці, палешукі пераконваліся ў тым, што вайна выгадная толькі пануючым класам, якія нажывалі сваё багацце на крыві і няшчасці народа. Таму з'явіліся такія прыказкі і прымаўкі:

Вайна кроў людскую п'е;
Вайна – каму вяроўка, а каму дойная кароўка.

Іншы прыклад такога ж зместу:

Зноў у хаце закурыцца
Асінай – дрывамі.
Годзе, братцы, трэба біцца
За зямлю з панамі.

У другой палове XIX ст. фальклор таксама адыгрываў важную ролю ў духоўным жыцці беларускага народа. Папулярнасцю ў народзе карысталася абрадавая паэзія, асабліва вясельная. Існаваў цэлы шэраг забабонаў, звязаных з уступленнем у шлюб. Напрыклад, каб ніхто не зачараваў маладую (нявесту), яна брала галоўку цыбулі ці часныку і насіла яе з сабой усё вяселле. Каб маладыя шчасліва даехалі да царквы, маці нявесты брала вядро з вадой і аблівала ўсіх коней. Калі падчас вянчання нявеста наступала жаніху на ногі, то гэта азначала, што ўсё жыццё яна будзе кіраваць сваім мужам [2, с. 23].

Карэнныя змены ў сацыяльным жыцці насельніцтва выклікала развіццё капіталізму. У гэты перыяд падкрэслівалася, што фальклор з'яўляецца адным з важнейшых сродкаў пазбаўлення ад цемнаты і невуцтва, як найпершая жыццёвая патрэба [3, арк. 9]. Новым у фальклоры стала адлюстраванне цяжкай працы рабочых на фабрыках, у майстэрнях, на будаўніцтве чыгунак.

Своеасаблівасцю вызначаўся рэвалюцыйны фальклор, што стварыў вобраз змагара за народнае шчасце, змагара, які гатовы на любыя ахвяры, не шкадуючы свайго жыцця ў імя вялікіх ідэй. Напрыклад:

Шалееце, каты, піце нашу кроў,
Адкрылі астрогі, нанялі шпікоў,

Паўстаньце да бою, народ катаваны,
На смерць, на смерць, на смерць, вам, тыраны!

Як вынікае з сказанага вышэй, вусная народная творчасць на ўсіх этапах свайго развіцця праўдзіва адлюстроўвала грамадскае жыццё. Ужо таму фальклор з'яўляецца адной з самых важных крыніцай гісторыі. Нельга не пагадзіцца з беларускім паэтам С. Гарадзецкім, які даў вельмі дакладную характарыстыку асаблівасцяў беларускага фальклору: «У несмяротнай каморы паэтычных твораў, створаных славянскімі народамі, беларуская народная паэзія ззяе, як адна з самых старажытных і самых яркіх каштоўнасцяў» [4, с. 18]. Гэтыя словы правамерна аднесці і да фальклору Палесся.

Сёння вусная народная творчасць працягвае развівацца, ствараецца шмат народных песен і прыпевак, анякдотаў, прыказак, прымавак, легенд і казак. Галоўнымі асаблівасцямі фальклорнага працэсу Палесся нашых дзён з'яўляюцца яго шматграннасць і разнавіднасць формаў, а таксама багатае праяўленне мастацкіх талентаў народных мас.

The author of the article tries to solve a difficult problem – to analyze the best-known traditions in the folklore of the poleshuks, residents of the Polesye region. It should be kept in mind that without deep knowledge of one's history and origin one cannot understand the specific cultural features of the Polesye region. The author has focused on the Polesye folklore, which is an integral part of the lives of the local folk, since birth till death.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Чыжыкава, Н.С. Піншчына ў паэтычных радках / Н.С. Чыжыкава. – Пінск, 2009. – 242 с.
2. Захарава, В.А. Палескае вяселле / В.А. Захарава. – Пінск, 1989. – 57 с.
3. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 131.
4. Гарадзецкі, С. Культура – мова – палітыка / С. Гарадзецкі. – Мінск: Вышэйшая школа, 1984.

Навуковы кіраўнік – **М.В. Цуба**, *кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

УДК 94(476.6)

А. Т. Адамовіч
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

ВЕРАСЕНЬ 1939 г. ВА ЎСПАМІНАХ ЖЫХАРОЎ ЛІДЧЫНЫ

Лида и Лидчина, как и вся Западная Беларусь, переживала в сентябре 1939 г. значительные для истории события. Начало войны, смена власти повлекли за собой изменения в повседневной жизни людей. Население разделилось: кто-то ждал прихода Красной Армии, другие, наоборот, его опасались. Несмотря ни на что, красноармейцев встречали торжественно и в вооруженное столкновение с лидчанами им вступать не пришлось. После того, как Красная Армия обосновалась на новой территории, начались преобразования, которые население также оценивало по-разному.

Ёсць падзеі, якія назаўсёды застаюцца ў людской памяці, напрыклад, Другая сусветная вайна. Ніхто не раскажа пра вайну, пра родныя мясціны ў гэты перыяд дакладней, чым іх відавочцы. Верасень 1939 г. для беларусаў –адзін з найбольш эмацыянальных перыядаў у гэтай вайне. Нацыя, якая два дзясяткі гадоў была падзелена паміж варагуючымі краінамі, нарэшце аб'ядналася. Адразу ўзнікла пытанне гістарычнай ацэнкі гэтых падзей, якое на доўгі час сфарміравала дзве супрацьлеглыя пазіцыі ў грамадскай думцы і гістарычнай навуцы. Крыніцазнаўчую аснову дадзенага даследавання складаюць успаміны сведкаў і ўдзельнікаў падзей Бернарда Янушкевіч, Ядзвігі Лоўкіс, Зінаіды Урбановіч. Б. Янушкевіч і Я. Лоўкіс – католікі, адносілі сябе да палякаў. Янушкевічы жылі ў в. Крупва недалёка ад Ліды, мелі 3 гектары зямлі, сям'я Лоўкіс – з Астроўлі, што таксама каля Ліды, была досыць заможнай, валодала 20 гектарамі зямлі. Зінаіда Урбановіч пражывала ў в. Мыто Лідскага павета, праваслаўная, беларуска, з яе слоў, мела 6 загонаў зямлі (калі асноўная частка жыхароў вёскі мелі 1 загон). У 1939 г. жанчыны мелі ад 7 да 17 гадоў. Таксама выкарыстоўваюцца

звесткі жыхара Ліды Тадэвуша Комінча, які збірае ўспаміны лідчан пра апошнюю вайну.

1 верасня 1939 г. выбухнула Другая сусветная вайна, якая пачалася з агрэсіі фашысцкай Германіі супраць Польшчы. Прыкметы блізкай вайны з'явіліся ў Лідзе яшчэ да яе пачатку. Прадстаўнікі ўлады вучылі насельніцтва правільна наклейваць палоскі паперы на вокны, каб шкло не лопнула пад час бамбёжкі. Усюды віселі заклікі, якія павінны былі ўздымаць дух насельніцтва: «Моцныя, згуртаваныя, падрыхтаваныя». Па радыё ішлі бадзёрыя перадачы, час ад часу сустракаліся заклікі прыносіць грошы ў Фонд народнай абароны Польшчы. Не переставалі гучаць запэўніванні ў гатоўнасці даць адпор ворагу. Многія жанчыны пад уздзеяннем патрыятычных заклікаў аддавалі на абарону краіны свае ўпрыгожванні і нават заручальныя пярсцёнкі [3, с. 289].

Людзі для забеспячэння свайго жыцця на доўгі і няпэўны час дадаткова шукалі прадуктаў і іншыя неабходныя для жыцця рэчы. Узрасла колькасць злачынстваў.

Вераснёўскія падзеі 1939 г. выклікалі неадназначную рэакцыю на гэтую сітуацыю. Насельніцтва падзялілася на два лагеры: тыя, хто падтрымліваў прыход Чырвонай Арміі, і іх праціўнікі. Гэты падзел быў выкліканы тым, што кожны па-рознаму ўяўляў будучыню з новай уладай.

Ядзвіга Лоўкіс сведчыць: «Вельмі палохалі звесткі аб хуткім прыходзе саветаў. Яны ішлі без баёў, і ад гэтага станавілася страшней». Але былі і тыя, хто чакаў прыходу савецкай улады. Адны разлічвалі на абарону і падтрымку савецкай улады, іншыя – на лепшае, чым у Польшчы, жыццё.

16 верасня 1939 г. да Ліды дайшлі чуткі, што Чырвоная Армія ідзе вызваляць Заходнюю Беларусь. Вечарам, калі пачало цямнець, запалілі вулічныя лямпы, якія з пачатку вайны не запальвалі. Аказваецца, бургамістр горада Задурскі, даведаўшыся, што савецкія войскі перайшлі мяжу, перастаў падтрымліваць меры супрацьпаветранай бяспекі [3, с. 290]. Бернарда Янушкевіч успамінае: «Жыхары Ліды прадчувалі, што толькі немцамі тут не абыйдзецца. Гэтыя дні былі вельмі трывожныя».

17 верасня Ліда нагадвала ўстрывожаны мурашнік. Неспакойна было ў вайсковых гарнізонах, паліцыі. Яшчэ большую паніку прыўнёс самалёт, які кружыў над горадам. Людзі вырашылі, што гэта Чырвоная Армія [3, с. 290]. Пасля такіх размоў багатыя гараджане пачалі збіраць рэчы і выязджаць з Ліды. Як уцякалі асаднікі з вёскі, успамінае Зінаіда Урбановіч: «Шмат тады палякаў уцякала. Мы тады да бацюшкі хадзілі радыё слухаць, там яны па-свайму гаварылі: «Nasza Polska silna i potężna». Мы выходзім, наслухаўшыся радыё, а яны ўжо каня запрэглі і рэчы сабралі. А адзін згубіўся, заехаў у Мыто і нават не ведаў, дзе знаходзіцца. Уцякалі хто куды».

Найперш апусцела памяшканне паліцыі, а ў будынку гарадской улады чыноўнікі збіралі паперы. Тыя, хто баяўся савецкай улады, выязджалі ў Вільню. Ядзвіга Лоўкіс расказала: «Людзі бачылі, што паны выязджаюць, пакідаючы свае маёнткі, але не ўсе ехалі, некаторыя заставаліся. Напрыклад, пан Пілецкі».

У адрозненне ад распаўсюджанага меркавання, што працоўныя Заходняй Беларусі віталі прыход Чырвонай Арміі, Бернарда Янушкевіч успамінае: «17 верасня наша сям’я плакала па Польшчы, якую з двух бакоў раздзіралі Германія і Савецкі Саюз».

Савецкую ўладу на сваёй зямлі чакалі не толькі простыя бедныя людзі, але і прыезджыя з Расіі. Тадэвуш Комінч паведаміў пра купцоў Комалавых. Да вайны яны жылі спачатку ў Пецярбургу, пазней пераехалі ў Ліду, іх хата была на сучаснай вуліцы П. Марозава. Калі Комалавы даведаліся пра пачатак вайны, яны сабралі суседзяў і пачалі падбухторваць іх дапамагаць рускім. Жонка Комалавага выйшла ў рускай хустцы, тым самым падкрэсліваючы свае адносіны да падзей, якія адбываліся ў свеце. Але лёс іх склаўся нешчаслівае: калі прыйшлі бальшавікі, гэту сям’ю арыштавалі, дзяцей раскідалі па Савецкаму Саюзу, старэйшую дачку адправілі ў канцлагер.

Ядзвіга Лоўкіс пра тое, як чакалі Чырвоную Армію, успамінае так: «Чырвонаармейцаў чакалі яўрэі (бо страх як баяліся немцаў) і камуністы». Пра гэтыя падзеі Бернарда

Янушкевіч успамінае такім чынам: «Прыхільнікі саветаў чакалі прыходу чырвонаармейцаў, як некага свята. Марылі, што атрымаюць вялікія багацці, нічога не рабіўшы. Уяўлялі Чырвоную Армію багатай, добра ўзброенай арміяй, якая магла захапіць увесь свет. Лічылі, што з СССР прыйдуць простыя рабочыя, а выглядаць будуць як сапраўдныя паны».

Ліда была занята часцямі РЧСА без супраціўлення. І гэта зразумела: усе вайсковыя злучэнні, якія дыслацыраваліся тут перад вайной, былі накіраваны на захад, на польска-германскі фронт. А тыя, што засталіся для аховы вайсковых аб'ектаў, аказаць супраціўленне не маглі, бо іх было вельмі мала. Да таго ж быў загад Галоўнакамандуючага Войска Польскага Маршала Э. Рыдза-Сміглага: «З Саветамі не ваяваць, толькі ў выпадку націску з іх боку ці спроб разбраення нашых часцей...» [1].

Вечарам у суботу 17 верасня прыехалі тры танкі, даехалі да рынка. Яўрэі іх сустракалі хлебам-соллю, затым салдаты развярнуліся і паехалі за горад. Ноччу на перасячэнні вуліц Гражыны і Вызвалення (сучасныя Калініна і Энгельса) былі ўстаноўлены трыумфальныя вароты для сустрэчы чырвонаармейцаў, горад быў упрыгожаны транспарантамі і сцягамі [3, с. 294].

Старажыл г. Ліды А.Ф. Кулеш сцвярджае: «Заходнія беларусы сустрэлі РСЧА кветкамі, шматлікімі мітынгамі, прывітальнымі шэсцямі, масавымі гуляннямі. Паўсюду раздаваліся здравіцы на яе адрас, на адрас правадыроў партыі і савецкай дзяржавы» [2, с. 141].

Такія факты сапраўды мелі месца, але заслуга ў гэтым лідскіх камуністаў, якія добра падрыхтаваліся да прыходу савецкай улады. Яны правялі агітацыю сярод насельніцтва, і іх плённая праца не засталася незаўважанай. Знайшліся людзі, якім не падабаўся ранейшы рэжым, але яны баяліся ўступаць у камуністычную партыю. А цяпер, калі вось-вось прыйдзе Чырвоная Армія і ўсё роўна раней ці пазней прыйдзецца станавіцца камуністамі, жыць каля іх, працаваць з імі, то можна без страху падтрымліваць новую ўладу.

А.Ф. Кулеш успамінае пра сустрэчу чырвонаармейцаў у

в. Збяляны: «На ўсходнім канцы вёскі пабудавалі арку. Працавалі ўсю ноч. Арку аздобілі восеньскімі кветкамі. Верх яе ўвянчалі пяціканечнай чырвонай зоркай. Рыхтаваліся да сустрэчы са сваёй «вызваліцелькай», як да самага вялікага свята. На другі дзень, не дачакаўшыся прыходу Чырвонай Арміі ў вёску, амаль усе маладыя ды і многія старэйшыя сяльчане накіраваліся сустракаць яе ў мястэчка Беліца. Там на рыначнай плошчы, у самым цэнтры мястэчка, сабралася мноства народа. І на гэты раз нікога спаткаць не давялося.

Нехта з былых упраўленцаў Беліцкай гміны ўзышоў на імправізаваную трыбуну і голасна абʼявў, што Чырвоная Армія не прыйдзе. Яна на патрабаванне Англіі і Францыі спыніла свой паход на захад. Усе кінуліся дамоў. Рыначная плошча раптам апусцела. На наступны дзень ў вёску завітала адна з часцей РСЧА, і ўсё сціхла. Страх адышоў, жыццё вярнулася ў звыклае рэчышча. Затое ахапіла новае пачуццё – трывога за будучыню» [2, с. 142].

Раніцай 18 верасня 1939 г. жыхары Ліды ўбачылі танкі з намаляванымі на іх чырвонымі зоркамі. Але доўга яны не затрымаліся і хутка пайшлі на захад.

Праз чатыры гадзіны на навагрудскім тракце паказалася машына з СССР і падʼехала пад замкавыя сцены. Там адбыўся мітынг. Чырвоны камандзір гаварыў аб шчасці, якое выпала байцам – вызваляць адзінакроўных братоў з Заходняй Беларусі [3, с. 294].

У выніку імклівага паходу РЧСА захапіла шмат ваенных трафеяў, у тым ліку на Лідскім аэрадроме 23 самалёты, з якіх 11 былі ў належным стане.

Прыблізна ў 18 гадзін вечара ў замку адбыўся мітынг, у якім ўдзельнічалі каля 8 тысяч чалавек. Уся плошча каля замка была запоўнена людзьмі. Чырвонаармейцы раздавалі ўдзельнікам мітынга газеты з СССР, брашуры, кнігі. На мітынгу выступіў камандзір танкавага падраздзялення маёр (палкоўнік, падпалкоўнік) Быкаў (Войкаў), які пазнаёміў слухачоў з сусветнымі навінамі [3, с. 295].

Пазней падышлі першыя часці Чырвонай Арміі. Выглядалі яны не вельмі прывабна. Ядзвіга Лоўкіс чырвона-

армейцаў запомніла прыкладна так: «Брудныя, страшныя, галодныя людзі. Яны былі замучаныя, бо ішлі пешшу. На галаве былі будзёнаўкі з вялікай чырвонай зоркай. Некаторыя былі абутыя ў бацінкі, ногі былі абернуты нейкай ганучай, а некаторыя ішлі босыя. Ногі былі збітыя, з крывавымі мазалямі».

Некаторыя афіцэры Чырвонай Арміі прыязджалі разам з сваімі жонкамі. Бернарда Янушкевіч расказала, як выглядалі жонкі афіцэраў: «Жонкі афіцэраў хадзілі ў спаднічках за калена, у снягоўцах (гумовы абутак на абцасах). На галаве насілі бярэцікі. Часцей за ўсё заплятал дзве касічкі. Ніколі не бачылі такіх ночных кашуляў, камбінашак, якія былі на захадзе. Яны вырашылі, што гэта сукенкі. Жанчыны маглі ў іх хадзіць на танцы, на базар, куды заўгодна».

Сваіх хатаў камандзіры чырвонаармейцаў у Лідзе не мелі, таму вымушаны былі сяліцца ў кватэрах лідчан. Яны дыктавалі гаспадарам свае правілы, а тыя не мелі права не падпарадкавацца.

У Бернарды Янушкевіч засталіся не вельмі добрыя ўспаміны пра тое, як лейтэнант разам з жонкаю пасяліліся ў іх: «Лейтэнант сказаў нам здымаць абразы, хаваць усё тое, што якім-небудзь чынам адносілася да рэлігіі. Плакалі ўсёй сем'ёй, але выконвалі загад. Жонка афіцэра ўбачыла фігурку Маці Божай і сказала: «Пусть стоит куколка».

Шмат таго, што было на Лідчыне звычайным, здзіўляла салдат з СССР. Бернарда Янушкевіч расказвала: «Яны ніколі не бачылі клінковага хатняга сыру, які рабілі ў кожнай хаце. Калі чырвонаармейцаў пачаставалі такім сырам, ён ім вельмі спадабаўся, але рэзалі яны яго разам з тканінай, у якой сыр быў прыгатаваны. Або лічылі, што сала склеенае, бо ніколі не бачылі, каб яно было такіх памераў. Незвычайным для іх было і масла, салдаты тыкалі ў яго відэльцамі».

Паступова жыццё вярталася ў сваё рэчышча. Насельніцтва пачынала займацца сваёй штодзённай працай. Пачалі працаваць школы, бальніцы. Але ў фабрык не было магчымасцей аднавіць сваю працу. А камуністы зноў пачыналі праводзіць агітацыю сярод насельніцтва, цяпер ім дапама-

галі чырвонаармейцы, якія прыходзілі і апісвалі, як добра яны жывуць без паноў і як у іх усяго шмат. Бернарда Янушкевіч расказала: «Калі людзі чым-небудзь частавалі салдатаў Чырвонай Арміі, то яны абяцалі, што калі прыйдуць у наступны раз, то аддадуць усё ў некалькі разоў болей. Казалі, што цукар стаіць у іх на палях адразу ў мяшках, бульбы і ўсіх розных прысмакаў у іх шмат. Зямля ў СССР належыць народу, няма ніякіх паноў, а ёсць толькі ўлада народа». Пра гэта ж успамінала Ядзвіга Лоўкіс: «Саветы ездзілі па вёсках, шмат агітавалі, абяцалі. Казалі, што ў СССР шмат багаццяў. Раздавалі лістоўкі, агітавалі насельніцтва выступаць за рускіх. Абяцалі, што якую працу захочаш, на такой будзеш працаваць усё жыццё». А ў Зінаіды Урбановіч аб агітацыі засталіся такія ўспаміны: «Абяцалі шмат, напрыклад, што зямлі дадуць. Вядома ж, усе бедныя былі, верылі, бо ім дадуць што абяцалі. Нічога дрэннага не чынілі. Навезлі водкі ўсялякай у магазіны, сталі піць усе... У магазінах шмат чаго было. У нашай хаце магазін быў, дык і адзення, і прысмакаў мелі крыху больш, чым іншыя».

У Лідзе была ўведзена каменданцкая гадзіна. У першыя дні магазіны працавалі нармальна. Рубель прыраўнялі да злотага. Насельніцтва імкнулася пазбавіцца ад злотых, пакуль працуюць магазіны, адчуваючы, што хутка гэтыя грошы не будуць запатрабаваныя. Каля магазінаў збіралася вялікая чарга. Займалі чаргу, нават ноччу, нягледзячы на каменданцкую гадзіну. Гэта патрэбна было спыніць. Першы раз, каб ліквідаваць чаргу, людзей загналі ў памяшканне лазні і пратрымалі там, пакуль можна ўжо было хадзіць. Гэта не дапамагло. На другі раз было тое самае, было вырашана пагрузіць усіх у аўтамашыны і вывезці за горад кіламетраў на 15. Пакуль яны прыйшлі ў горад, каменданцкі час ужо скончыўся [3, с. 298].

Новыя ўлады патрабавалі схапіць усіх памешчыкаў, якія не паспелі ўцячы ў Літву, хоць цягнік Ліда – Вільня яшчэ хадзіў. Па лясах хадзіла польскае войска, у горад не заходзіла. Большасць – афіцэры. Тады ў Лідзе ўжо дзейнічала НКУС, кіраўніком быў Лагаеў. Афіцэраў перадавалі яму» [4, с. 9].

Бернарда Янушкевіч пацвердзіла звесткі, што каля Ліды яшчэ заставаліся польскія салдаты: «Недалёка ад Ліды знаходзілася стаянка польскіх салдат. Некаторыя імкнуліся ўцячы за мяжу, а некаторыя траплялі ў палон».

Відавочна, што далей салдатаў адпраўлялі ў лагеры. Але не толькі польскіх салдатаў, солтысаў і асаднікаў напаткаў такі лёс, але і крыху багацейшых за іншых сем’і. Ядзвіга Лоўкіс так успамінала тыя дні: «Сярод насельніцтва былі вядомы выпадкі вывазу людзей. Як правіла, вывозілі тых, што мелі маёмасць. Наша сям’я трапляла ў спіс на вываз у лагер. Мы некалькі нядзель спалі апранутыя. Але пачалася вайна немцаў і рускіх, і нас не паспелі вывезці». Зінаіда Урбановіч сведчыць: «Некаторых вывозілі. У нас лесніка вывезлі з вёскі, а яны ж жылі небагата. Вывозілі ж тых, што заможнымі былі, мы баяліся, што і нас павязуць». Бернарду Янушкевіч гэтыя падзеі абышлі: «На лідскай чыгуначнай дарозе стаяў эшалон з людзьмі. Было чуваць, як яны спяваюць песню «Serdeczna matka»». Адсюль вынікае, што органы НКУС не глядзелі на паходжанне і на маёмасны стан насельніцтва, а шукалі «ворагаў», тых, хто не падыходзіў да іх сістэмы, якія маглі б хоць як-небудзь перашкодзіць палітыцы партыі.

Першапачаткова чырвонаармейцы не прымушалі ўсіх уступаць у калгасы. Ядзвіга Лоўкіс расказвала, што адбывалася ў яе роднай вёсцы: «Саветы, прыйшоўшы ў 1939 г., нічога не рабілі, не патрабавалі. Здавалася, што яны прыглядаюцца да гаспадароў і гаспадарак. Шматдзетным сем’ям давалі тканіну».

Перад партыйнымі і савецкімі органамі кіравання была пастаўлена задача арганізаваць органы адміністрацыйнага і гаспадарчага ўпраўлення на сацыялістычных прынцыпах. Пра выбары ў мясцовае кіраванне Зінаіда Урбановіч ўспамінае: «Як прыйшлі саветы, пачалі рабіць сходы, тут нашых выбіраюць кіраваць. Прыехаў адзін Вітлянскі і кажа: «Вы ведаеце, хто я такі? Я – вялікі начальнік!». Правядзенню ўсёй гэтай працы спрыяла актыўная партыйная і масава-палітычная праца сярод насельніцтва. Праводзілася праца па тлумачэнні мясцоваму насельніцтву абставін індустрыялі-

зацыі, калектывізацыі, аб міжнародных адносінах у свеце. Утвараліся органы народнай адукацыі, клубы, бібліятэкі.

Біржа працы прымала меры па ліквідацыі беспрацоўя. У хатах былых паноў сялілі рабочых, якія мелі патрэбу ў жыллі. Арганізавана бясплатная медыцынская дапамога. Пачаліся заняткі ў школах, сярэдніх навучальных установах. Пра працу настаўнікаў у міжваенны час расказала Бернарда Янушкевіч: «Настаўнікам забаранялі вучыць на польскай мове, дазвалялася толькі руская. Яны мелі фактычна дзве змены: у першую змену яны выкладалі па-руску, у другую – па-польску». Яна расказала і пра адносіны мясцовых жыхароў да змены мовы навучання: «Насельніцтва жадала, каб дзеці вывучалі польскую мову».

22 кастрычніка адбыліся выбары ў Народны сход. Ад Ліды былі выбраны 5 чалавек. 12 лістапада Заходняя Беларусь была прынята ў склад БССР.У красавіку 1940 г. адбылася раённая партыйная канферэнцыя.

У 1940 г. было ліквідавана беспрацоўе. Адбылася рэканструкцыя старых прадпрыемстваў, узводзіліся новыя. Зарплата павялічылася. На прадпрыемствах развярнулася сапраўднае сацыялістычнае спаборніцтва. Насельніцтва падхапіла тэндэнцыю стаханаўскага руху. Некаторых за добрую працу ўзнагароджвалі паездкай у дом адпачынку або санаторый. На фабрыцы «Ардаль» былі адчынены новы цэх, медыцынскі пункт, кабінет зубнога ўрача [3, с. 300].

Але нягледзячы на пазітыўныя змены, у хуткім часе наступіла расчараванне савецкай уладай. Першымі расчараваліся яе прыхільнікі. Да іх не было даверу з боку новай улады, мала хто з іх заняў высокія пасады ў адміністрацыі, на якія яны спадзяваліся. Павялічыліся падаткі, людзей агітавалі аддаваць лішнія прадукты дзяржаве, выганялі людзей з сёл на прымусовую працу: на высечку лесу, вываз дроў, прывоз камянёў на будаўніцтва летняга поля каля Ліды, за невыкананне можна было трапіць у турму. Ствараліся калгасы, але нават самыя бедныя людзі не імкнуліся ў іх уступаць. Зінаіда Урбановіч успамінала: «У калгас усё клікалі. Прышлюць 8 чалавек, і цэлы тыдзень ходзяць. Ідуць да кожнага

ў хату і прапануюць запісацца. Потым людзям надакучыла, пайшлі ўсе і запісаліся ў калгас. Затым пачалі забіраць коней. Аралі ж яшчэ і ў калгасе, садзілі плугам». У школах ішла агітацыя за уступленне ў камсамол. Людзям забаранялася хадзіць у царкву. Каля храмаў дзяжурылі людзі, якія павінны былі журыць дзетак, а часам нават пагражалі тым, хто туды ходзіць. Людзей арыштоўвалі, вывозілі цэлымі сем’ямі. Зімой ганялі на нарыхтоўку дроў, летам – на вываз камянёў для будаўніцтва дарог і аэрадромаў.

Жыццё людзей змянілася ўжо назаўсёды. Вось так, за некалькі дзён, мясцовае насельніцтва стала жыць у іншай дзяржаве, прыстасоўвацца да яе законаў. Ва ўспамінах відавочцаў тых падзей прасочваецца той факт, што адносіны да новай улады былі насцярожаныя.

The article refers to the events of September 1939 on the example Lidchiny. Witnesses’ memories the main source of this work. Author wanted to show the relationship impurity people to events, to show the changes that brought with it new power.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Коминч, А. Сентябрь 1939 г.: как это было / А. Коминч // Лідская газета. – 2009. – № 95. – 22 жніўня. – С. 2.
2. Кулеш, А. 17 верасня 1939 г. – паваротны момант у жыцці беларусаў / Кулеш, А // Ліда і Лідчына: да 685-годдзя з дня заснавання: матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, г. Ліда, 2008 г.; пад рэд. А. Худыка [і інш.]. – Ліда, 2008. – 141 с.
3. Сливкин, В.В. Лидаведенье. Очень краткая история для тех, кому некогда / В.В. Сливкин. – Лида, 2009. – 324 с.
4. Uszakiewicz, S. Lida sprzed laty / S. Uszakiewicz // Ziemia Lidska. – 1994. – № 14. – Maj. – C. 9.

Навуковы кіраўнік – **А.М. Загідулін***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

УДК 94(476)

Е.А. Махнач
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ НА ЗАНЕМАНСКОМ ФОРШТАДТЕ В ГРОДНО

Статья посвящена исследованию единственного сохранившегося сегодня еврейского кладбища в Гродно. Описывается история кладбища, его современное состояние, приводится классификация надгробий и изобразительных мотивов на них.

Важной частью еврейского национального культурного и исторического наследия являются кладбища. В библейской и раввинистической лексике место захоронения имеет различные названия. Наименования «бет-кварот» («дом могил») и «бет-‘алмин» (плач) вошли в современную лексику языка иврит.

«Народное» кладбище упоминается уже в Библии, появляется во всех населенных пунктах Израиля, как следует полагать, лишь в эпоху Мишны, когда были разработаны и правила устройства кладбища. Оно должно было находиться на расстоянии не менее 50 (около 25 м) локтей от ближайшего дома поселения; участок, отведенный под кладбище, следовало огораживать. Талмуд и более поздняя раввинистическая литература строго запрещают любое действие, свидетельствующее о неуважении к усопшим (еда, питье, сон, громкий разговор, выпас скота на кладбище, использование склепов в качестве кладовых и т.п.), или пересечение территории кладбища с целью сокращения пути [5, с. 332].

В христианских и мусульманских странах средневековой Европы наличие у еврейской общины кладбища было признаком ее жизнеспособности и признания властями. Иногда правители, заинтересованные в участии евреев в развитии экономики подвластных им городов, старались привлекать их в свои владения, предоставляя им, наряду с прочими, не-

обходимые для кладбища участки земли.

Кладбища еврейских общин средневековой Европы обычно располагались на краю гетто, при них имелось особое строение для омовения покойников (хадар тохора). Из-за небольших размеров кладбища часто приходилось хоронить в два (а иногда и более) слоя, оставляя между ними пласт земли толщиною в шесть ладоней, равный предписанному минимальному расстоянию между смежными могилами [5, с. 344].

К сожалению, в г. Гродно сохранилось лишь одно кладбище. Однако из исторических источников известно, что в период с XV до середины XX вв. в городе существовало три еврейских кладбища. Наиболее древнее занимало пространство вдоль ул. Кривой (сейчас на этом месте находятся автосервис и детский садик).

На кладбище также располагалась постройка, которая принадлежала гродненской еврейской общине. Здесь до Второй мировой войны размещались канцелярия похоронного общества и сторожка [2, с. 364].

Вероятно, на старом кладбище уже в XVIII в. практически не осталось свободного места для захоронения, поэтому возникла необходимость в создании нового кладбища. Оно было заложено рядом с городом, на месте прежнего выгона, возле Грандичской дороги (современная ул. Горького). Из документов Гродненской городской управы вытекает, что новое кладбище было открыто в 1791 г. Новое еврейское кладбище было самым большим по размерам, оно неоднократно расширялось за счет соседних земель в 1869, 1883, 1905 и 1923 гг. Тут же была и постройка, где размещались морг и сторожка. Кладбище закрылось в 1947 г. В 1958 г. началось его уничтожение. Уже в 1963 г. на месте кладбища построили стадион «Красное Знамя» [2, с. 365].

Единственное сохранившееся еврейское кладбище находится на занеманском форштадте, в лесном массиве, ниже по течению р. Неман от Нового моста. Основали его в XVIII в. для захоронения евреев этой части города. Здесь

сохранилось более 2000 надмогильных памятников-мацев [2, с. 366].

На некоторых небольших еврейских кладбищах могилы копали в последовательности погребений. Однако на большинстве кладбищ было принято выделять особый участок для погребения раввинов и других знатных или благочестивых членов общины. На многих кладбищах мужчин и женщин хоронили в разных рядах. Вероотступников, отлученных от общины и самоубийц следовало хоронить в отдаленном углу кладбища или за его оградой. Запрещалось погребать рядом враждующих, а также грешников и праведников [5, с. 344].

На гродненском еврейском кладбище похоронен раввин Александр Зыскинд, умерший в 1794 г. Памятник на его могиле был установлен в 1990-е гг. Перед смертью А. Зыскинд завещал не хоронить никого, кроме праведников, ближе 100 метров от его могилы. И там всегда было свободное место. Именно благодаря этому факту удалось отыскать его могилу. На этом же кладбище похоронен Шимон Шкоп – известный гродненский раввин.

Кладбище было закрыто советскими властями в 1968 г. [2, с. 366].

Старые кладбища огораживались земельно-каменными валами или примитивными каменными стенами, чаще всего на известковом растворе. Встречаются ограды из кирпича и бетона (д. Семятичи). Некоторые кладбища обносились рвом или траншеей. Так, например, благодаря наличию таких окопов получила название ул. Окопова в г. Варшаве, на которой находилось еврейское кладбище. Не огораживались кладбища малых гминов, их границами являлись лесные деревья, дорога, вспаханная полоса земли и т.д. [3, с. 105].

Границы гродненского еврейского кладбища определяет стена из камней, скрепленная известковым раствором. Сегодня каменная стена во многих местах разрушена, прорехи закрыты вставками из современных материалов. По остаткам каменной стены можно проследить изначальную

локализацию кладбища – оно занимало большую территорию, чем сегодня. Вход на кладбище представлен воротами в виде арки с железными створками, украшенными кованой шестиконечной звездой (Фото 1).

Все надгробия на кладбище можно подразделить на саркофаги и мацевы. Главная особенность саркофага заключается в том, что он не закапывается в землю. У евреев саркофаги начинают использоваться, вероятно, лишь к концу периода Второго храма. В Европе еврейские саркофаги встречаются довольно редко. Позволить их могли только обеспеченные люди [3, с. 106].

На кладбище в Гродно сохранилось 4 саркофага (фото 2). Интерес вызывает крипта, которую можно отнести к захоронениям типа саркофага (фото 3). Высота крипты составляет около 2 метров. Примечательно, что в таком богатом захоронении на надгробии размещена довольно скромная эпитафия, всего несколько строк. Из нее удалось узнать, что крипта принадлежит покойному по фамилии Рискин.

Захоронения-саркофаги можно встретить, например, в Польше на люблинском еврейском кладбище, а также на кладбищах в местечках на юго-востоке Волыни.

Другой тип надгробия – мацева. Обычно материалом для еврейских надгробий служил камень. Первое надгробие, упоминаемое в Библии и относящееся к периоду патриархов, – это мацева, установленная Иаковом на могиле Рахили.

Установка надгробия стала традицией, имеется специальный обряд их освящения. В диаспоре надгробие с XVI в. обычно устанавливают и освящают по истечении 12 месяцев после погребения. Оригинальность и вместе с тем традиционность являются характерными чертами искусства еврейских надгробий, часто отличающихся богатством декора и разнообразием символики. Изучение еврейских надгробий дает обширный материал не только по эпиграфике, но и по истории еврейского искусства с древних времен до настоящего времени [4, с. 577].

Условно содержание мацевы можно подразделить на две

части: символическая, или орнаментная часть и эпитафия. Однако наличие на памятнике символических изображений вовсе необязательно, чего нельзя сказать об эпитафиях.

В Центральной и Восточной Европе развился своеобразный стиль орнамента с использованием растительных и зооморфных мотивов, особенно в рамке вокруг эпитафии. Но и сама эпитафия благодаря эмоционально-выразительному начертанию еврейских букв и варьированию их ширины часто становилась основным декоративным элементом надгробия. Изображение на надгробии звезды Давида как символа иудаизма получило широкое распространение лишь в XIX в. До этого шестиконечная звезда на надгробиях практически не встречалась [4, с. 579].

Необходимо отметить, что народные мастера, вырезавшие и раскрашивавшие надгробия, заимствовали животные и растительные формы не из окружающего мира, а из росписей синагог и декоративных арон-кодешей [5, с. 88].

До нашего времени сохранилась определенная группа еврейских художественных памятников, относящихся к пространственно-временному ареалу ашкеназского мира, где существовала практика росписи синагог. Речь идет об иллюстрированных рукописях из Германии, некоторые миниатюры которых при сопоставлении с работами еврейских мастеров Восточной Европы обнаруживают удивительное соответствие изобразительных форм. Здесь мы видим не случайное совпадение отдельных фигур, но повторение целых мотивов и композиций. Разделенные несколькими столетиями и расстоянием в тысячи километров, памятники ашкеназской культуры из средневековой Европы и местечек Украины, Польши и Беларуси явно демонстрируют преемственность одной традиции [5, с. 89].

Со второй половины XIX в. декоративное оформление еврейских надгробий упрощается. Все чаще на них вырезаются только буквенные (шрифтовые) надписи, без каких бы то ни было украшений. К концу XIX–началу XX вв. еврейские надгробия все больше и больше отходят от национальных

традиций. Используются гранитные полированные камни, на которых на идиш или на иврите (чаще всего по-русски) делаются посвятительные надписи: фамилия, имя, даты жизни, сообщается о социальном происхождении (купец, раввин, почетный гражданин и т.д.). Чаще всего сохраняются изображения звезды Давида и семисвечника.

На гродненском кладбище можно встретить мацевы разных форм. В большинстве своем это стелы, отличающиеся друг от друга верхним окончанием. Они могут иметь форму треугольника, быть плоскими или иметь закругленную форму. Последнюю можно связать с образом скрижалей.

Что касается орнамента на мацевах, то сохранились надгробия со следующей символикой: звезда Давида, подсвечник, ладони, корона. Все эти символы, как отмечалось выше, имеют определенное значение.

Звезда Давида встречается на мацевах примерно со второй половины XIX в. Как самый известный символ иудаизма она имеет множество значений. Это символ недели и символ семи планет. Ее характеризуют как каббалистический знак проникновения мира видимого в мир невидимый, пересечения земного и небесного, соединения мужского и женского начал. Однако в данной ситуации звезда обозначает национальную и религиозную принадлежность [3, с. 122]. Звезда может быть украшена, например, растительным орнаментом.

Мацевы, на которых изображены ладони, сложенные в жесте благословения, принадлежат умершим из рода капланов, по древней традиции, потомков архикаплана Аарона, главных субъектов жертвенной службы в святыни иерусалимской. Представители этого рода могли носить фамилии Кон, Цохен, Кохен, Коган, Кац [3, с. 125].

Корона символизирует знания, мудрость и набожность умершего, это знак Торы. Корона может быть изображена вместе с ладонями каплана, книгой, львами, оленями и в других композициях. Надгробие с короной принадлежит покойному ученому в книгах иудаизма, но может означать

также главу рода. Значений много: корона капланства, корона доброго имени. Выступает также иногда на надгробиях женщин вместе с цитатой о том, что была она короной своего супруга [3, с. 126]. На гродненском кладбище сохранились надгробия с изображением именно композиции корона с ладонями (фото 4).

Светильник на надгробии чаще всего отмечается на надгробиях женщин. Часто «ветви» подсвечника украшены растительными формами или являются ветвями с листьями и цветами, что иногда больше напоминает дерево, нежели собственно подсвечник [6, с. 182]. На гродненском кладбище сохранилось единственное надгробие с изображением подсвечника, который имеет 9 свечей (фото 5). Такой тип подсвечника называется ханукея (зажигается на праздник Ханука). Это, в свою очередь, может означать, что погребенный человек родился или умер на Хануку.

Кроме вышеназванных, на кладбище занеманского форштадта имеются надгробия в виде стволов деревьев с отрубленными ветвями. Такие надгробия устанавливались в случаях, когда погребенный умер молодым или же погиб во время погрома. В еврейской традиции сломанное дерево – символ прерванной жизни [3 с. 125].

Более важной и информативной частью мацевы является эпитафия. Содержание эпитафий не регламентируется требованиями еврейской религии. Более того, мудрецы Талмуда подвергали сомнению саму необходимость в надгробном памятнике, поскольку этот обычай вызывал ассоциации с идолопоклонством. Тем не менее, к концу I тысячелетия н.э. как в Европе, так и на Востоке складывается традиция еврейских эпитафий. Содержание эпитафий хоть и не было регламентировано религией, разумеется, отражало традиционные еврейские ценности и представления [7, с. 137].

Хотя на гродненском кладбище большинство записей сделано на иврите, иногда встречаются смешанные надписи в виде краткого пояснения под основной эпитафией. Важно отметить тот факт, что со временем тенденция написания

традиционной эпитафии утрачивается. На захоронениях, относящихся ко второй половине XX в., отсутствует характерная структура эпитафии. Надписи представлены на надгробиях любых кладбищ того времени, кроме того, выполнены на русском языке. Это можно связать с утратой еврейской общиной связей с национальными традициями под влиянием советского образа жизни, а также тем, что во время войны практически все еврейское население г. Гродно было уничтожено. В результате не осталось хранителей знаний и традиций, которые могли бы проводить похоронный обряд в полном соответствии с еврейскими традициями.

Jews has long been settled in our lands. The paper describes such a monument of Jewish culture, as a cemetery. Conducted a historical analysis of the Jewish cemetery in Grodno.

Список источников и литературы

1. Кладбище // Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим, 1988. – Т. 4. – С. 332–337.
2. Сьляды яўрэйскага жыцця. Праваднік па яўрэйскай Гародні // ARCHE – 2010 – чэрвень. – С. 344–416.
3. Wiśniewski, T. Nieistniejące mniejsze Cmentarze Żydowskie / T. Wiśniewski. – Białystok: Instytut wydawniczy KREATOR, 2009. – 146 s.
4. Надгробие // Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим, 1990. – Т. 5. – С. 577–582.
5. 100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель. – Выпуск 2: Подолия / сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович; отв. ред. В. Лукин. – СПб.: Издатель А. Гершт, 2000. – 704 с.
6. Гольцман, А. Изобразительные мотивы на еврейских надгробиях Восточной Европы (менора и символика света) / А. Гольцман // Latvijas universitate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/171-188.pdf. – Дата доступа: 14.03.2011.
7. Носовский, М. Старинные еврейские кладбища Украины: история, памятники, эпитафии / М. Носовский // Евроазистский еврейский ежегодник (2007–2008) / Паллада; под ред. М. Членова (гл. ред.) [и др.]. –Москва, 2008. – С. 228–254.

Научный руководитель – **А.Н. Загидулин***, кандидат исторических наук, доцент.*

Фота 1

Фота 2

Фота 3

Фота 4

Фота 5

УДК 94(476.6)

І.А. Сямашка
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

КАСЦЁЛ СВЯТОЙ ТЭРЭЗЫ Ў ШЧУЧЫНЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

В степени развития культуры в целом архитектуры, живописи и скульптуры в частности, как в зеркале, проявляется уровень культурного и социального развития отдельных регионов государства. Особое место в культуре Щучинского района занимает костел святой Терезы. В статье представлена история костела в период с начала его строительства до настоящего времени. Описываются внутренние и внешние изменения костела, а также его архитектура и внутреннее оформление.

Першая святыня ў Шчучыне ўзнікла ў 1436 г. Як доўга будаваўся гэты касцёл і дзе знаходзіўся, невядома. У 1719 г. распачалося будаўніцтва новага драўлянага касцёла, фундатарам якога быў Юрый Андрэй Хлябіцкі-Юзэфавіч. У 1721 г. будова касцёла пад назвай святога Юрыя была закончана, і ён быў асвечаны. Гэты касцёл размяшчаўся, верагодна, непадалёку ад руін капліцы на могілках. Пасля будаўніцтва мураванага касцёла драўляная святыня стаяла яшчэ доўга [1]. Праца над мураваным храмам доўжылася да 1828 г. 15 верасня гэтага года адбылася першая імша [2].

Згодна з першым захаваным інвентарным апісаннем за 1836 г., касцёл быў пабудаваны на новым месцы, недалёка ад старога драўлянага. Ён быў з чырвонай цэглы, меў форму крыжа, быў злучаны з мураваным кляштарам, франтонам павернуты на ўсход. Першапачаткова касцёл быў пакрыты гонтай, меў акруглы купал, над якім вынесена драўляная васьмівугольная высокая вежа. Яна была пабелена і мела чатыры прамавугольныя вокны [2, л. 1]. У капітулу вялі падвойныя драўляныя дзверы. Пад імі знаходзілася акно, у якім быў закладзены цыферблат гадзінніка, а за сцяной у драўляным футляры размяшчаўся механізм гадзінніка. Вышэй даху, пад малой вежай, былі размешчаны званы з гадзіннікам з надпісам «Sieklucki, co dla tego domu pracuje, Berkman

życzy: niechwustachludziwiekuje» [3, л. 1]. Але ўжо ў 1883 г. ён не працаваў. Цяпер гадзінніка няма [4, л. 1].

У 1945 г. манастырскія карпусы перадалі вайсковай часці.

У 1964 г. ксяндза Пятрашку перавялі ў другі прыход, а праз год касцёл закрылі. Летам 1966 г. маёмасць касцёла вывезлі ў Троіцкі касцёл у в. Ішчална. Невядома куды потым трапілі срэбныя падсвечнікі, чашы і іншыя рэчы са Шчучынскага касцёла. Касцёльны арган і прыгожыя веніцыянскія вітражы былі разбіты і зламаны [5, с. 479].

У лютым 1969 г. рашэннем Савета па справах рэлігій пры Савеце Міністраў СССР будынак касцёла перадалі вайсковай часці і выкарыстоўваўся ён як клуб [6, с. 4]. У 1980 г. выканкам Шчучынскага раёна Савета народных дэпутатаў прыняў рашэнне правесці ў касцёле рэстаўрацыйныя работы і размясціць у ім цэнтр эстэтычнага выхавання моладзі.

Толькі ў кастрычніку 1988 г. было дазволена перадаць будынак рэлігійнаму таварыству католікаў для выкарыстання ў культавых мэтах. 6 лістапада 1988 г. з касцёла ў в. Ішчална была вернута маёмасць Шчучынскага касцёла, пачалася рэстаўрацыя будынка: зроблены жалезны дах, гранітная падлога, вітражы ў жалезных рамах, аднавілі галоўны алтар, купілі арган, падвесілі званы. З 1989 г. у касцёле праводзяцца набажэнствы.

Набажэнствы праводзіў ксёндз Казімір Вуйцяк. У 1990 г. ён вярнуў будынак Піярскага Ордэна і школы, якія прымыкалі да касцёла.

Знешнія веліч і прыгажосць касцёла св. Тэрэзы ў Шчучыне захапляе і пакідае незабыўныя ўражанні. Унутраны выгляд прымушае спыніць позірк на фігурах святых і абразах, на асаблівасцях аўры, якая пануе ў касцёле.

Першапачаткова ў касцёле было сем алтароў[2, л. 2]. Вялікі цэнтральны алтар з драўлянай фігурай укрыжаванага Ісуса Хрыста ў пазалочаных драўляных рамах знаходзіцца на старым ружовым сукне, другі – алтар Св. Іосіфа Каласанса, заснавальніка піярскага ордэна, трэці – алтар Св. Іосіфа

з драўлянай фігурай святога, чацвёрты – алтар Св. Антонія з драўлянай фігурай святога, пяты – алтар Найсвяцейшай Божай Маці, шосты – алтар Св. Фларыяна, сёмы – алтар Св. Тэрэзы. На сценах віселі абразы Св. Вінцэнта, Св. Давіда, Св. Лукаша, невялікі абраз Св. Ганны, два абразы каралёў Ізраільскіх, чатыры абразы Св. Дактароў каталіцкага касцёла. У перыяд з 1836 па 1839 г. у касцёле з'явіліся абразы Св. Лазара, Св. Каласанса, Св. Роха, выява сэрца Ісуса. Усе абразы намаляваныя на палатне [7, с. 60].

Перад абразам Маці Божай стаялі два высокія і два нізкія драўляныя слупы. З іх наўскос ішлі чырвоная і жоўтая стужкі. Акрамя абразоў, на сценах размяшчаліся партрэты заснавальнікаў першага драўлянага касцёла.

Пастулова драўляныя фігуры ў алтарах былі заменены абразамі. У 1888 г. ксёндз Францішак Разлуцкі прывёз абраз Маці Божай Чэнстахоўскай, які быў упрыгожаны арнаментам і пазалотай [3, л. 2,8].

У 1903 г. генеральша Быхаўцава ахвяравала Шчучынскаму касцёлу арган на пятнаццаць галасоў з фабрыкі Бломберга ў Варшаве коштам тры тысячы рублёў.

У 1903 г. ксёндз Савашынскі на ахвяраваныя грошы выпісаў з Варшавы з фабрыкі Шпяткоўскага дзве фігуры анёлаў да вялікага алтара і бронзавую лямпу з шасцю падсвечнікамі [8, л. 7].

У другім алтары быў размешчаны абраз Маці Божай, у трэцім – абраз Св. Іосіфа з Ісусам Хрыстом на руках. Яны былі ў пазалочаных рамах. Гэтыя абразы былі купленыя ў 1905 г. на грошы (дзве тысячы рублёў), ахвяраваныя ксяндзом Францам Вайцяхоўскім, у мастака Пятра Стаховіча.

Разам з перабудовамі касцёла змянялася і ўнутранае аблічча. У 1911 г. ў касцёле ўжо было не сем, а пяць алтароў. Першы алтар – галоўны. Тут знаходзілася фігура распятага Ісуса Хрыста, якая была прывезена з Бярозы Картузскай. Ніжэй ад фігуры распятага Хрыста на чырвоным сукне размяшчалася гіпсавая статуя Сэрца Ісуса Хрыста, якая была ахвяравана ў 1908 г. княгіняю Друцкаю-Любецкаю [8, л. 3].

Інвентар касцёла за 1911 г. падае, што на бакавой сцяне віселі абразы Ісуса Хрыста, Св. Гіпаліта, Св. Магдалены, над канфесіяналамі – абразы Св. Грыгорыя-Папы і Св. Карла Біскупа. На сценах знаходзіліся чатырнаццаць стацыйных абразоў.

У касцёле было шмат рэчаў культавага прызначэння з жалеза, волава, медзі, срэбра. Яны прадстаўлены келіхамі, міскамі для свянцонай вады, лыжкамі для гостыі, кадзідлы. У інвентарным апісанні касцёла за 1836 г. згадваюцца два пазалочаныя і пяць срэбных келіхаў. Інвентарнае апісанне за 1883 г. паведамляе аб тым, што над фігурай Маці Божай у вялікім алтары знаходзіліся два залатыя бранзалеты і залаты ланцужок [4, л. 1].

У 1988 г. касцёл вернікі атрымалі ў знішчаным стане. Адразу пачаліся рамонтныя працы, якія доўжацца да сённяшняга дня.

У першую чаргу, парафіяне зрабілі дах, яшчэ да таго, як у парафіі стаў працаваць а. Казімеж. Шмат часу і сіл было выдаткавана на вынясенне і вывязенне з касцёла будаўлянага смецця. Затым пачалося павольнае давядзенне святыні да парадку [9].

9 лістапада 1992 г. мастак з Вільнюса Марыёнас Лякавічус і яго супрацоўнік Ёзас Ракеліс уставілі ў вакно касцёла вітраж з выявай Св. Юзафа Каласанса. 22 снежня 1992 г. уставілі вітраж з выявай Св. Станіслава Косткі, апекуна дзяцей і моладзі. 23 і 25 жніўня 1993 г. у прэзбітэрыум былі ўстаўленыя яшчэ два вітражы: з боку возера – вітраж Маці Божай з лацінскім напісам: «Joannes Paulus II Papa B.V. Mfriam de Fatimadie 14 mensis Augusti anno 1991 Cestochovae coronavit ut Popoli Stutinensis Mater fieret» («14 жніўня 1991 Папа Рымскі Ян Павел II каранаваў у Чэнстахове Найсв. Панну Марыю з Фацімы, каб стала Маццю Шчучынскага народа»). Другі вітраж, герб Папы Рымскага Яна Паўла II, усталявалі на процілеглым баку [1].

Ад 30 чэрвеня да 30 ліпеня 1993 г. у шчучынскім кляштары жылі і будавалі арганы Пётр Тэрмён і яго сын

Бэрнард з Вільнюса. Год таму зрабілі частку аргана, у гэтым годзе заканчваюць тое, што не паспелі год таму [1].

У красавіку 1994 г. інжынер з Кракава Станіслаў Мушынскі заінсталяваў у касцёле новыя калонкі і мікрафоны [9].

У 1989 г. у парафію прыбыў піяр а. Казімір Вуйцяк. Гэта быў першы польскі святар, які атрымаў дазвол ад дзяржаўных улад на душпастарскую працу на тэрыторыі СССР. Як памятку аб сваёй пілігрымцы ў Фаціму ён прывёз фігурку Маці Боскай Фацімскай і пачаў трынаццатага дня кожнага месяца адпраўляць фацімскія набажэнствы. У 1990 г. фігурка распачала сваё сямігадовае падарожжа па парафіі. 13 кастрычніка 1990 г. а. Казімір урачыста ўвёў у касцёл вялікую фігуру Маці Божай Фацімскай, якую прывёз з Закапанага [10].

1 жніўня 1991 г. ксёндз біскуп Аляксандр Кашкевіч выступіў з лістом да Папы Рымскага Яна Паўла ІІ аб каранацыі фігуры. 14 жніўня 1991 г. Папа каранаваў яе ў Чэнстахове. Гэта адбылося ў прысутнасці ксяндзоў біскупаў Т. Кандрусевіча і А. Кашкевіча, а. пробашча К. Вуйцяка, а таксама дэлегацыі з парафіі. Шчучынская моладзь прынесла фігуры, а Папа налажыў ёй карону, такім чынам зрабіў яе каралевай не толькі шчучынскай і гродзенскай зямлі, але і ўсёй зямлі беларускай.

Два гады пазней, 25 жніўня 1993 г., Папа пацвердзіў урачыстую каранацыю Апостальскім Дэкрэтам і абвясціў шчучынскую святыню Санктуарыятам маці божай Фацімскай [10].

10 жніўня 1995 г. распачалося маляванне касцёла вапнявым растворам. Людзі з ахвотай дапамагалі парафіі [1].

На страсе былога прапускнога пункта штаба дівізіі лётчыкаў, які знаходзіцца на касцёльнай тэрыторыі, выпадкова знайшлі рэліквіі Св. Інакенція. У парафіяльным архіве захаваўся дакумент, што такія рэліквіі былі перададзеныя ў Шчучын у 1736 г. Рэліквярый з рэліквіямі Св. Інакенція аднавілі і 13 кастрычніка 2002 г. у прысутнасці душпастыра

дыяцэзіі а. Аляксандра Кашкевіча ўрачыста ўнеслі ў касцёл [1]. У гэты самы дзень пасля св. Імшы кс. біскуп асвяціў адрэстаўраваныя абразы Святой Тройцы, Звеставанне Найсвентшай Панны Марыі, Маці Божай Чэнстахоўскай, святых Яна Хрысціцеля, Юзафа Абручніка Маці Божай, Фларыяна, Антона, Казімера, Францішка і Стыгматы Св. Францішка. Усе яны цяпер знаходзяцца ў касцёле.

On the whole, in the degree of development of culture, architectures, painting and sculptures in particular, as a level of cultural and social development of separate regions of the state shows up in a mirror. The special place in culture of the Shchuchin area borrows and church of sainted Teresa. The article presents the history of the Church from the beginning of its construction period up to the present day. Describe in detail the internal and external changes to the Church, him architecture and internal decoration.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Архіў Шчучынскай рымска-каталіцкай парафіі (АШРКП). Парафіяльная хроніка Шчучынскага касцёла.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Ф. 1810. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 1 – 2: Инвентарная опись Щучинского костела за 1836 г.
3. НИАБ в Гродно. – Ф. 1810. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 1–5, 8–9: Визитное описание Щучинского костела за 1884 г.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 1810. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 1: Инвентарное описание костела за 1883 г.
5. Касцёл Св. Тэрэзы ў Шчучыне // Памяць: Гісторыка-дакументальныя хронікі Шчучынскага раёна; рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2001. – С. 478–479.
6. Каспярчук, С. Шчучынскі касцёл / С. Каспярчук // Дзянніца (Шчучынскі р-н). – 1998. – 14 кастрычніка. – С. 4.
7. Семянчук, Г. Да гісторыі касцёла ў Шчучыне / Г. Семянчук, І. Халупа // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры. – Выпуск 3. – Гродна, 1997. – С. 58–63.
8. НИАБ в Гродно. – Ф. 1810. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 3, 7, 10: Инвентарное описание костела за 1909–1911 гг.
9. АШРКП. Успаміны жыхароў парафіі Св. Тэрэзы Авільскай у Шчучыне.
10. Санктуарый Шчучынскай Каралевы // Слова жыцця. – 2006. – 15 кастрычніка. – С. 6.

Навуковы кіраўнік – **Э.С. Ярмусік***, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

ГЕНДЭРНАЯ ГІСТОРЫЯ

УДК 94(460).03

В.В. Панкевич
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛИЕНОРЫ АКВИТАНСКОЙ И ИЗАБЕЛЛЫ I КАСТИЛЬСКОЙ

Статья посвящена гендерной истории периода средневековья. Чтобы представить влияние женщин на политическую ситуацию в это время, необходимо на конкретных примерах и посредством сравнений попытаться рассмотреть изменчивость сложившихся «штампов» и стереотипов о природе женского несовершенства как в сфере политической, так и в сфере экономики, культуры, религии и т.д. Именно поэтому основной задачей исследования является анализ и сравнительная характеристика двух известных женщин, живших в разные периоды средневековья, – Алиеноры Аквитанской и Изабеллы I Кастильской.

Развитие средневековых представлений о природе женщины происходило под влиянием ряда факторов. Первый из них – реальное положение женщины в обществе, ее статус и права.

«Женщины никогда не рассматривались средневековой традицией в качестве «настоящих» государей. То, что дела управления – удел мужчин, являлось устойчивым представлением того времени. Если же в силу каких-либо причин к ним подступала женщина, лучшей похвалой ей в устах хронистов становилось указание на то, что она осуществляет свои функции «cum virilis audacia», «viriliter». Женщина могла управлять государством «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо» [3, с. 124].

Вторым фактором, повлиявшим на средневековое представление о женщине, является собственно христианская доктрина, в основу которой было положено устойчивое мнение о грехопадении женщины и ее неспособность быть пос-

лушной, действовать мудро и решительно, совершать добродетели. Все это считалось исключительно привилегией мужчин.

Однако чтобы представить влияние женщин на политическую ситуацию в период средневековья, необходимо на конкретных примерах и посредством сравнительного анализа попытаться пронаблюдать изменчивость сложившихся «штампов» и стереотипов о природе женского несовершенства как в сфере политической, так и в сфере экономики, культуры, религии и т.д.

Именно поэтому основной задачей нашего исследования является рассмотрение, анализ и сравнительная характеристика двух известных женщин, живших в разные периоды средневековья, – Алиеноры Аквитанской и Изабеллы I Кастильской.

Сравнивая этих двух королев, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на такие моменты, как приход их к власти, образование, политико-административную и хозяйственную деятельность, влияние на культуру и религиозную атмосферу в государстве, участие в военных походах и войнах.

Приход к власти средневековых королев зависел от ряда обстоятельств. Во-первых, большое значение имел капитал – политический или денежный. Во-вторых, влияние королев определялось их личными способностями и амбициями, а также силой или слабостью короля. В-третьих, многое определялось ситуацией с наследованием. Возможность находиться у руля предоставлялась королеве в случае, если она, овдовев, назначалась регентом при несовершеннолетнем сыне либо при отсутствии наследников. Существовала и еще одна возможность стать главой государства – отсутствие сыновей у правителя, но наличие дочери, которая пусть и редко, но могла высказать свои претензии на престол.

Алиенора Аквитанская, дочь аквитанского герцога Гильома X, после смерти отца, за отсутствием наследников мужского пола, стала богатейшей женщиной Европы XII в.

Ей принадлежало герцогство, занимавшее обширные территории на юго-западе Франции. Однако члены опекунского совета поспешили отдать несовершеннолетнюю правительницу замуж за наследника французского престола Людовика, который вскоре после свадьбы стал королем. Таким образом, они надеялись обезопасить герцогство от внешних врагов и захватчиков, связав прочными брачными узами два королевства.

Иным был приход к власти в XV в. Изабеллы I Кастильской. После смерти отца ей пришлось побороться за права на престол Кастилии сначала с племянницей и ее союзниками, а затем отстоять свои права в борьбе с Португалией и другими внешними врагами, которые не были готовы признать ее власть. Изабелла достаточно решительно подавляла все попытки знати подвергать сомнению законность нахождения ее на престоле. Многие важные вельможи считали возможным заключить выгодный брачный союз с королевой, однако Изабелла предпочла молодого дона Фердинанда, наследника арагонской короны. Так началась история правления двух королев, в разных государствах и в разные периоды средневековья.

Большую роль в управлении государством играло не только политическое чутье, но и уровень образованности. Однако в этот период были редкостью не только образованные женщины, но и образованные мужчины. Центрами образования как для женщин, так и для мужчин являлись в основном монастыри. Но существовали и иные взгляды на образование женщин, связанные с куртуазной традицией. Прекрасная дама, блистающая в свете и поддерживающая остроумную светскую беседу – цель куртуазного образования.

Неплохое светское образование получила королева Алиенора, так как она выросла в атмосфере формирования куртуазного направления в литературе и, проживая во дворце, часто общалась со многими поэтами того времени.

Совершенно противоположной представляется история

Изабеллы, которая воспитывалась в атмосфере ненависти к иноверцам. Королева была ревностной католичкой. Первые годы ее жизни прошли в Аревало, где она получила хорошее монастырское образование.

Вопреки многочисленным представлениям о несовершенстве участия в политике средневековых королев, об отсутствии у них способностей и возможностей к управлению, а также о неспособности их мыслить здраво и расчетливо во благо государства показательным является вполне грамотное и своеобразное правление Алиеноры Аквитанской. Ее муж вел борьбу против непокорных сеньоров, но и Алиенора неоднократно являлась ее инициатором.

О том, что королева была волевым и решительным политиком, свидетельствует и тот факт, что она сумела в критической ситуации добиться не только развода с Людовиком VII, но и не оставить ему возможности как-либо влиять на внутренние дела Аквитании. И во время второго брака с Генрихом Плантагенетом, наследником английской короны, Алиенора все чаще вела собственную политику на землях Аквитании, порой плела интриги против мужа, желая единолично править наследственными землями.

Политика, проводимая Изабеллой, была менее интригующей, но при этом не менее волевой и решительной. «Победив в династической смуте племянницу и получив корону, она продолжила, как представляется в исторической перспективе, славный путь побед и свершений: срыв полсотни замков, заставила эмигрировать или покориться ей мятежную знать, мягко поставила под контроль короны города и церковь, свела на нет значение кортесов и в результате приблизилась к режиму если не абсолютной, то ренессансной/персональной монархии» [1, с. 129].

Следует отметить, что основными средневековыми характеристиками женской добродетели были благочестие, религиозность и чтение религиозной литературы. Не случайно в средневековой литературе особой похвалы удостаивались женщины, ушедшие в монастырь, те, кто предпочел

умереть для мира и жить для Бога.

Противоречивой является фигура Алиеноры Аквитанской. Она не была столь набожна как, например, ее первый супруг Людовик. Порой королеву даже возмущало влияние, которое оказывает на ее супруга аббат Сен-Дени Сугерий, могущественный советник короля Людовика VII. Алиеноре даже удалось на некоторое время рассорить их, однако в Людовике возобладало чувство любви к другу и непоколебимая и осознанная вера. На протяжении всей жизни королева не так часто прибегала к помощи церкви и не прославилась меценатством. Однако в ее жизни были два ключевых момента, когда церковь оказала непосредственное влияние на ее деятельность. Впервые она даровала ряд привилегий монастырям в обмен на финансовую поддержку крестового похода, в подготовке которого она принимала самое активное участие. Известно, что она сделала дар аббатствам Фонтевро, Монтьернеф, Сен-Мексен. Несколько позже именно в аббатстве Фонтевро она пожелала провести остаток жизни.

Что касается участия Алиеноры в культурной жизни, то стоит заметить, что воспитанная в духе куртуазности и периода расцвета восхваления дам очень любила она, как отмечает французская исследовательница Режин Перну, «…быть в центре внимания трубадуров. По прибытии в Париж Алиенора поспешила созвать трубадуров, без которых жизнь казалась ей скучной и однообразной» [2, с. 65]. А в родной Аквитании при дворе она создает так называемый «двор любви», при котором культивировались куртуазные традиции. Здесь находили кров поэты, музыканты и художники.

Радикально отличалась от противоречивой Алиеноры Изабелла Испанская – фанатичная католичка, которая с детства воспитывалась в атмосфере нетерпимости к иноверцам. Руководствуясь этими принципами в религиозной политике, она отдает много сил завоеванию Гранадского эмирата – последнего оплота мусульман на полуострове. По ее приказу были изгнаны или крещены евреи, а затем и мавры, причем за чистотой веры новоокрещеных евреев и мусуль-

ман-маранов и морисков следила инквизиция, впервые введенная в 1480 г. в Кастилии при Изабелле.

Уделом средневековых женщин-правительниц порой оказывалось и участие в войнах или вооруженных конфликтах, по определению не предусматривавшее активного вмешательства лучшей половины человечества. Тем не менее, подготовка к таким военным действиям нередко отличалась скрупулезностью и особой изощренностью.

Алиенора Аквитанская, например, участвовала во втором крестовом походе, который начался в 1147 г., на равных с мужем и осуществляла активную агитацию и подготовку к походу. Вот как описывает эти события Режин Перну: «Собственно говоря, если некоторые из современников порицали Людовика VII, то вовсе не за то, что он взял с собой в крестовый поход жену... Алиенора, вне всяких сомнений, принимала самое деятельное участие в приготовлениях к походу. Просматривая собрания местных грамот, мы с удивлением отмечаем, как много пуатевинцев принимали участие в этом походе. Вероятно, причиной этого стало то, что Алиенора сама объехала личные владения. И ее пример, вероятно, был убедительным» [2, с. 77].

Что касается Изабеллы, то необходимо упомянуть о мужестве и храбрости, которую проявила королева во время осады Гранадского эмирата. Вместе с мужем она стойко переносила все тяготы военного похода. С весны 1491 г. город Гранада был плотно осажден. В нескольких километрах от него был сооружен опорный пункт под названием Санта-Фе. Воля населения к сопротивлению постепенно слабела. Тем временем эмир Боабдил тайно вел переговоры с Изабеллой и Фердинандом о сдаче города. 2 января 1492 г. город был завоеван. Это был крупнейший успех. После присоединения Гранады было устранено самое серьезное препятствие на пути государственной концентрации на Иберийском полуострове. Цель, поставленная еще в детстве, была достигнута.

Две женщины, две разные истории жизни, которых объединяет то, что они смогли не только достичь своих целей,

но и повлиять на судьбу своих государств.

Алиенору Аквитанскую справедливо называют «бабушкой Европы», поскольку ее внуки и правнуки господствовали не только при французских и английских дворах, но и расселились на территории Сицилии, Кастилии и даже Германской империи. А правление Изабеллы Испанской ознаменовалось окончанием Реконкисты и объединением испанских земель.

The article deals with the Middle Ages' gender history. In order to actually imagine women's influence on the Middle Ages' political situation it is necessary to try to observe the variability of existing clichés and stereotypes about women's imperfection in political, economic, cultural, religious and other spheres by using concrete examples and comparisons. That is exactly why the main and priority aim of this article is to examine, analyze and conduct comparative study of the 2 famous women in history, who lived in different Middle Ages ' periods – Eleanor of Aquitaine and Isabella I of Castile.

Список источников и литературы

1. Зеленина, Г.С. «Божественная Дева» vs. «проклятая жена»: Изабелла Кастильская под пером жертв своей религиозной политики / Г.С. Зеленина // Испанский альманах. – М., 2008. – Вып. 1. – С. 129–139.
2. Перну, Р. Алиенора Аквитанская / Р. Перну. – СПб.: Евразия, 2001. – 319 с.
3. Тагоева, О. Женщина у власти на средневековом Западе / О. Тагоева // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: //http://krotov.info. – Дата доступа: 11.02.2011.

Научный руководитель – **Г.В. Васюк**, кандидат исторических наук, доцент.

УДК 371-055.2=411.16

М.Г. Коженевская
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

ЕВРЕЙКИ г. ГРОДНО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В статье рассматривается социальное положение еврейской женщины в г. Гродно во второй половине XIX – начале XX вв. Под влиянием социально-экономических, политических и культурных процессов в этот период в Российской империи происходила определенная трансформация гендерного стереотипа женского поведения, что затронуло и некогда замкнутое еврейское общество.

Согласно традиции, единственным достойным женщины занятием был дом, рождение и воспитание детей. Однако из-за вечной занятости еврейских мужей талмудической наукой многие их спутницы вынуждены были брать на себя явно неженские заботы, и, учитывая социально-экономические изменения на белорусских землях во второй половине XIX–начале XX вв., занимать более активную позицию в обществе.

В этот период население Гродно по-прежнему носило поликонфессиональный характер. Еврейское население составляло более половины от общей численности населения города. В 1853 г. общее число жителей г. Гродно равнялось 15 555 человек, из них мужчин – 7152 человека, женщин – 8043 человека, из этого числа евреев-мужчин было 3791 человек (50 %), евреек – 4885 человек (60 %) [5]. На 1908 г. число жителей Гродно составляло 41 896 человек, мужчин – 21 421 человек, из которых евреев – 13 480 (62 %), женщин – 20 475, из них евреек было 12 549 (61 %) [4].

Согласно переписи населения 1897 г., из 329 евреек трудоспособного возраста, которые жили в Гродно на улицах Белостокской, Городничанской, Замковой, Иерусалимской, Подольной, Полицейской, Дровяном переулке, Скидель-

ской и Грандичской заставах, 131 (39,8 %) самостоятельно зарабатывали на жизнь [7]. Большинство из них – 45 (13,68 %) – были служанками (нянями, кухарками, горничными, сиделками). Это были в большинстве своем молодые незамужние девушки в возрасте от 12 до 25 лет, изредка – пожилые вдовы. 33 женщины (10,03 %) работали на табачных и гильзовых фабриках. Среди работавших евреек были, кроме того, 24 ремесленницы, 18 торговок, 3 рукодельницы, 2 учительницы, 2 акушерки, 2 проститутки, 2 нищие, ростовщица, огородница [7]. Гродненские еврейки также торговали с лотков селедкой, пирожками и другой снедью, занимались стиркой.

Еврейки нередко стояли во главе торговых и промышленных предприятий. Так, в 1898 г. Хая-Лея Яффе в г. Гродно владела винокурным и пивоваренным заводами; медоваренными заводами владели Хана Гафаль и Бася Зак; свечными заводами – Хая Свечник [8]. В 1910 г. Марья Яковлевна Заморская владела книжным и писчебумажным магазинами [9].

Еврейки в Гродно были владелицами гостиниц, ресторанов и типографий. В 1910 г. Елизавета Ашкенази владела гостиницей «Метрополь», Флора Лапина – типо-литографией, Либа Сыркина – гостиницей «Бель-Вю», Эстер Федер – гостиницей «Коммерческая» и рестораном [10]. Согласно списку владельцев торговых и промышленных предприятий по г. Гродно за 1910 г., из 106 владельцев 36 составляли еврейки (34 %) [9].

Когда в 80-е гг. XIX в. экономика России находилась в состоянии кризиса и многие преуспевавшие прежде фирмы вынуждены были расстаться со своими приказчиками, то их роль стали выполнять дочери хозяев, закончившие курс гимназии и хорошо владевшие математикой и даже знаниями бухгалтерского учета [6, с. 140].

В конце XIX–начале XX вв. распространилась мода на фотографии. В Гродно появилось большое количество фотомастерских, владельцами которых были и евреи. Среди них

– гродненка Ента Овсеевна Райхштейн, которая в 1894 г. открыла собственную мастерскую [7].

В еврейской среде обыкновением было то, что женщина заботилась о финансовом благополучии семьи, чего нельзя было сказать о ее необходимости учиться в школе. По еврейской традиции женщины были освобождены от начального образования, которое было обязательным для мужчин, вообще стремление женщины к науке воспринималось неодобрительно. Но время диктовало новые условия, и во второй половине XIX в. еврейских девушек можно было увидеть в учебных заведениях, начальных и средних, государственных и частных, включая хедеры. Подобного рода учебные заведения существовали и в Гродно.

Следует отметить, что как такового среднего еврейского образования в середине XIX в. не существовало. Поэтому еврейские юноши и девушки стремились получить среднее образование в общих гимназиях, прогимназиях и т.д. Число евреев в подобных учебных заведениях на протяжении XIX в. увеличивалось. Это особенно заметно в женских средних учебных заведениях. Стремление к гимназическому образованию было связано с тем, что для евреев женские гимназии представлялись единственными заведениями, где их дочери могли получить достойное женское образование. В Гродненской женской гимназии, которая была открыта в 1860 г., еврейки составляли значительную часть учениц. В 1875 г. из 237 учениц 98 были еврейками (41 %) [1], в 1905 г. из 501 ученицы 184 были еврейками (38 %) [3].

Но не все еврейки стремились учиться в государственных учебных заведениях. Некоторые желали получать образование в учебных заведениях, где наблюдалось сочетание светскости и еврейской традиции. Это было характерно, как правило, для частных школ и гимназий. Еврейки г. Гродно во второй половине XIX–начале XX вв. могли получать образование подобного характера в следующих учебных заведениях:

- еврейское частное женское училище Теофании Васи-

львевны Острогорской (иудейка по вероисповеданию, имела звание домашней учительницы), было основано в 1852 г.; в 1907–1908 учебном году называлась Гродненская частная 7-классная с подготовительным классом еврейская женская гимназия Л.С. Вальдман и Т.В. Острогорской;

- Гродненское одноклассное женское училище Бейлы Шимелевны Гальперн, было основано в 1884 г., в нем обучались 63 еврейки (в 1885/1886 гг.);
- еврейское 2-классное народное училище (с 3-годичным курсом) с женской сменой (основано 1 ноября 1902 г.);
- частное еврейское женское училище Томариной;
- 2-классное с подготовительным классом женское еврейское училище Погребетской [8].

Со второй половины XIX в. обычным явлением стало посещение девушками еврейских религиозных школ. В 1914 г. в Гродно насчитывалось 34 хедера, в которых обучались 769 мальчиков и 61 девочка [2].

Среди молодых евреек в возрасте от 18 до 30 лет, желавших получить специальность в конце XIX–начале XX вв., была популярна Гродненская повивальная школа. Это учебное заведение, основанное 1 октября 1876 г., принимало на конкурсной основе кандидаток, владевших русским языком [6, с. 252]. Основная задача деятельности повивальных школ – «дать местному населению разумную акушерскую помощь в лице опытных, сведущих повивальных бабок» [11, с. 52]. При Гродненской повивальной школе было открыто родильное отделение, где воспитанницы получали практические навыки [11, с. 55].

Женщины в то время принимали участие в общественной жизни города, однако, оно было весьма ограниченным, могло проявляться, например, в сфере благотворительности. Оказание помощи неимущим было традиционным для еврейского мира. Пожертвования собирали уполномоченные общиной лица, специальные ящички для сбора мелочи были в каждом доме, подавали милостыню и нищим, обходившим дома. В каждой общине были благотворительные

комиссии, в которых работали еврейки. Например, в Гродно в 1914 г. «первые дамы» местного кагала создали Общество помощи еврейкам, ученицам правительственных и частных гимназий [7].

Таким образом, во второй половине XIX–начале XX вв. наблюдались тенденции к нарушению в еврейской среде гендерного стереотипа женского поведения. Еврейская женщина стала активно проникать в сферы образования, бизнеса и общественной жизни, что во многом было обусловлено экономической и политической ситуацией на белорусских землях в Российской империи.

The article deals with the social situation of the Jewish woman in Grodno in the second half of the XIX–early XX centuries. Under the influence of socio-economic, political and cultural developments in this period in the Russian Empire, there is a certain transformation of gender stereotype of women's behavior, affecting the once closed Jewish society.

Список источников и литературы

1. Ведомость о состоянии губернии за 1875 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. – Оп. 15. – Д. 531. – Л. 3–7.
2. Иванчик, А.О. Еврейские учебные заведения в Гродно в XIX–начале XX вв. / А.О. Иванчик // Гродна і гродзенцы: дзевяць стагоддзяў гісторыі (да 880-годдзя горада): матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 10–11 красавіка 2008 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал. А.І. Антоненка [і інш.]. – Гродно, 2008. – С. 495–498.
3. Отчет о прибыли и расходах на содержание Гродненской женской гимназии за 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 2–10.
4. Памятная книжка Гродненской губернии на 1908 г. / Изд-во Гродненского статистического комитета. – Гродно: Типография губернского правления, 1909.
5. Сведения по годовому отчету Господину начальнику Гродненской губернии от Гродненского городового магистрата за 1853 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 415. – Л. 5–9.
6. Соболевская, О.А. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О.А. Соболевская, В.В. Гончаров: Донецкий центр института востоковедения им. Крымского НАН Украины. – Донецк, 2005. – 372 с.
7. Соболевская, О.А. Из истории еврейской женщины на Беларуси в

XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ytec.ru/Gorodok/Gorodok_juden_womam.html. – Дата доступа: 10.03.2012.
8. Соркіна, І. Навучальныя ўстановы, настаўнікі і вучні Гродна ў 60-я гг. XIX–пачатку XX стст. / І. Соркіна // Гарадзенскі палімпсест. – 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры XVI–XX стст. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2011. – С. 355–394.
9. Список владельцев торговых и промышленных предприятий, по коим заявлениям требуемых ст. 123 // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 305. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1–4.
10. Список гостиниц, ресторанов, типографий и контор сельскохозяйственных обществ в Гродненском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 305. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 1–4.
11. Ступакевич, М.А. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX–1917 г.) / М.А. Ступакевич. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 170 с.

Научный руководитель – **И.В. Соркина**, *кандидат исторических наук, доцент.*

ПЕРСАНАЛІІ

УДК 94 (410.1) (092)

Е.В. Бобровник
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

Т.Б. МАКОЛЕЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Т.Б. Маколей (1800–1859) – английский историк, писатель и поэт. В английской историографии наследие Т.Б. Маколея оценивается очень высоко. Его труды – это подведение итогов славного исторического пути англичан. Произведения Т.Б. Маколея были столь популярными, что они не только переиздавались огромными тиражами в Англии, но и были переведены на языки почти всех культурных народов мира.

В истории английского парламента и общества в целом 20–30-е гг. XIX в. занимают особое место. Это было время глубоких потрясений социально-экономического и политического характера, предшествовавших стабильности и процветанию викторианского периода. Т.Б. Маколей приложил немало усилий для достижения этой стабильности и процветания.

Политический строй Англии в начале XIX ст. в своих основных чертах почти не изменился по сравнению с предыдущим веком. Трудящиеся массы не имели голоса ни в парламенте, ни в местном управлении. По-прежнему вся полнота власти находилась в руках земельного дворянства и, прежде всего, крупной титулованной аристократии. Представители знати распоряжались депутатскими мандатами и нередко назначали депутатов в парламент. Существование так называемых «гнилых местечек» облегчало продажу и покупку депутатских мест. Были такие случаи, когда весь избирательный участок насчитывал только одного избирателя, который сам открывал собрание избирателей, сам «избирал» себя председателем, выдвигал кандидата и «голосовал» за него, конечно, единогласно [1, с. 195].

Правительство, в основном отражавшее интересы землевладельческой аристократии, своей политикой вызывало

резкие возражения со стороны буржуазии. В ходе борьбы за свои интересы английская промышленная буржуазия приходила к выводу, что для осуществления выгодной ее политики необходима реформа парламента и увеличение ее непосредственного участия в обеих палатах, тем более, что в результате идущего быстрыми темпами промышленного переворота сила и богатство буржуазии быстро возрастали. Она не хотела находиться в подчиненном второстепенном положении. Наиболее энергичные ее представители требовали серьезных реформ в ряде областей – в управлении, в экономической политике государства, во внешней политике.

В июне 1830 г. в связи со смертью короля были назначены выборы в парламент. Число депутатов, поддерживавших реформу парламента, значительно увеличилось. К власти пришли виги, обещавшие осуществить реформу. Партия вигов, хотя и состояла в основном из представителей дворянства и земельной аристократии, как и партия тори, но в отличие от последней была более тесно связана с интересами буржуазии: виги активно участвовали в промышленной и торговой деятельности [2, с. 59].

Миллионы людей, сосредоточенные в городах, вовлекались в политическую жизнь, привыкали к политическим дискуссиям во время борьбы за реформу парламента, в периоды избирательных кампаний, у них появились свои лидеры, своя пресса, свои общества и клубы, театры. Это позволило не только среднему классу, но и широким слоям населения – рабочим, ремесленникам, мастерам, зарождающейся интеллигенции – не просто высказать свое мнение, но и оказывать определенное давление на правительство и общественное мнение, практически не прибегая к жестоким мерам выражения своего недовольства. Политическая жизнь сосредоточилась в промышленно развитых городах, но центром ее, безусловно, оставался Лондон [3, с. 243].

Именно в таких условиях состоялся парламентский дебют Т.Б. Маколея. В тридцатилетнем возрасте Томас Бабингтон Маколей стал членом парламента. Он был среднего роста, довольно толст, крепкого телосложения. Его манеры

отличались простотой, его фигура была привлекательной, несмотря на неуклюжую походку. Особенно привлекательны были правильные и подвижные черты его лица, высокий лоб и темно-голубые глаза. Очарование усиливалось, когда он говорил. Т.Б. Маколей был первым человеком в салонах Лондона, ярким представителем английской нации.

Святая святых Т.Б. Маколея – политическая свобода. Он любил ее из интереса, потому что она обеспечивает безопасность собственности и счастье каждого человека, наконец, из гордости, как патриот, потому что эту свободу защищал ряд лучших и честных деятелей отчизны. Ничто не возмущало его в такой степени, как вид насилия и в прошлом, и в настоящем, и в Англии, и где угодно [4, с. 45].

5 апреля 1830 г. он выступил с речью по вопросу об эмансипации евреев. По словам оратора, принципиальные сторонники терпимости должны были высказаться за эмансипацию. Католиков обвиняют в политических происках, в поисках прозелитов, в терпимости лишь по бессилию. На евреев этого обвинения распространить нельзя. «Относительно евреев история Англии показывает нечто совершенно противоположное. Она представляет, – говорил Т.Б. Маколей, – перечень угнетений и несправедливостей, которые претерпел этот народ без малейшей попытки возмездия. С начала до конца мы видим ряд гнуснейших жестокостей и лишений, перенесенных евреями ради своей веры». С этой точки зрения Т.Б. Маколею казалось несправедливым отказывать евреям в политических правах на том же основании, как католикам. Это значило бы, по его мнению, одинаково осуждать «равносильного и слабого, пылкого и терпеливого, пропагандиста и человека, чуждого всякой пропаганды, политика и человека религиозного» [5, с. 5].

Противники уравнения в правах евреев говорили, что евреи более привязаны к своему племени, чем к английскому народу, и что в этом одно из препятствий к наделению их политическими правами. Т.Б. Маколей считал недоказанным подобное утверждение. Его красноречие оказало свое действие. Палата приняла в первом чтении билль о право-

способности евреев большинством голосов: 115 против 97, но спустя месяц это решение было отвергнуто, и через три года Т.Б. Маколею снова пришлось говорить на эту тему.

Когда же Т.Б. Маколея спрашивали, где он намерен остановиться в своих либеральных стремлениях, не допустит ли он вслед за евреем в члены парламента магометанина или индуса, поклоняющегося семиголовому идолу, он отвечал тоже вопросом: где намерены остановиться его противники? «Согласны ли они, – спрашивал он, – жечь неверующих медленным огнем? Если нет, то пускай скажут причины, и я докажу, что их причины так же действительны в отношении нетерпимости, которую они считают справедливой, как и в отношении нетерпимости, которую считают преступной».

Для Т.Б. Маколея всякое стеснение было преследованием, и лучшее доказательство этой точки зрения он находил в том, что сторонники гонения никогда не согласятся подвергнуться защищаемым ими ограничениям [5, с. 51].

За время, прошедшее со времен революции середины XVII в., это событие оказалось в центре общественного внимания в 10–20-е гг. XIX в. Повышенный интерес к этой теме был тесно связан с политическим кризисом, который переживала Англия в тот момент. Вопрос о необходимости реорганизации избирательной системы зазвучал с небывалой прежде силой на митингах и в печати. Вместе с тем, было очевидно, что общественная активность направлена именно в защиту идеи реформы существующего политического механизма.

Первый билль о реформе был внесен в палату общин 1 марта 1831 г. и прошел в палате во втором чтении большинством всего в один голос. Правительство распустило палату, надеясь при новых выборах провести в парламент сторонников реформы.

Выборы в парламент в июне 1831 г. проходили под знаком борьбы за реформу и дали сторонникам последней большинство в 136 голосов. В сентябре 1831 г. билль прошел в палате общин и перешел на утверждение в палату лордов. Однако последняя проголосовала против билля, даже не

потрудившись его обсудить. Это было открытым вызовом народу. В массах росло возбуждение. В Бристоле и Глазго толпа разгромила дома наиболее ненавистных противников реформ. Выступления народа напугали вигов. Правительство прибегло к свирепым репрессиям: участники выступлений в Бристоле и Глазго были отданы под суд, несколько человек были казнены. 5 декабря 1831 г. правительство в третий раз внесло в палату билль о реформе, и в марте 1832 г. новый билль, пройдя в палату общин, поступил в палату лордов. Однако и на этот раз лорды изуродовали и отвергли билль. Это вызвало огромное возбуждение в стране. Политические союзы буржуазии призывали народ не платить налоги до тех пор, пока билль не станет законом [1, с. 137]. Сторонники реформы добились своего, и билль прошел через палату лордов. Подписанный королем 7 июня 1832 г. билль стал законом.

Реформа 1832 г. была первой в ряду реформ избирательного права в Великобритании в XIX в.. Она поколебала средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц и ознаменовала начало перехода к новым принципам представительства от количества населения. Она проводилась правящей аристократией и верхушкой финансовой буржуазии в их же интересах, что обусловило незначительный результат. Вместе с тем, она показала, что правящая элита, пусть под серьезным давлением, но была готова пойти на уступки, на компромисс с торгово-финансовой и промышленной буржуазией, лишенной политической власти, оказать влияние на политику представительства, и заинтересованной в ее изменении [3, с. 209].

Речи Т.Б. Маколея всегда были событием парламентских заседаний. Как только разносилась весть, что он собирается говорить, депутаты спешили на свои места, парламентские чиновники покидали свои бюро и даже буфетная прислуга искала местечко, чтобы послушать оратора.

Т.Б. Маколей говорил плавно, почти не переводя дыхания, несколько монотонным голосом, заложив левую руку за спину и делая правой редкие движения. Его речи были

своего рода эссе, только не написанные, но столь же прекрасные во всем, что было автором не спеша и строго обдумано. Напротив, когда надо было возражать, когда начинался перекрестный огонь коротких, но метких дебатов, Т.Б. Маколей вдруг как бы терял свое красноречие и, окончив главную речь за или против, как правило, молча сидел на своем месте [4, с. 52].

Писатель одерживал в нем верх над оратором. Он это чувствовал, и потому с первых дней своей парламентской деятельности думал о более спокойном и подходящем поприще. К тому же материальное положение его и его родных было неудовлетворительным, и он с большой охотой принял предложенную ему должность члена верховного индийского совета. В 1834 г. он попрощался с парламентом. Ему улыбалась перспектива побывать в неизвестном крае, получить новые впечатления, наконец, возможность собрать небольшой капитал для безбедного существования, так как жалованье назначалось большое – 150 тысяч рублей в год.

Новая страна сильно заинтересовала Т.Б. Маколея. Описанием ее нравов и памятников изобилуют его письма в Англию. Но как ни своеобразна, ни самобытна была культура страны, новый администратор ни минуты не сомневался, что все, что хорошо в Англии, должно быть хорошо и на Индостане. Таков был основной мотив четырехлетней деятельности Т.Б. Маколея в Ост-Индии.

Его назначение предполагало реформы. Действия Ост-Индской компании, заправлявшей на основании монополии делами английских владений полуострова, признаны были правительством метрополии неудовлетворительными, а продление монополии еще на четырнадцать лет считалось временной мерой, окончательной отмене которой должны были предшествовать реформы края и строгий контроль над действиями компании. В этом состояли полномочия Т.Б. Маколея, и он деятельно принялся за работу. Прежде всего, его внимание сосредоточилось на просвещении народа [4, с. 56].

Но в то время задачей правительства в этой сфере при-

знавалось «распространение европейской науки и литературы среди туземцев британской Индии», а лучшим средством – язык метрополии. В этом направлении, несомненно, были свои невыгоды для колонии, она как бы готовилась на вечное пленение англичанами. Зато, с другой стороны, это давало ей важное оружие – науку, и уж от доброй воли первых обладателей этого оружия зависело, поделиться им с массой на родном для нее языке и подготовить возвращение старины – политической самостоятельности, озаренной светом свободы и науки. Как англичанин Т.Б. Маколей, понятно, симпатизировал всему английскому. Оно было для него синонимом прогресса, и он дарил Индии то, что считал лучшим.

Главным трудом Т.Б. Маколея в Ост-Индии было составление уложения законов для индусов. В помощь ему были назначены четыре помощника, в руководство дана программа с двумя принципами: суд – беспристрастный, дешевый и скорый, наказания – без лишней жестокости. Т.Б. Маколею предоставлялось не только собрать уже существовавшие законы и обычаи, но также преобразовать их согласно требованиям разума и необходимости. Труд был громадный, однако уложение было окончено без проволочек. По мнению одних, оно было прекрасно, являлось совершеннейшим произведением законодателя; по мнению других, оно было ниже всякой критики.

По словам Г.В. Вызинского, истина была посередине. Труд Т.Б. Маколея обладал достоинствами со стороны теоретической и недостатками – с практической. «Он был, можно сказать, слишком хорош для индийского населения. Индусы еще не доросли до таких законов. Различие туземных пород сделало почти невозможным его применение» [6, с. 61]. Справедливость этого мнения отчасти доказывается следующим письмом мадрасского туземца к самому Т.Б. Маколею. «Известно Вашему превосходительству, – писал корреспондент, – что все зло происходит от одной причины, а именно: от усвоенной жителями этой страны привычки давать ложные показания в суде. Судья решительно не знает, чему верить. Если Вы сумеете принудить жителей говорить

только то, к чему обязывает их присяга, то имя Ваше прославится и дела компании будут процветать. Я не скрою этого от Вас ради Вашей пользы и ради интересов правительства. Прикажите только отрезать большой палец на правой ноге у всякого, кто скажет на суде неправду, и Вы убедитесь, что слава Вам будет обеспечена навек...» [5, с. 7].

Если хорошее действительно оказалось несвоевременным, то Т.Б. Маколей мог утешиться сознанием, что и в Индии остался верен чувству гуманности и преданности прогрессу. В остальном он мало находил утешения. Как прежде он рвался в Индию, так теперь его тянуло на родину, и он даже выражал желание хоть умереть, но поскорее увидеть Англию. Наконец в 1838 г. он покинул Калькутту.

По возвращении на родину Т.Б. Маколей начал писать «Историю Англии» и вновь был избран членом парламента, благодаря блестящей деятельности в котором вскоре получил пост министра по военным делам, а в 1845 г. – государственного казначея. Однако в 1847 г., проиграв выборы, он решил посвятить себя литературе и науке. Судя по тому, что в день этого фиаско Т.Б. Маколей написал довольно длинное стихотворение, полное душевного спокойствия, он не особенно сожалел о потере места в палате. Подводя итоги своей парламентской деятельности, он мог спокойно удалиться в мирную тишину своего рабочего кабинета. Там его ждали наброски любимого и лучшего его произведения – «Истории Англии».

Т.Б. Маколей всегда оставался в толпе, в среде ее интересов, он никогда не забывал, что известное событие, известная личность принесли современникам или радость, или горе, или способствовали благоденствию Англии, или тормозили ее развитие. От всех человеческих поступков он требовал пользы. Есть эта польза для общества и для отдельного человека – он сияет, он – адвокат этого дела, события, лица; нет – в таком случае не ищите более сурового и неумолимого прокурора. И таким Т.Б. Маколей оставался всегда – и как историк, и как критик, и как общественный деятель, иначе говоря, он всегда оставался последним [4, с. 76].

Он был в этом отношении ярким представителем английской нации, чуждой преклонения пред туманными идеалами, более поэтичными, чем осуществимыми. Философия, литература, искусство, политика – вот неполный перечень сфер деятельности, в которых Т.Б. Маколей применил свою мерку полезности.

T.B. Macaulay (1800–1859) is known as the large English historian, the writer and the poet. In an English historiography T.B. Macaulay's heritage is traditionally estimated very highly. For Englishmen works T.B. Macaulay were summarizing of their nice historical way. Its works were so popular that they not only were republished in huge circulations in the England, but also were translated into languages of almost all cultural people of the world. However in English society he played a huge role not only as the historian, but also as the politician.

Список источников и литературы

1. Романова, М.И. Борьба за парламентскую реформу в английском обществе конца XVIII ст. / М.И. Романова // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 135–139.
2. Романова, М.И. Парламентская реформа 1832 г. в Англии и ее последствия / М.И. Романова // Новая и новейшая история. – 2005. – № 4. – С. 58–68.
3. Иглз, Р. История Англии / Р. Иглз. – М., 2008. – 294 с.
4. Барро, М. Маколей. Его жизнь и литературная деятельность / М. Барро. – СПб., 1894. – 78 с.
5. Маколей,Т.Б. Англия и Европа. Избранные эссе / Т.Б. Маколей. – СПб., 2001. – 512 с.
6. Вызинский, Г.В. Лорд Маколей, его жизнь и сочинения / Г.В. Вызинский. – СПб., 1860. – 86 с.
7. Кертман, Л.Е. География, история и культура Англии / Л.Е. Кертман. – М., 1979. – 384 с.

Научный руководитель – **Е.И. Мелешко***, кандидат исторических наук, доцент.*

УДК 94(476) 1921/1939

А.С. Горны
(Гродна, ГрДУ імя Янкі Купалы)

ТОДАР ВЕРНІКОЎСКІ ЯК РЭДАКТАР БЕЛАРУСКАЙ ПАЛАНАФІЛЬСКАЙ ПРЭСЫ Ў МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ: ШТРЫХІ ДА ПАРТРЭТА НАЦЫЯНАЛЬНАГА ДЗЕЯЧА

В статье анализируется деятельность белорусского общественно-политического деятеля Федора Верниковского на посту редактора ряда полонофильских изданий межвоенной Польши. Через призму биографии Верниковского автор статьи также пытается рассмотреть основные моменты развития таких белорусских полонофильских печатных изданий, как «Беларускае слова», «Грамадзянін», «Беларускі радны».

Жыццё беларускага нацыянальнага дзеяча і палітыка Тодара Вернікоўскага ўжо знайшло адлюстраванне ў шэрагу нарысаў, у якіх, аднак, пераважна рабіўся акцэнт на даследаванні яго грамадска-царкоўнай працы [1; 2]. Мэта дадзенага артыкула – прасачыць палітычную дзейнасць і погляды гэтага дзеяча праз прызму перыядычных выданняў, рэдактарам якіх ён быў у другой палове 1920-х гг.

У верасні 1924 г. у Вільні, пасля расколу ў Беларускім грамадзянскім сходзе, была ўтворана Часовая Беларуская Рада (далей – ЧБР), вакол якой аб'ядналіся беларускія палітыкі паланафільскай арыентацыі [3, с. 302–303]. На чале гэтай арганізацыі стаў Арсень Паўлюкевіч – лекар і былы ўдзельнік Слуцкага паўстання 1920 г. ЧБР адразу заявіла аб сабе як аб антыкамуністычнай сіле і падвергла рэзкай крытыцы працу Беларускага пасольскага клуба ды іншых беларускіх палітычных арганізацый, якія знаходзіліся ў апазіцыі да польскіх уладаў. Але ў 1924–1925 гг. Рада не змагла разгарнуць колькі-небудзь шырокай дзейнасці сярод заходнебеларускага насельніцтва, акрамя, бадай што, выдання і распаўсюджання свайго друкаванага органа – газеты «Грамадскі голас».

Газета «Грамадскі голас» пачала выходзіць 22 чэрвеня 1924 г. і першапачаткова з’яўлялася выданнем Беларускага грамадзянскага сходу. Пасля з’яўлення ЧБР газета апынулася пад кантролем гэтай арганізацыі. Яе рэдактарам і выдаўцом увесь час быў Язэп Салавей – вядомы віленскі дзеяч і журналіст, які меў пэўны вопыт у выдавецкай справе (у 1917–1918 гг. у Вільне ён выдаваў беларускую газету «Гоман»). Усяго на працягу 1924–1926 гг. выйшла 100 нумароў «Грамадскага голасу». Выданне газеты было спынена ў студзені 1926 г., калі рэдактар Салавей раптоўна памёр ад сардэчнага прыступу па дарозе дадому [4, с. 1]. Апошні нумар выдання з некралогам першаму рэдактару рэдагаваў ужо іншы чалавек – нейкі А. Чуйко. Гэта стала падставай для абурэння ў беларускай левай прэсе. Справа ў тым, што паводле тагачаснага польскага законадаўства выдаваць газету пад той самай назвай другая асоба магла толькі тады, калі ранейшы выдавец пісьмова адмовіўся ад выдавецкіх правоў на карысць гэтай асобы. Зразумела, што заўчасна памерлы Я. Салавей не паспеў напісаць гэты дакумент, таму выданне сотага нумару «Грамадскага голасу» пад старой назвай, але з новым рэдактарам, было ў пэўнай ступені парушэннем закона. Аднак з боку ўладаў ніякай рэакцыі не назіралася. «Ясна тое, што гэтае беззаконьне дапусьціў сам Пан Камісар Ураду на м. Вільню, Вімбор, які так беспардонна канфіскуе незалежную беларускую прэсу: для «сваіх» людзей, як відаць, закон у Польшчы няпісаны...» – трапна заўважыла тагачасная газета «Беларуская ніва» [5, с. 3].

Каб не ўпасці тварам у бруд перад сваімі прыхільнікамі і польскімі ўладамі, лідар ЧБР Арсень Паўлюкевіч вырашыў распачаць выданне газеты пад іншай назвай. Для гэтага неабходна было знайсці новага рэдактара і выдаўца. Выбар паў на Тодара Вернікоўскага. Пакуль невядома, чаму менавіта на яго была ўскладзена гэтая справа. Вернікоўскі раней не сутыкаўся з выдавецкай працай, але быў добрым арганізатарам і эканамістам, што, верагодна, адыграла сваю ролю ў выбары рэдактара будучай газеты. Да гэтага часу ён

адышоў ад актыўнай палітычнай працы і быў кіраўніком шэрагу правінцыйных аддзелаў ЧБР і таварыства «Прасвета».

Першы нумар новага тыднёвіка пад назвай «Беларускае слова» пабачыў свет 3 лютага 1926 г. Рэдактар імкнуўся захаваць знешняе і ўнутранае падабенства новай газеты з «Грамадскім голасам»: падобнымі былі нават назвы асноўных рубрык – «Палітычны агляд», «Агляд прэсы», «У СССР», «Жыццё правінцыі», «Юрыдычныя парады» і інш. «Беларускае слова» працягнула антыкамуністычную і прапольскую лінію сваёй папярэдніцы, значна пашырыўшы і ўдакладніўшы яе. У першай перадавіцы былі размешчаны праграмныя мэты выдання, якія шмат у чым адлюстроўвалі і палітычную платформу самой Часовай Беларускай Рады. Была падкрэслена лаяльнасць да польскіх уладаў, польская дзяржаўнасць прызнавалася ў існуючых межах, а Заходнюю Беларусь прапаноўвалася вылучыць у асобную аўтаномную адзінку, далучыўшы да яе і ўсходнюю частку. Пытанне аб незалежнасці беларускіх тэрыторый адкладвалася на неакрэслены час. Вызначаючы небяспечнае геапалітычнае палажэнне Польшчы, беларускія паланафілы заклікалі да згоды ўсіх грамадзян «Краю» і салідарнасці ўсіх класаў грамадства, што было фактычна раўназначна палітычнай пасіўнасці. Акрамя гэтага, у праграме меўся пункт аб пабудове нацыянальна скіраванай царквы, аўтарства якога безумоўна належала Т. Вернікоўскаму, які праяўляў асаблівую заклапочанасць у пытаннях царкоўнага жыцця [6, с. 1].

Але трэба прызнаць, што Т. Вернікоўскі меў на выданне нязначны ўплыў. Асноўны рэй у «Беларускім слове» да 1928 г. задаваў Арсень Паўлюкевіч, які імкнуўся выкарыстоўваць газету як пляцоўку для вырашэння асабістых рахункаў са сваімі праціўнікамі. Асаблівая ўвага надавалася асобам А. Луцкевіча і беларускіх парламенцкіх прадстаўнікоў, на якіх навешвалі ярлыкі «здраднікаў» і «камуністычных агентаў». Сам А. Луцкевіч з'яўляўся на старонках «Беларускага слова» ў вобразе «нямецкага шпіёна», «беларускага Смердзякова», «надпасла», яго малявалі ў выглядзе вампіра і г.д. Зразу-

меўшы ўсю прывабнасць сатыры як палітычнай зброі, рэдакцыя ўжо з першага нумару газеты размясціла на яе старонках гумарыстычна-сатырычны дадатак «Наш сатырыкон», дзе ў форме вершаў, баек і карыкатур, не заўсёды карэктных і вытрыманых, адлюстроўвалася «галерэя партрэтаў» беларускіх парламентарыяў і нацыянальных дзеячоў.

Калі ў 1926 г. на палітычнай сцэне Заходняй Беларусі актывізавалася дзейнасць Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады, «Беларускае слова» пачало адкрытую кампанію супраць гэтай партыі. БСРГ падавалася ў перыёдыцы як камуністычная арганізацыя, якая, прыняўшы «прынцыпы Інтэрнацыяналу», здрадзіла беларускай нацыянальнай справе і сялянству [7, с. 1]. Хуткі рост гурткоў БСРГ беларускія паланафілы называлі «масавым псіхозам». Пачынаючы з № 29 за 1926 г., у газеце пачалі друкавацца «фатаграфіі» (кароткія характарыстыкі) шэраговых сябраў Грамады, дзе тыя апісваліся як амаральныя злачынцы і крымінальнікі. У 1927 г. «Беларускае слова», у адрозненне ад іншых беларускіх газет і часопісаў, падтрымала арышты лідараў БСРГ, але выступіла ў абарону звычайных грамадоўцаў, якія, маўляў, «пайшлі на ману шырокіх абяцанняў Грамады». Дарэчы, пасля ў газеце пачалі друкавацца адкрытыя лісты былых сябраў мясцовых суполак Грамады, у якіх яны зракаліся ад сяброўства ў гэтай партыі і патрабавалі ўключыць іх у склад паланафільскіх арганізацый [8, с. 3]. Даставалася на старонках «Беларускага слова» і іншым беларускім палітычным групоўкам. Так, напрыклад, Беларускі сялянскі саюз пад кіраўніцтвам Ф. Ярэміча паланафілы называлі «беларускай керэншчынай» і г.д.

Але хутка пазіцыі Паўлюкевіча і Вернікоўскага дыяметральна разышліся. Верагодна, прычынай разрыву стала выбарчая кампанія 1928 г. у польскі парламент, у якой беларускія паланафілы, аб'яднаныя вакол Беларускай нацыянальнай рады (так з 1926 г. называлася ЧБР), імкнуліся прыняць актыўны ўдзел. Паміж галоўным рэдактарам і старшынёй Рады, магчыма, адбылася сварка, пасля якой Паўлюкевіч

выйшаў са складу некаторых паланафільскіх арганізацый і склаў паўнамоцтвы старшыні; Вернікоўскі захаваў пасаду рэдактара «Беларускага слова». У № 4 газеты за 1928 г. у перадавіцы «На пераломе» сцвярджалася, што «адгэтуль усякая сувязь паміж нашымі ўстановамі і п. Паўлюкевічам рвецца цалкам». З гэтага ж нумару «Беларускае слова» пачало выдавацца як «орган незалежнай дэмакратычнай думкі», які імкнуўся звяртаць увагу на справы развіцця беларускай культуры і нацыянальнай свядомасці, «выракаючыся ўсялякай вузкай аднабокай партыйнасці».

Але выдаваць «Беларускае слова» Вернікоўскаму доўга не давялося. Па-першае, скончылася фінансаванне з боку польскіх уладаў, якое вялося, верагодна, праз А. Паўлюкевіча. Па-другое, «Беларускае слова» ўжо зарэкамендавала сябе ў беларускім грамадстве як орган Беларускай нацыянальнай рады, а змяніць кірунак ды рэпутацыю газеты было вельмі цяжка. Таму Вернікоўскі з групай прыхільнікаў вырашыў распачаць выданне новага перыёдыка, дзе ў поўнай ступені маглі б адлюстравацца іх уласныя погляды на грамадска-палітычнае жыццё Заходняй Беларусі. Сродкі на газету знайшліся неўзабаве – Вернікоўскі авалодаў канцэсіяй на ўтрыманне азартнага клубу, якая прыносіла даволі добрыя даходы, што дапамагло яму пасля выдаваць нават два выданні адначасова [9, с. 1].

18 сакавіка 1928 г. свет пабачыў першы нумар газеты «Грамадзянін». У першай перадавіцы выдання рэдакцыя падкрэслівала: «У той час, як польскі элемент на нашых землях значна ўзмоцніў сябе…, нашае грамадзянства займалася толькі палітыканствам і ўзаемнаю грызьнёю, пакуль не апынулася перад разьбітым карытам… Дзеля гэтага, спыняючы далейшае выданьне «Беларускага слова», якое гэтаксама, як і іншыя беларускія часопісы, часта грашыла ў агульным кіраўніцтве палітыкаю і брала ўдзел у агульным хоры ўзаемнай беларускай грызьні і лаянкі, – мы выступаем на грамадзкую арэну з новым органам пад назваю «Грамадзянін»» [10, с. 1]. Газета цалкам падтрымлівала дзяржаўную палітыку

«санацыі» Ю. Пілсудскага, якая ўсталявалася ў краіне пасля майскага перавароту 1926 г., і заклікала сваіх чытачоў да лаяльнага і сумленнага выканання сваіх грамадзянскіх абавязкаў, як у адносінах да дзяржавы, так і да свайго народа. На старонках «Грамадзяніна» фактычна ўпершыню сярод беларускага нацыянальнага асяроддзя ў Польшчы прагучала ідэя «маральнай санацыі» беларускага грамадства як галоўнага выйсця з палітычнага крызісу. Галоўнымі элементамі «маральнай санацыі» павінны былі стаць антыкамунізм, грамадская згода і актыўная культурная праца. Увогуле асноўны накірунак газеты, дый нават яе назва, цалкам супадалі з палітыкай польскіх уладаў у адносінах нацыянальных меншасцей у другой палове 1920-х гг., якая мела на мэце сфарміраваць у беларусаў, украінцаў і іншых польскую грамадзянскую свядомасць і такім чынам «дзяржаўна» асіміляваць іх. «Група Вернікоўскага» стала фактычна рупарам гэтай палітыкі ў беларускім нацыянальным руху.

Прапагандуючы грамадскую згоду, «Грамадзянін» усялякім чынам імкнуўся захаваць яе і на сваіх старонках. У газеце фактычна ў кожным нумары праводзіўся даволі стрыманы агляд прэсы розных беларускіх і польскіх палітычных груповак, рэдка сустракаюцца некарэктныя і рэзкія выпады ў бок канкурэнтаў. У № 5 за 1928 г. было нават размешчана спачуванне з прычыны смерці сына беларускаму паслу Ф. Ярэмічу, якога раней паланафілы лічылі адным з галоўных праціўнікаў на палітычным фронце. Хаця, трэба прызнаць, што пэўная «грызня» мела месца і ў «Грамадзяніне»: рэдакцыя газеты крытыкавала дзейнасць Янкі Станкевіча, Ф. Умястоўскага. Калі А. Паўлюкевіч вырашыў вярнуцца ў палітыку, «Грамадзянін» пачаў крытыкаваць і яго. Але большасць матэрыялаў у газеце была прысвечана праблемам культурнага жыцця, гаспадаркі, польска-беларускім адносінам ды нават эміграцыі.

Акрамя гэтага, у 1928 г. Т. Вернікоўскі стаў рэдактарам і выдаўцом яшчэ аднаго выдання – часопіса «Беларускі радны». Гэты часопіс пачаў выдавацца ў лістападзе 1927 г.

і быў прызначаны для беларускіх дэпутатаў (радных), абраных у органы мясцовага самакіравання [11, с. 1]. Ягоным першапачатковым рэдактарам быў Я. Ярош – сябра Нясвіжскага павятовага сойміка і прыхільнік А. Паўлюкевіча. Але ў красавіку 1928 г. Т. Вернікоўскі пазбавіў яго гэтай пасады і стаў сам рэдагаваць часопіс. У «Беларускім радным» друкаваліся артыкулы па пытаннях самаўрадавых спраў, пераклады польскага заканадаўства, самаўрадавыя і юрыдычныя парады і інш. Верагодна, некалькі артыкулаў, прысвечаных меліярацыі і прыродным багаццям Беларусі, належаць аўтарству Вернікоўскага, які раней працаваў у розных сферах народнай гаспадаркі.

Аднак у 1929 г. Вернікоўскі быў пазбаўлены канцэсіі на азартныя гульні, што азначала спыненне фінансавання яго выдавецкай дзейнасці. Пра гэта ён адкрыта папярэдзіў сваіх чытачоў на старонках «Грамадзяніна» [9, с. 1]. Неўзабаве перастаў выходзіць «Беларускі радны», у канцы красавіка выйшаў апошні нумар і «Грамадзяніна». Пасля гэтага Т. Вернікоўскі адышоў ад актыўнай грамадска-палітычнай дзейнасці і да канца свайго жыцця займаўся праблемамі Праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі, пакінуўшы супярэчлівы след на заходнебеларускай палітычнай сцэне, які фактычна стаў «лебядзінай песняй» паланафільскага кірунку беларускага нацыянальнага руху ў 1920-я гг.

The article analyzes the activity of the Belarusian political figure Fedor Vernikovsky as editor pro-polish several editions of interwar Poland. Through the lens of biography Vernikovsky author also tries to address the main points in the development of the Belarusian pro-polish publications as «Belaruskaje slova», «Gramadzianin», «Belaruski Radny».

Спіс крыніц і літаратуры

1. Горны, А.С. Тодар Вернікоўскі – беларускі грамадскі і царкоўны дзеяч Заходняй Беларусі / А.С. Горны // Шлях у навуку: да 55-годдзя студэнцкага навукова-даследчага гісторыка-краязнаўчага гуртка «НіКа»: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Н.А. Івашчанка [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2011. – С. 147–152.

2. Горный, А. Слово о Федоре Верниковском / А. Горный // Гродненские епархиальные ведомости. – 2011. – № 9. – С. 13–16.
3. Кароткі нарыс беларускага пытаньня. – Мінск: Логвінаў, 2009. – 396 с.
4. Язэп Салавей (некралог) // Грамадскі голас. – 1926. – № 4. – С. 1.
5. Хроніка // Беларуская ніва. – 1926. – 6 лютага. – С. 3.
6. Нашая праграма // Беларускае слова. – 1926. – № 1. – С. 1.
7. Пралетарская «Грамада» // Беларускае слова. – 1926. – № 6. – С. 1.
8. Развал Грамады // Беларускае слова. – 1927. – № 4. – С. 3.
9. Трагэдыя беларускае інтэлігэнцыі // Грамадзянін. – 1929. – № 1. – С. 1–2.
10. Новы шлях // Грамадзянін. – 1928. – № 1. – С. 1–2.
11. Ад рэдакцыі // Беларускі радны. – 1927. – № 1. – С. 1.

Навуковы кіраўнік – **А.А. Каваленя***, доктар гістарычных навук, прафесар.*

УДК 94(497.6)

А.В. Хованский
(Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)

РАТКО МЛАДИЧ – КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

В статье рассматриваются военные аспекты боснийского этнополитического кризиса 1992–1995 гг. Анализируется роль Р. Младича в создании и функционировании военных институтов Республики Сербской, а также его деятельность на посту командующего армией боснийских сербов.

31 мая 2011 г. Международному трибуналу по бывшей Югославии (МТБЮ) был выдан очередной обвиняемый – бывший командующий армией боснийских сербов Ратко Младич.

Р. Младич являлся одной из центральных фигур гражданской войны 1992–1995 гг. в Боснии и Герцеговине (БиГ). Его боялись противники и боготворили сербы. Обожали за честность, высокий профессионализм, отвагу, мужество, за любовь и преданность Родине. «Мой основной смысл жизни – в том, чтобы отдавать народу все, что могу в эти тяжелые минуты», – говорил Р. Младич [1]. Для сербов он – великий стратег и олицетворение всех сербских побед в Боснии, для мирового сообщества – неуступчивый, непослушный агрессор, для боснийских мусульман и хорватов – опасный и коварный противник.

Р. Младич родился 12 марта 1943 г. в с. Божиновичи, недалеко от боснийского г. Калиновик. Избрав военную карьеру, Р. Младич в пятнадцать лет поступил в Военно-промышленную школу в Земуне. В 1965 г. он с отличием окончил Военную академию сухопутных сил в Белграде, а в 1978 г. – Командно-штабную академию [2, с. 239].

4 ноября 1965 г. Р. Младич начал службу в Югославской народной армии (ЮНА) в звании подпоручика. Он прошел все ступени командной иерархии – командир взвода,

отряда, командир батальона в Куманове, бригады в Штипе. В 1989–1990 гг. был начальником учебной подготовки Третьего военного округа [3].

В январе–июне 1991 г. Р. Младич занимал должность помощника командующего Приштинским корпусом в Косово. В это время начался процесс распада федеративной Югославии. На фоне резко ухудшавшейся обстановки в Хорватии и начавшихся боевых действий между хорватами и краинскими сербами в августе 1991 г. он был назначен начальником штаба Книнского корпуса. Хорватский г. Книн в это время был центром самопровозглашенной Республики Сербская Краина (РСК). За боевые заслуги в ходе конфликта в Хорватии Р. Младич 19 октября 1991 г. был произведен в звание генерал-майора. В апреле 1992 г. он получил звание генерал-подполковника [1].

В мае 1992 г. Р. Младич был назначен на должность командующего Вторым округом ЮНА, базировавшегося в столице БиГ г. Сараево. Ранее, в апреле 1992 г., после провозглашения независимости БиГ, боснийские сербы заявили о создании собственного государства – Республики Сербской (РС). В это же время в Боснии началась гражданская война с этноконфессиональным характером [4].

В условиях начавшегося вывода ЮНА из БиГ руководство РС обратилось к офицерам и солдатам с предложением перейти на службу в Войско Республики Сербской (ВРС). Около 80 % состава ЮНА, ранее дислоцировавшегося в БиГ, осталось в новой формирующейся сербской армии. Единогласным решением Скупщины РС командующим ВРС был назначен генерал-подполковник Р. Младич [5, с. 811].

Командующему ВРС удалось в кратчайшие сроки сформировать из разрозненных сербских отрядов организованную и боеспособную армию, состоявшую из 80 тыс. военнослужащих и имевшую на вооружении около 330 танков, более 400 бронетранспортеров, 800 артиллерийских орудий и минометов [2, с. 281]. Под руководством Р. Младича в 1992–1993 гг. ВРС провело ряд успешных операций («Коридор-92»,

«Врбас-92», «Яйце-1», «Яйце-2» и др.). К 1994 г. силы боснийских сербов контролировали около 63 % территории БиГ. В 1990 г. эти территории давали 46 % общего производства Боснии и составляли 47 % торгового оборота. На этих землях жили 45 % всех занятых в экономике людей. За военные заслуги в июне 1994 г. Р. Младичу было присвоено звание генерал-полковника [2, с. 271; 5, с. 818].

Однако несмотря на значительные военные успехи в 1992–1994 гг., армия РС испытывала ряд проблем. Во-первых, ее низкая мобильность, связанная с территориальным принципом формирования воинских соединений. Солдаты набирались из числа жителей окрестных сел и городов, за которые потом и сражались. Лишь к концу 1994 г. появились подразделения, не привязанные к определенной территории. Во-вторых, постоянно ощущалась нехватка людских ресурсов. Однако эти недостатки в некоторой степени компенсировались высоким профессионализмом командования и неплохой материально-технической базой ВРС, что в значительной мере позволило ВС боснийских сербов на начальном этапе конфликта владеть инициативой и добиться значительных успехов в военном отношении [6].

Следует отметить, что командующий ВРС – харизматичная личность, он производил неизгладимое впечатление на собеседников, соратников, простых сербов. Так, историк-балканист Е.Ю. Гуськова после встречи с генералом говорила, что Р. Младич «прост в общении, умен, образован, знает себе цену, является высоким военным профессионалом. Разговаривая с офицерами и солдатами, я поняла, как его любят и боготворят» [2, с. 239]. Похожей оценки придерживается и журналистка Л. Булатович: «Открыто, широко улыбающийся, не только внешне крепкий и грубоватый, он производил впечатление человека жесткого, излучая силу воина и гордость народного героя… Я видела, как обожают его армия и народ». В подтверждение слов журналистки можно привести мнение солдата ВРС: «Он нам и генерал, и отец, и друг. Он и храбр, и умен, и честен, и наш… Это вам скажет любой солдат» [1].

Боснийский конфликт был полон трагических страниц. Так, в июле 1995 г. сербские силы после пятидневных боев взяли г. Сребреница. Операцией по захвату города руководил Р. Младич. По утверждениям ряда правозащитных организаций, в течение пяти дней после взятия города сербами было уничтожено более 7 тыс. боснийских мусульман [7, с. 70].

После этого МТБЮ обвинил Р. Младича в военных преступлениях, преступлениях против человечества и в геноциде мусульманского и хорватского населения Боснии. Кроме того, генералу ставили в вину целенаправленное уничтожение мирных жителей г. Сараево и использование миротворцев ООН в качестве живого щита [3].

Р. Младич был сильным и независимым человеком, что не раз приводило к конфликтам с президентом РС Р. Караджичем и, по некоторым данным, даже С. Милошевичем [7, с. 69]. Так, 2 августа 1995 г. в ходе массированного наступления хорватской армии на удерживаемые сербами территории в Хорватии Р. Караджич принял решение о переименовании Главного штаба ВРС в Генеральный штаб и объявил, что берет на себя руководство армией боснийских сербов. Кроме того, Р. Караджич обвинил Младича в потере двух важнейших сербских городов на западе Боснии, которые были незадолго до того взяты хорватами. В соответствии с решением президента РС Р. Младич лишался своей должности, вместо которой получал новую – специального советника Верховного главнокомандующего по координации совместной обороны РСК и РС. Однако популярность Р. Младича, отказавшегося выполнять этот приказ, в среде сербских военных вынудила Р. Караджича уже через неделю отменить его [5, с. 831].

В период конфликта в жизни Р. Младича произошла и личная трагедия. В 1994 г. при загадочных обстоятельствах совершила самоубийство его дочь Анна, застрелившись из наградного пистолета отца [1].

В динамике боснийского конфликта 1995 г. стал пере-

ломным. В августе–сентябре силы НАТО нанесли серию авиаударов по позициям боснийских сербов, получивших название «Операция «Освобожденная сила»» и положивших конец их военным успехам, что предопределило завершение войны. В результате переговоров между конфликтовавшими сторонами в ноябре 1995 г. в США были подписаны так называемые Дейтонские соглашения. В них оговаривалось, что обвиненные в военных преступлениях должны быть выданы Гаагскому трибуналу [8].

Однако выдача Р. Младича не состоялась. Командующий ВРС покинул свой пост лишь в декабре 1996 г. под угрозой ужесточения международных санкций в отношении РС. Однако даже после ухода Р. Младич продолжал пользоваться огромной популярностью и поддержкой у боснийских сербов. Так, согласно проведенному в 1996 г. социологическому исследованию в Сараево, 93 % опрошенных сербов высказались в поддержку Р. Младича [1].

Затем Р. Младич переехал из Боснии в Белград, где пользовался покровительством президента Югославии С. Милошевича. Однако после ареста последнего в 2001 г. генералу пришлось скрываться. Долгие годы он был самым разыскиваемым человеком в мире. За его поимку Запад обещал вознаграждение в сумме 5 миллионов долларов. К тому же в октябре 2007 г. власти Сербии объявили о готовности выплатить 1 миллион евро за информацию о местонахождении Младича [1].

В мае 2010 г. семья Р. Младича сообщила о своем намерении добиться признания генерала умершим. Однако власти Сербии заявили, что поиски бывшего командующего ВРС не будут прекращены, независимо от иска, и в конце июня 2010 г. ходатайство родственников было отклонено [7, с. 70].

26 мая 2011 г. президент Сербии Б. Тадич объявил об аресте Р. Младича на территории республики. На следующий день Белградский суд дал разрешение на его экстрадицию и предание суду Гаагского трибунала. Уже 3 июня 2011 г. Р. Младич предстал перед МТБЮ. Он отказался признавать

свою вину и заявил, что «всего лишь защищал свой народ» [1].

В настоящее время заключение, предъявленное Р. Младичу, содержит 15 пунктов обвинения: геноцид, пособничество геноциду, незаконное преследование по политическим, расовым и религиозным причинам, убийство (4 пункта), истребление населения, депортация, негуманное обращение, незаконное устрашение гражданских лиц, жестокое обращение, негуманные действия, нападения на гражданских лиц, захват заложников [7, с. 70].

Следует отметить, что в оценке событий гражданской войны в Боснии очень часто используются двойные стандарты. Единственными носителями преступного «поведения» признаются почти исключительно боснийские сербы и их руководители. При этом по поводу действий хорватов и мусульман и их лидеров ничего подобного не говорилось.

Конечно, в качестве командующего ВРС Р. Младич был самым старшим офицером, подчиненным только президенту РС Р. Караджичу. Он контролировал работу Главного штаба, принимал решения для членов главного штаба и подчиненных ему формирований, распределял задачи среди подчиненных, издавал приказы, инструкции и директивы. Естественно, он нес и личную ответственность за то, чтобы ВС под его командованием и контролем уважали и применяли нормы международного права, касающиеся ведения боевых действий. Однако знал ли Р. Младич о преступлениях, совершенных его подчиненными, и мог ли их предотвратить в условиях хаоса гражданской войны, остается дискуссионным вопросом.

Причастность к инкриминируемым преступлениям, совершенным Р. Младичем в годы гражданской войны 1992–1995 гг., а также степень его виновности еще предстоит определить в суде. Однако бесспорным остается факт, что для сербов Р. Младич – герой. Жесткий, бескомпромиссный, храбрый «окопный» генерал, «отец солдатам» своими харизматическими качествами снискал всенародную любовь сербов, как военных, так и гражданских.

The article considers the military aspects of the Bosnian ethno-political crisis of 1992–1995. Examines the role of R. Mladic in the establishment and functioning of the military institutions of the Republika Srpska, as well as his work as Commander of the Bosnian Serb army.

Список источников и литературы

1. Булатович, Л. Генерал Младич – военный преступник? / Л. Булатович [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.guskova.ru/. – Дата доступа: 28.04.2009.
2. Гуськова, Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000) / Е.Ю. Гуськова. – М.: Русский национальный фонд; Издатель А. Соловьев, 2001. – 717 с.
3. Доклад Генерального секретаря, представляемый во исполнение резолюции 53/35 Генеральной ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: www.un.org/ru/siteindex/a54-549.pdf. – Дата доступа: 28.03.2009.
4. Гуськова, Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии / Е.Ю. Гуськова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://libukraine.info/libua_99206.html/. – Дата доступа: 10.04.2009.
5. Югославия в XX веке: очерки политической истории / редкол.: К.В. Никифоров (гл. ред.) [и др.]. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
6. Ионов, А. Очерки военной истории конфликта в Югославии (1991–1995) / А. Ионов [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://artofwar.ru/i/ionow_a_a/text_0010.shtml/. – Дата доступа: 21.03.2009.
7. Сысоев, Г. Генерал, который орал на Милошевича / Г. Сысоев // Коммерсантъ. – 2011. – № 22 (926). – С. 69–71.
8. Дейтонские мирные соглашения // ООН [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/conv1990.shtml. – Дата доступа: 21.04.2010.

Научный руководитель – **И.О. Змитрович,** *кандидат философских наук, доцент.*

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА...3

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ...5
Залога А.Г. Польская политическая ссылка в Сибири во второй половине XVIII в..5
Артющик Т.В. Сюрреалистическая живопись Франции 20–30-х гг. XX в. 9
Лебедевич В.Д. Эмигрантское правительство Чехословакии и СССР в 1939–1943 гг. 17
Янученя Д.С. Деятельность юденрата по учету, регистрации и организации жизни узников Белостокского гетто в 1941 году............24
Cisek B. Przyczynek do rozważań nad zagadnieniem pogranicza w kontekście Żywiecczyzny..30
Лютомский А.А. Введение военного положения в Польше в 1980 г. 38

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ..46
Бабіна П.В. Стасункі інтэлектуалаў у XVI ст.: Андрэй Курбскі і Васіль-Канстанцін Астрожскі 46
Кітурка В.В. Мемуары Міхаіла Клеафаса Агінскага як крыніца па гісторыі Беларусі 55
Кайрыс А.А. Дзеянні паўстанцаў у Гродзенскай губерні з сакавіка па ліпень 1863 г. паводле данясенняў і рапартаў мясцовых чыноўнікаў 60
Карпенкіна Я.В. Беларускія гарады і мястэчкі XIX ст. у адлюстраванні яўрэйскай мемуарыстыкі 65
Сахарчук М.Н. Роль судьи в становлении польской судебной системы в Полесском воеводстве (1919–1939 гг.) 74

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ 162
Urban M., Marek M. O narracji historycznej liberalnego intelektualisty, Jarosława Hrycaka, na temat UPA 82
Ракоўская І.В. Кафедра гісторыі Беларусі гістарычнага факультэта ГрДУ імя Янкі Купалы ў 1981–2001 гг.: гістарыяграфія і крыніцы даследавання 99
Трахимчик Т.С. Роль личности в истории Средиземноморья Ф. Броделя 106

АРХЕАЛОГІЯ І КУЛЬТУРНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ.................................113
*Грышко В.С.*Хрысціянскія элементы ў пахавальнай абраднасці Беларусі ў XI–XIII стст.: праблемы інтэрпрэтацы.....................................113
Lisiecka A. Podziemny Kraków w podziemnym muzeum. Historia dla turystów, czyli jak wykorzystano odkrycia wykopalisk archeologicznych..128
Сечка В.І. Калоднае пчалярства – народны промысел палешукоў 137
Кісаметава А.В. Уплыў паганства на своеасаблівасці хрысціянскай веры праваслаўнага накірунку на Палессі 143
Пашкевіч А.А. Вусная народная творчасць у жыцці палешукоў 150

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА...156
Адамовіч А.Т. Верасень 1939 г. ва ўспамінах жыхароў Лідчыны 156
Махнач Е.А. Еврейское кладбище на Занеманском форштадте Гродно 166
Сямашка І.А. Касцёл Святой Тэрэзы ў Шчучыне: гісторыя і сучаснасць 175

ГЕНДЭРНАЯ ГІСТОРЫЯ...181
*Панкевич В.В.*Сравнительная характеристика Алиеноры Аквитанской и Изабеллы I Кастильской 181
Коженевская М.Г. Еврейки г. Гродно во второй половине XIX–начале XX вв..188

ПЕРСАНАЛІІ...194
Бобровник Е.В. Т.Б. Маколей как политический деятель 194
Горны А.С. Тодар Вернікоўскі як рэдактар беларускай паланафільскай прэсы ў міжваеннай Польшчы: штрыхі да партрэта нацыянальнага дзеяча 203
Хованский А.В. Ратко Младич – командующий армией Республики Сербской Боснии и Герцеговины 211

Навуковае выданне

Рэха мінуўшчыны

Зборнік навуковых артыкулаў

Адказны рэдактар : **Аляксандр Горны**

Вёрстка, дызайн : **Аляксандр Рыжы**

Падпісана да друку 18.12.2012
Фармат 60x84/16
Ум.друк.арк. 12,7 Ул.выд.арк 10,2.
Друк лічбавы
Тыраж 70 экз. Заказ 67/12

Выдавец і паліграфічнае выкананне
Таварыства з абмежаванай адказнасцю
«ЮрСаПринт»
ЛІ № 02330/1010 ад 31.01.2012 г.
вул. Карла Маркса,11, 230015, г. Гродна
+375 152 77 18 20
+375 295 87 84 11